DS
33

ИСТОРІЯ И ДРЕВНОСТИ
ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕЙ АЗІИ,

ОТЪ X ДО XIII ВѢКА,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПЕРЕВОДА КИТАЙСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ О КИДАНЯХЪ, ЧЖУРЧЖЕНІЯХЪ И МОНГОЛО-ТАТАРАХЪ.

В. ВАСИЛЬЕВА,
профессора Императорскаго С. Петербургскаго Университета.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.
1857.

„Пров 38“

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатании представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ С Петербургъ, 2› Апрѣля 1857 года

Цензоръ *И Гончаровъ*

100600

Отпечатано изъ IV части *Трудовъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества*)

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

100600

ИСТОРІЯ И ДРЕВНОСТИ

ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕЙ АЗІИ

отъ X до XIII вѣка,

съ приложеніемъ перевода китайскихъ извѣстій о Киданяхъ, Джурджитахъ и Монголо-Татарахъ.

В. П. ВАСИЛЬЕВА.

Несмотря на темныя стороны, которыя, говоря вообще, представляютъ еще донынѣ древности Средней Азіи, мы имѣемъ уже на русскомъ языкѣ достаточное количество матеріяловъ въ переводахъ покойнаго О. Іакинѳа и особенно въ его *Исторіи о народахъ обитавшихъ въ Средней Азіи*. Заслуги покойнаго нашего синолога такъ велики, труды его такъ обширны, что мы почитаемъ, съ своей стороны, дерзостью разбирать недостатки, которые неизбѣжны во всякомъ изданіи о предметахъ, въ которыхъ не только публика, но даже и ученый свѣтъ принимаетъ еще такъ мало участія. Труды О. Іакинѳа, каковы, кромѣ вышесказаннаго изданія, *Исторія четырехъ хановъ изъ дома Чингисова*, *Исторія Тибета и Кукэнора* и *Описаніе Восточнаго Туркестана*, представляютъ собраніе всѣхъ главнѣйшихъ матеріяловъ

касательно сказанной страны и народовъ въ ней жившихъ, на пространствѣ всего историческаго времени, какія только находятся въ китайскихъ официальныхъ исторіяхъ Но О. Іакинѳъ забывалъ, что у насъ еще такъ мало могущихъ пользоваться источниками, и потому, по нашему мнѣнію, изданія, имъ обнародованныя, выиграли бы очень много и представлялись бы совсѣмъ въ иномъ видѣ, еслибъ онъ самъ принялъ на себя въ то же время трудъ представить главный очеркъ тѣхъ событій и народовъ, о которыхъ онъ повѣствуетъ спеціально; еслибъ онъ познакомилъ читателя съ мѣстностью не чрезъ прибавленіе неполныхъ географическихъ указаній, а въ болѣе оживленной картинѣ; еслибъ, въ то же время, разсказалъ хотя вкратцѣ содержаніе исторіи Китая въ тѣ времена, къ которымъ относятся его переводы, тѣмъ болѣе, что тексты ихъ составляютъ только дополненія или приложенія (appendix) къ исторіи китайской, такъ что даже въ нихъ не упоминается о тѣхъ главныхъ происшествіяхъ, которыя разсказываются въ самой исторіи.

Но, сверхъ того, для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ упомянутыми сочиненіями, очевидно, что между исторіей народовъ Средней Азіи и эпохой Чингисхана находится пропускъ на пространствѣ трехъ столѣтій, такъ что, читая исторію древнихъ народовъ, мы находимся въ неизвѣстности, что́ съ ними сдѣлалось въ послѣдствіи, и отъ того самое выступленіе на историческое поприще Монголовъ представляется въ какомъ-то полумракѣ. Мы не можемъ однакожъ обвинять въ этомъ О. Іакинѳа; онъ передалъ намъ, въ «Исторіи древнихъ народовъ», тѣ дополненія или приложенія, которыя онъ находилъ въ официальныхъ исторіяхъ династій, царствовавшихъ въ Китаѣ, и потому, не встрѣчая въ дальнѣйшихъ исторіяхъ продолженія этихъ дополненій, разумѣется онъ долженъ былъ кончить тамъ, гдѣ истощились его матеріялы. Итакъ

Исторія Средней Азіи доведена имъ только до конца Танской династіи или до начала X-го вѣка. Съ этого времени Китай распался на части и потому лишился и своего вліянія на иностранныя земли и даже не могъ получить свѣдѣній о тамошнихъ событіяхъ: сѣверъ былъ заслоненъ отъ него двумя государствами, владѣвшими частью Китая и выдавшимися болѣе или менѣе въ Монголію: царствомъ *Ся*, главнымъ центромъ котораго былъ Ордосъ, и царствомъ *Киданей*, владѣвшихъ отъ него на востокъ до самаго океана. Исторія двухъ послѣднихъ государствъ хотя и дошла до насъ, но за то не касается уже ихъ сосѣдей, жившихъ далѣе къ сѣверу. О Іакинѳъ передалъ (въ «Исторіи Тибета и Кукэнора») исторію царства Ся, но оставилъ безъ вниманія исторію Киданей и смѣнившихъ ихъ Маньчжуровъ-Чжурчженей, по той вѣроятно причинѣ, что это не было уже дополненіе, а полная самостоятельная исторія, для перевода которой требовалось бы много труда и мѣста. Для поясненія этого, замѣтимъ напримѣръ, что одна офиціяльная исторія Киданей, кромѣ другихъ источниковъ, заключается въ двухъ, а Цзиньская въ шести томахъ. Въ переводѣ онѣ составили бы, по крайней мѣрѣ, 15 такихъ книгъ, каковы изданныя О. Іакинѳомъ. При малочисленности нашихъ читателей, если бы О. Іакинѳъ и предпринялъ трудъ такого перевода, онъ, при всемъ покровительствѣ, которое оказывали его сочиненіямъ, едва ли бы нашелъ средства къ изданію. Между тѣмъ исторія этихъ двухъ династій составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ среднеазійской исторіи; безъ нихъ мы не поймемъ даже причины появленія Чингисхана и предводимыхъ имъ Монголовъ; не узнаемъ, до какой степени можно надѣяться отыскать въ китайскихъ источникахъ желанныя свѣдѣнія о послѣднихъ. Потому, оставляя до другаго времени предполагаемое нами обозрѣніе исторіи какъ народовъ

Средней Азіи, такъ и Тибета и Кукэнора, мы рѣшились, по возможности, пополнить сказанный недостатокъ, если не изданіемъ перевода оригинальныхъ сочиненій, то по крайней мѣрѣ очеркомъ главнаго ихъ содержанія. Сверхъ того мы считаемъ неизлишнимъ присоединить къ этому краткому обозрѣнію небольшія статьи, которыя хотя и не составляютъ офиціяльной исторіи, но между тѣмъ не лишены интереса, тѣмъ болѣе, что написаны частными лицами, жившими недалеко отъ описываемой ими эпохи. Офиціяльныя исторіи: Киданей (*Ляо-ши*), Чжурчженей (*Цзинь-ши*) и наконецъ Монголовъ (*Юань-ши*) распространяются болѣе объ этихъ народахъ съ того времени, когда они, сдѣлавшись властителями большей или меньшей части Китая, приняли китайскія учрежденія и управляли въ духѣ государствъ, воспитанныхъ ученіемъ Конфуція и мудрствованій ученыхъ Серединнаго государства. Въ такомъ случаѣ эти исторіи принадлежатъ уже собственно Китаю, и невозможно разсматривать находимыхъ въ нихъ свѣдѣній объ астрономіи, финансахъ, церемоніяхъ, уголовныхъ законахъ, чинахъ, и т. п., безъ связи съ предшествовавшими временами китайской исторіи. Напротивъ, частныя записки стараются указать болѣе на тѣ особенности, которыя характеризовали эти народы; потому-то онѣ и не лишены интереса.

Съ десятаго столѣтія до Монголовъ, въ судьбѣ Средней Азіи происходитъ значительная перемѣна. Прежде главнѣйшую роль въ ней играли народы сѣверо-запада, тяготѣвшіе надъ Китаемъ отъ подножія Алтая до горъ Иньшань, тянущихся неподалеку отъ знаменитаго обратнаго поворота Желтой рѣки изъ Монголіи въ Китай. Народы юго-востока не играютъ дотого никакой значительной роли, хотя и невсегда находятся въ зависимости отъ своихъ сосѣдей. Самое пребываніе столицы Китая на западѣ, въ знаменитомъ Чанъ-ань,

уже свидѣтельствуетъ о томъ, что это государство сосредоточивало свои главныя силы тамъ, гдѣ было болѣе опасности. Съ X-го вѣка выступаетъ на сцену Пекинъ и удерживаетъ съ того времени до нынѣшняго названіе столицы. Между тѣмъ, какъ исторія оставляетъ съ того времени народы сѣверо-запада, утратившіе свое значеніе въ разъединеніи, на юго-востокѣ образуются сильныя царства, которымъ не было до того времени подобныхъ. Съ этого времени до Чингисхана, Монголія, представительница Средней Азіи, расторгается естественной своей границей, степью Шамо, на двѣ части, и юго-восточная занимаетъ первое мѣсто: честь эта принадлежитъ Киданямъ. За то она, какъ бы въ замѣнъ разъединенія своего съ остальной половиной, сливается гораздо тѣснѣе съ отдаленнымъ востокомъ или Маньчжуріей, которая до тѣхъ поръ никогда не выходила изъ своихъ границъ.

Если бросимъ взглядъ на географическое положеніе юго-восточной части Средней Азіи, то эта связь кажется самой естественной. Земли по ту сторону Шамо принадлежатъ къ одной категоріи. Система Амура, составляющая ядро маньчжурскихъ народовъ, начинается на отдаленномъ западѣ по сѣверную сторону Гоби, опоясывая ее южной своей вѣтвью, Кэруленомъ. Многія вѣтви, впадающія въ рѣку Нонни-Цзянъ, принадлежатъ также восточной Монголіи, съ другой противоположной стороны рѣка Шара-муренъ, начинающаяся на западѣ юго-восточной Монголіи и составляющая центръ ея, принимаетъ въ себя много рѣкъ, текущихъ изъ Маньчжуріи и, по присоединеніи къ ней одной изъ такихъ (Дунъ Ляо-хэ), составляетъ естественную границу южной Маньчжуріи или Ляодупа, тогда какъ страна Ляо-си, или земля по западную сторону этой же самой границы, тянущаяся вдоль Желтаго моря, столько же принадлежитъ къ Маньчжуріи, какъ и къ Монголіи; обладаніе ею составляло во всѣ времена вѣрный

признакъ преобладанія той или другой стороны. Если Маньчжурія менѣе была порабощаема въ древнія времена до Киданей, то это только потому, что главными дѣйствующими лицами до нихъ были народы сѣверо-запада. За то теперь можно надѣяться, что и она когда-нибудь будетъ значительнѣе. Вообще какъ восточная Монголія, такъ и Маньчжурія не разнятся между собой природою: одно продолженіе горъ, покрытыхъ густыми лѣсами, одинаковая способность къ обработыванію полей, нарушаемая только вторженіемъ сѣверозападныхъ народовъ; вѣроятно, въ древнія времена было гораздо болѣе племеннаго сходства и сродства въ ихъ языкѣ. Древніе Дунъ-ху не суть одни только Маньчжуры; къ племени Мохэ историки, можетъ быть неошибочно, относятъ и Киданей, или ихъ единородцевъ Шивэй; только отъ вторженія сѣверозападныхъ народовъ съ одной стороны и отъ натиска съ другой, произошло различіе въ нынѣшнемъ языкѣ, который сохранилъ все-таки грамматическое сродство. Наконецъ, мы должны упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ. Движеніе народовъ съ сѣверо-запада довольно ясно означено въ исторіи Восточной Азіи; на движеніе же народовъ съ востока не такъ отчетливо обращено вниманіе. Мы разумѣемъ не то движеніе, которое давно уже, и съ вѣроятностью, признано западными историками, т. е. движеніе народовъ, разрушившихъ Римскую Имперію; но движеніе, которое, начавшись не такъ замѣтно и громко, при внимательномъ обзорѣ, является гораздо значительнѣе толчка, даннаго Гуннами. Кромѣ дома Тоба, вышедшаго изъ этихъ странъ, мы не забудемъ еще о Тогонахъ, перенесшихся на равнины Кукэнора; Сяньбійцы, разбитые Гуннами, удаляются въ горы и выступаютъ оттуда вмѣстѣ съ Киданями; сѣверъ Маньчжуріи тяготитъ надъ югомъ, и потомъ, въ соединеніи съ нимъ, разливается, при Цзиньцахъ, потокомъ до Иньшаня и Кукэнора, отъ Кэ-

руляна до Хуанхо; наконецъ настоящая династія, вышедшая изъ средины Маньчжуріи, обнимаетъ собой весь восточный свѣтъ.

I.

Исторія Киданей.

Названіе Киданей (*Кидань*) является въ первый разъ при династіи Тоба или Нань-Вэй [1]. По словамъ «Ляо-дунъ-чжи» (Описаніе Ляодуна), приводимыхъ въ «У дай Ши дзи чжу» (LXXII, 3), при концѣ пяти династій Кидане назывались еще *Тай-Янъ Цидань* (изъ этого можно заключить, что названіе найманьскаго хана *Даянь*-ханъ, современника Чингисхана, не было вѣроятно его собственнымъ именемъ). Исторія ясно признаетъ ихъ потомками Дунъ-ху, и указывая на то, что они жили у горъ Сяньбійскихъ, опредѣляетъ тѣмъ родство ихъ съ народомъ Сяньби. Хотя, по другимъ источникамъ, и постоянно говорится, что они, какъ и Кумохи, убѣжали нѣкогда въ Сунмо, т. е. на рѣку Сунгари; но между тѣмъ исторія застаетъ ихъ уже по переселеніи оттуда. Съ самаго перваго времени, мѣстности, занимаемыя Киданями, были тѣже, что̀ и въ X-мъ столѣтіи; онѣ лежали на востокъ отъ Кумохи, на западъ отъ Гао-Ли (Корейцы), на югъ отъ Мохэ и Шивэй, на сѣверъ отъ китайской провинціи Инъчжоу. Главнымъ становищемъ ихъ было озеро Ляо (Ляоцзэ), находившееся въ 1120 ли отъ прохода Юй-гуань, который самъ отстоялъ на 714 ли отъ Ю-чжоу (Пекинъ). Такимъ образомъ земля ихъ на юго-востокъ простиралась до Желтаго моря, на востокъ отдѣлялась р. Ляо отъ Маньчжуровъ, на сѣверо-западъ обнимала Лынъ-цзинъ, а на сѣверъ

[1] Іакинѳъ, Исторія народовъ Средней Азіи I, 495.

граничила съ Сунъ-цзинъ. Эта страна простиралась отъ востока къ западу на 3000 ли; здѣсь было много сосны, ивы и тростнику; протекали двѣ рѣки: Бѣй-ѣгу-мурень, что̀ значитъ Яшмовая рѣка (Юй-хэ) и Шира-мурень (Хуанъ-хэ). Хотя исторія и говоритъ, что цари явились у Киданей со временъ Абаки, но, между тѣмъ, мы не разъ встрѣчаемъ въ той же исторіи упоминаніе, что Кидане часто соединялись подъ одной властью; да и нѣтъ возможности допустить, чтобы въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ не было ничего общаго между различными поколѣніями, которыя хотя и управлялись отдѣльными старшинами, но выбирали, еще до Абаки, одного предводителя. Такъ исторія упоминаетъ о государѣ Дахэ, имѣвшемъ до 40,000 войска, хотя въ тоже время упоминается уже и о главномъ раздѣленіи Киданей на восемь аймаковъ[2]. Во всякомъ случаѣ, Кидане, до X-го вѣка, не составляютъ самостоятельнаго владѣнія. Слабость ихъ лучше всего доказывается тѣмъ, что до Суйской династіи они очень рѣдко безпокоили Китай, и когда покусились было на это послѣ 560 года, то были совершенно разбиты; китайскіе полководцы, если вѣрить исторіи, захватили тогда въ плѣнъ до 100,000 душъ. Послѣ этого пораженія, Кидане были стѣснены Тукюэцами и еще до 10,000 семействъ ушло въ Гао-ли, откуда впрочемъ послѣ убѣжали. Такимъ образомъ, изъ зависимости, въ которой находились при династіи Вэй, они переходятъ въ такую же къ Тукюэцамъ, которые даютъ Дахэ титулъ *Сыгинь*; затѣмъ, съ усиленіемъ Танской династіи, Китай считаетъ ихъ своими вассалами, и они перестали

[2] Въ 471 году, когда всѣ киданьскія поколѣнія поддались Вэйской династіи, эти восемь аймаковъ перечисляются слѣдующимъ образомъ Сивеньдань, Хэдахе, Фуфою, Юйлинъ, Лянь, Цзѣ, Ли, Тулугань Должно думать, что нѣкоторыя изъ этихъ названій были переводъ или сокращеніе на китайскомъ языкѣ; слова *Хада* и *Тулугань* звучатъ по-монгольски (*хада*—скала, *тургэнь*— скорый, *алтань* изъ *вэньдань?*).

быть такими только съ паденіемъ этой династіи, т. е. съ началомъ того періода, который мы намѣрены обозрѣть. Но и при этой зависимости, Кидане, когда имъ представлялся случай, не упускали пользоваться общей наклонностью полукочевниковъ и вели постоянныя войны съ Кумохи и нападали на китайскія границы. Танская династія помогла, кажется, Киданямъ освободиться отъ власти Тукюэсцевъ; старѣйшины ихъ пріѣзжаютъ ко двору, сопровождаютъ императорскія войска въ походѣ противъ Кореи, и вмѣстѣ съ наградами, состоявшими въ шелковыхъ тканяхъ, получаютъ различныя титла, въ чемъ и выказывается, по мнѣнію китайскому, подданство инородцевъ. Китайскій императоръ превращаетъ всю киданьскую землю въ область Сунъ-мо, а каждому изъ поколѣній [3] даетъ названіе округа; но на дѣлѣ губернаторомъ области и правителями округовъ остаются все тѣже старшины поколѣній, и только главный ихъ предводитель, ими самими выбранный, есть губернаторъ или правитель; потому нечего и думать, чтобы Китай сильно вмѣшивался здѣсь во внутреннія дѣла. Вскорѣ послѣ этого раздѣленія Кидане начинаютъ войну съ Китаемъ, который называетъ ее бунтомъ; старшина ихъ Цзиньчжунъ принимаетъ титло Ву-шанъ-хана. Царствовавшая въ то время императрица Вухоу назначаетъ противъ нихъ 28 предводителей; но императорскія войска постоянно были разбиваемы, даже не смотря на смерть Цзинь-

[3] Поколѣнія называются здѣсь уже: 1) Да-ги или Да-хэ, 2) Гэбянь, 3) Духо. 4) Фыньвынь, 5) Тубянь, 6) Жуихи, 7) Чжуигинь, 8) Фу. У нихъ считался всего 41 уѣздъ, имѣвшій своего начальника, но въ «Исторіи пяти династій» говорится, что первое изъ этихъ поколѣній, Дахэ, раздѣлилось снова на восемь аймаковъ, которые суть 1) Динь-ли-цзы (по «Тунъ цзянь као и»—Ли-цзѣ-ди), 2) Ишихо (Ишихо-ди), 3) Шихо (Шихо ди и т. д., съ прибавленіемъ *ди* во всѣхъ слѣдующихъ именахъ), 4) Навэй, 5) Пиньмо, 6) Нэй-хой, 7) Цзи-цзѣ, 8) Си-вэнь Съ этимъ вмѣстѣ исчезаютъ названія прежнихъ поколѣній; но это значитъ не болѣе, что они перемѣнили имена, вѣроятно, съ перемѣной начальниковъ или династіи.

чжуна, и на нападеніе, сдѣланное тукюэскимъ Мочжо, полководецъ киданскій Ванъюнъ продолжаетъ побѣды и опустошеніе китайскихъ земель въ Инъчжоу; только содѣйствіе Кумохи помогло Китайцамъ разбить его; но тогда Кидане поддались Тукюэсцамъ (627). Черезъ 20 лѣтъ вліяніе Танскаго дома снова было возстановлено и Шихо поставленъ главноуправляющимъ надъ ними, въ этомъ званіи наслѣдуетъ ему, по смерти, братъ его Согу; но въ самой ордѣ является честолюбивый Кэтуганъ (Гэтукэнь), который убиваетъ Согу и кумохійскаго старѣйшину Дапу, возводитъ въ званіе киданьскаго государя различныхъ лицъ, подъ именемъ которыхъ самовольно распоряжается въ ордѣ. Дворъ хладнокровно смотрѣлъ на это до тѣхъ поръ, пока Кэтуганъ не соединился съ Тукюэсцами; тогда снова отправлена была противъ Киданей китайская армія. и наконецъ, въ 734 г., Кэтуганъ былъ умерщвленъ своимъ чиновникомъ Госи, который за это получилъ управленіе. Танскій дворъ опять сталъ считать подъ своей зависимостью Сунъ-москую область; Аньлушань старался окончательно покорить Киданей, но не успѣлъ въ этомъ; однакожъ, съ этого времени, сношенія между Китаемъ и Киданями, до 840 г., были довольно мирныя. Старѣйшины киданьскіе являются постоянно ко двору, потому что онъ осыпаетъ ихъ милостями; однакожъ, въ половинѣ IX-го столѣтія, мы видимъ, что Кидане подвергаются нападе ніямъ со стороны Уйгуровъ, которые считаютъ ихъ своими подданными, раздаютъ имъ печати. Но вскорѣ Кидане сами усиливаются; безпокойства, возникшія въ Китаѣ, не давали ему возможности слѣдить за событіями въ Монголіи, Кидане покоряютъ разныя смежныя земли, порабощаютъ Датаней, Кумохи и Шивэйцевъ, нападаютъ на китайскія земли, пока китайскій полководецъ Лю-шоу-гуанъ не задалъ имъ порядочнаго урока. Въ это время, по нѣкоторымъ словамъ ки-

тайской исторіи, Киданями управлялъ по-прежнему родъ Дахэ. Въ концѣ IX-го столѣтія мы видимъ изъ этого рода сильнаго киданьскаго князя Силипзи или Сиерчжы (по другимъ, только Сиръ), которому наслѣдуетъ родственникъ Чэньдань (или Цзипьдэ). Но какъ согласить эти упоминанія съ положительными утвержденіями исторіи, что Кидане, состоявшіе изъ осьми поколѣній, выбирали чрезъ каждые три года начальниковъ своего сейма, которые управляли общимъ дѣломъ?

Исторія пяти китайскихъ династій, при которыхъ возрастаетъ могущество Киданей, застаетъ ихъ по-прежнему въ раздѣленіи на восемь поколѣній, которые выбирали изъ среды себя одного старшину для управленія всѣми. Знамя и барабанъ, стоявшіе предъ его палаткой, означали его достоинство; но когда онъ долго правилъ или при немъ случалось несчастіе, то эти знаки достоинства переносились къ палаткамъ слѣдовавшаго даженя [4]. Изъ этого видно, что правленіе было избирательное на срокъ. Когда, при такомъ правителѣ Яо-нянѣ, случилось, что Кидане потерпѣли неоднократно пораженіе отъ китайскаго Лю-жень-гуна, владѣвшаго Ю-чжоу, то народъ осьми поколѣній, приписывая эти неудачи Яоняню [5], смѣнилъ его и на его мѣсто поставилъ Ѣлюй-Амбагяня. Китайцы оставили легенду, что Амбагянь, однажды избранный предводителемъ сейма и пробывъ начальникомъ Киданей сряду девять лѣтъ, наконецъ просилъ прочія поколѣнія отдѣлить его; потомъ, созвавши старшинъ прочихъ поколѣній, коварно предалъ ихъ смерти, послѣ чего сдѣлался единственнымъ повелителемъ Киданей. Можетъ быть, эта легенда родилась у самихъ Киданей и имѣетъ основаніемъ то

[4] Китайское слово, значитъ «большой человѣкъ», т. е. вельможа, начальникъ поколѣнія

[5] Слѣдовательно, это одно лице съ Чэньдань, которому, по другимъ источникамъ, наслѣдовалъ Амбагянь.

событіе, что китайскій Лю-шоу-гуанъ захватилъ себѣ въ руки киданьскихъ старшинъ[6], и исторія не скрываетъ, что отъ этого обстоятельства Кидане сильно пострадали. Подлинная исторія Амбагяня не знаетъ объ этомъ обстоятельствѣ По исторіи Ляо, Амбагянь происходилъ изъ фамиліи Ѣлюй и родился 872 г. въ аймакѣ Дѣла (неизвѣстномъ въ числѣ осьми поколѣній, хотя это поколѣніе Дѣла встрѣчается и послѣ), былъ старшій сынъ Салади, т. е. того самого Силицзи, о которомъ упоминается при Танской династіи; этотъ Салади пріобрѣлъ вліяніе надъ прочими поколѣніями и, по Ляоской исторіи, завоевалъ, съ помощію Амбагяня, народы Шаохуань и Шивэй, также и поколѣнія Юай-ву, Угулуши и Бисажунъ. По смерти Салади, сдѣланъ былъ ханомъ братъ его Цинь-дэ (Чэндань), вѣроятно, потому только, что сначала, у большей части среднеазійскихъ народовъ, замѣчается обычай старшинства не по прямой линіи. Сыновья прежнихъ хановъ между тѣмъ занимаютъ въ государствѣ извѣстныя должности; Амбагянь сначала имѣлъ чинъ тамажуна, потомъ ачжусали, а при Цинь-дэ сдѣланъ иличань[7] (эльчи), съ правомъ полнаго распоряженія военными дѣлами. Тогда Амбагянь ослабляетъ все болѣе и болѣе поколѣнія Юй-чуай и Шивэй[8]; потомъ, будто мирными увѣщаніями, уговариваетъ народъ Си-си (или Кумохи)[9], который имѣетъ своего владѣтеля (по имяни Чжули), присоединиться къ нему. Тутъ ясно говорится, что Си-си сходны съ Кидапями по языку и учрежденіямъ, и цѣль этого соединенія была, чтобъ отмстить Китайцамъ за избіеніе Киданей. Послѣ того, въ 905 году,

---

[6] Іакинеъ. I, 469

[7] Ѣлунъ-ли равняетъ этотъ чинъ съ китайскимъ цы-ши — воеводой.

[8] Семь фамилій (поколѣній) Шивэй.

[9] Пять фамилій Си.

Амбагань[10] вторгся въ китайскія провинціи Хэ-дунъ и и Хэбэй, будто съ 400,000 войска[11], взялъ девять большихъ городовъ и получилъ большую добычу; въ слѣдующемъ году онъ устремился противъ Нюйчжи (Чжурчженей или Маньчжуровъ) и полонилъ изъ нихъ 300 семействъ. Послѣ того, всѣ владѣнія Дѣла и Си (между которыми разумѣются кажется только еще 7000 семействъ, покорепныхъ при жизни Салади и переселенныхъ на р. Цинь-хо) раздѣлены на 13 уѣздовъ, надъ которыми Амбагань поставленъ въ званіи *юй-юай* (чинъ, какъ видно, принадлежавшій завѣдывавшему всѣми государственными дѣлами, слѣдовательно равный канцлерскому). Въ слѣдующемъ году онъ пошелъ противъ Хэчэцзы-Шивэй'евъ, и въ тоже время разбилъ китайское войско Люженьгуна, правителя Лулуня; послѣ того, онъ еще болѣе преслѣдовалъ шивэйскія поколѣнія, заключилъ союзъ съ китайскимъ правителемъ Ликэюномъ, который въ провинціи Шапьси, подъ предлогомъ привязанности къ павшей династіи Танъ, объявилъ себя независимымъ и, вступивъ во вражду съ Люженьгуномъ, вторгнулся въ его владѣнія. Теперь Амбагань окончательно покорилъ всѣ поколѣнія Си-си[12] и Нюй-чжи'-сцевъ, жившихъ на сѣверо-востокѣ. Все это случилось еще

---

[10] Абаоцзинь, въ другихъ исторіяхъ, называется Абаоцзи или Абуцзи (Абаки), но «Удай» называетъ его ближе Ань ба-цзянь, а ученый комитетъ при Цянь-лунѣ передѣлываетъ это слово въ Амбагянь, говоря, что на нынѣшнемъ солонскомъ языкѣ это слово значитъ «великій человѣкъ» Очень немудрено, что слово Абаки было не собственное имя этого государя, а его званіе. *амба* на маньчжурскомъ языкѣ значитъ «большой», слово *гянь*, можетъ быть, образовалось изъ китайскаго *жень* «человѣкъ».

[11] Сорокъ темъ Про перваго киданьскаго государя Дахэ говорится, что онъ имѣлъ 40,000, замѣчательно также, что Монголы разумѣли все свое народонаселеніе подъ числомъ 400,000, вѣроятно, что это количество, покрайней-мѣрѣ здѣсь, значитъ не болѣе какъ все войско.

[12] Но Сисіицы управлялись по-прежнему собственнымъ ваномъ, только распоряженіе войсками находилось въ рукахъ Киданей Амбагань простеръ свои владѣнія на западъ, покоривъ прежнія земли Дукюсцевъ

при жизни Циньдэ. По смерти его Амбагянь сдѣлался ханомъ,—сказано, по завѣщанію Циньдэ; но его церемонный отказъ предъ этимъ, удостовѣряетъ, что возведеніе дѣйствительно происходило по выбору. Между тѣмъ, силы его увеличивались Китайцами, перебѣгавшими тѣмъ съ большей охотой, что внутри Китая въ это время происходили волненія; они основали въ киданьскихъ земляхъ китайскіе города.[13] Сверхъ того Амбагянь нашелъ себѣ между ними усерднаго помощника и руководителя въ лицѣ Ханьяньхой, который ввелъ устройство въ государствѣ, основалъ города, поощрялъ земледѣліе, торговлю, учредилъ присутственныя мѣста, распредѣлилъ чины, изобрѣлъ киданьское письмо, составленное изъ сокращенія китайскихъ іероглифовъ (всего 3000 іероглифовъ, замѣнявшихъ склады) Впрочемъ прежній характеръ выборовъ высказывается ясно во враждѣ съ Амбагянемъ его брата Лагу, который хочетъ сдѣлаться государемъ надъ Си и Тѣ-ла. Къ Лагу, какъ видно, пристало множество приближенныхъ Амбагяня, но онъ преодолѣлъ всѣхъ и наконецъ на девятомъ году своего царствованія, рѣшился принять императорскій титулъ *Тянь Хуанъ ванъ*, «Небесный Государь« (слова китайскія, а не киданьскія, хотя не мудрено, что они остались безъ перевода на киданьскій языкъ, какъ это случилось и съ именемъ Чингисхана). Амбагянь принялъ, по обитаемой имъ землѣ, фамилію Ши-ли, изъ которой Китайцы сдѣлали Ѣ-люй; слово *ши-ли*, вѣроятно, есть не что иное, какъ нынѣшнее монгольское *широй*[14], потому что

---

[13] По преданію, главное китайское поселеніе было въ городѣ Хань чэнъ («Китайскій городъ»), который лежалъ на юго-востокъ отъ горы Тань-шань, на берегу р Лоань, около ея истоковъ, въ 550 ли отъ Таньчжоу. Гора Тань шань служила границей между Шивэйями и Киданями, у истока р Лоань находится озеро, изъ котораго Кидане добывали соль, сверхъ того, здѣсь было желѣзо; земля была способна къ хлѣбопашеству

[14] Замѣчательно, что фамилія императрицы была Шу-люй, что также на-

значило «земля». Мѣсто своего жительства новый императоръ назвалъ «верхней столицей» (Шанъ-цзинъ), построилъ въ ней башню (т. е. дворецъ), отъ чего она называлась еще и «западной башней» (Си-лоу); отъ Пекина находилась она въ 3000 ли. На востокъ отъ нея, въ 1000 ли, Амбагянь построилъ Дунъ-лоу (восточную башню), на сѣверъ, въ 300 ли, сѣверную (Бэй-лоу), а на югъ, у горы Муѣ — южную (Нань-лоу) [15]. Государство получило китайское названіе Ляо. Между тѣмъ, еще прежде, не смотря на союзъ съ Ликэюномъ, Амбагянь вступилъ въ сношенія съ Лянскимъ дворомъ, смѣнившимъ Танскую династію, домогаясь отъ этого двора признанія себя въ императорскомъ достоинствѣ (имя его посланника было Боголъ-Мэйрень [16]; но хотя съ обѣихъ сторонъ добивались отъ него помощи, онъ не двигался, и даже не видно, чтобы производилъ частыя вторженія въ Китай. Только тогда, когда сынъ Ликэюна Лицунь-сюй (сдѣлавшійся послѣ императоромъ династіи Хоу Танъ), задумалъ завоевать Китай, Амбагянь, руководимый передавшимся къ нему цзиньскимъ генераломъ Лувэньцзин'емъ, послалъ войска въ Шаньси и Чжили, гдѣ они осадили Ючжоу (т. е. Пекинъ), и хотя

поминаетъ это слово Въ династіи Ляо былъ обычай, чтобъ родъ императрицы вступалъ въ бракъ съ однимъ родомъ императора; такимъ образомъ очень немудрено, что какъ родъ императора, такъ и императрицы, принадлежалъ къ одной фамили; но такъ какъ это совершенно противно китайскимъ обычаямъ, то для Китайцевъ и сдѣлали двѣ фамиліи родственники императора получили фамилію Ѣ-люй, а родственники императрицы Шу-люй или Сяо Замѣчательно, что названіе династій Вэй-Тоба значило также «земля» и вѣроятно есть нынѣшнее татарское слово *топракъ*.

15 Вѣроятно, эти башни имѣли, подобно первой, значеніе столицъ или главныхъ управленій, но въ послѣдствіи, съ расширеніемъ владѣній, эти столицы являются въ другихъ мѣстахъ. восточная въ Ляо-янѣ, южная въ Пекинѣ, западная въ Дай-тунъ-фу, и средняя во владѣніяхъ Кумохи, изъ прежнихъ осталась только одна Шанъ-цзинъ.

16 Слово *боголъ* по-монгольски значитъ «рабъ», а *мэйрень* есть нынѣшнее маньджурское названіе военнаго чина

этотъ городъ не былъ взятъ, но Кидане захватили множество плѣнниковъ, которыхъ привязывали веревкой къ палкѣ за голову. Это было на другой годъ принятія Амбагянемъ императорскаго титла (917 г.). Въ 922 г. онъ снова вторгся въ Китай, но войско его сильно пострадало, и онъ сталъ искать союза съ Лицунь-сюемъ, который, въ это время завоевавъ земли Лянскаго дома, основалъ династію Хоу Танъ. Амбагянь обратился къ востоку, напалъ на царство Бохай въ Маньчжуріи, взялъ городъ Фуюй, въ которомъ поставилъ своего старшаго сына Дуюй'я съ званіемъ царя Дунъ-дань'скаго, но въ тоже время умеръ; императрица Шу-люй или Шу-ру возвратилась съ его трупомъ въ Западную башню. Эта императрица пользовалась большимъ вліяніемъ еще при жизни Амбагяня, она даже сама командовала иногда войсками, подавала совѣты и присутствовала при выходахъ; теперь она возвела на престолъ втораго сына Амбагяня, извѣстнаго подъ именемъ Тай-цзуна (927—947); собственное имя его было О-ку-чжи, измѣненное на китайское Дэ-гуанъ. Обойденный въ наслѣдствѣ престола, Дуюй убѣжалъ къ Хоу-Танскому двору. Тай-цзунъ продолжалъ также, какъ и его отецъ, изыскивать случай къ нападенію на Китай; также какъ и отецъ его, онъ посылаетъ войска на помощь одного взбунтовавшагося китайскаго правителя; но и въ этотъ разъ Кидане сильно пострадали, такъ что лишились лучшихъ своихъ генераловъ. Вообще, не смотря на смуты, происходившія въ Китаѣ, и частую перемѣну династій, Кидане, кажется, готовы были отказаться отъ всякихъ попытокъ, какъ вдругъ само небо посылаетъ имъ свою помощь. Въ 933 г. въ Китаѣ произошелъ переворотъ; по смерти втораго императора Хоу-Танской династіи, вступилъ на престолъ его сынъ Цзунъ-хоу; но братъ его Цзунъ-кэ взбунтовался противъ него и согналъ съ престола. Тогда Ши-цзинъ-танъ, китайскій полководецъ, посланный въ

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Тай-юань (въ Шаньси), взбунтовался противъ двора, и будучи не въ силахъ держаться одинъ, пригласилъ себѣ на помощь Тай-цзуна, который проникъ чрезъ знаменитый проходъ Я-мынь-гуань къ Тай-юаню, разбилъ Танское войско и провозгласилъ Ши-цзинъ-тана императоромъ, который за то призналъ его своимъ отцомъ, что̀, по китайскимъ понятіямъ, означаетъ отношеніе подданнаго къ государю. Ши-цзинь-танъ взялъ Лоянъ, въ которомъ послѣдній Танскій государь Цзунъ-кэ сжегъ себя. Новая династія, основанная Ши-цзинь-таномъ, получила названіе Хоу-цзинь Уже прежде этого, Кидане завладѣли китайскими провинціями Инъ-чжоу и Нинъ-чжоу, лежавшими въ Монголіи и около ея нынѣшнихъ границъ; теперь Ши-цзинь-танъ отрѣзалъ имъ всѣ земли, находившіяся на сѣверъ отъ прохода Я-мынь-гуань въ Шаньси, и округъ Ю-чжоу, который Киданями тотчасъ же былъ обращенъ въ столицу (Янь-цзинъ), титло, которое онъ удерживаетъ съ того времени понынѣ: это Пекинъ. Уступка, сдѣланная Киданямъ, не была чрезмѣрна; она состояла всего изъ 16 чжоу и не занимала значительной мѣстности. Но это событіе имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшія происшествія. Допущеніе инородцевъ не грабить, а уже властвовать надъ китайскими городами, было пятномъ, которое старались смыть всѣ китайскіе государи. Изъ-за этого они воевали съ Киданями, вступили въ союзъ съ Маньчжурами, и противъ нихъ, съ Монголами, и все это для того, чтобы отдать послѣднимъ весь Китай. Съ своей стороны, обладаніе китайскими землями должно было произвести великій переворотъ и между обитателями Монголіи. они пріучились владѣть китайскими землями, и увидѣли, что можно этотъ первый опытъ повторить и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Вліяніе, произведенное Китайцами на нравы и управленіе

номадовъ несомнѣнно. Не забудемъ, что самое имя Китая дано ему Киданями.

Цзиньскій императоръ, въ посольствахъ ко двору киданьскому, называлъ себя вассаломъ, платилъ ежегодно 30,000 кусковъ шелковыхъ матерій, и кромѣ того, различныя драгоцѣнности, даже плоды, вино, и проч. Въ 941 г. Тугухуньцы, жившіе на сѣверъ отъ Я-мынь-гуань, два рода Туцюэ, Хуньцими и Шатосцы, притѣсняемые Киданями, соединившись съ Танъ-сянами, предлагали Цзиньскому императору выставить 100,000 войска, для того, чтобы общими съ нимъ силами напасть на Киданей; но онъ не согласился. Но когда Ши-цзинь-танъ умеръ (942), и сынъ его взошелъ на престолъ, то киданьскій Тай-цзунъ обидѣлся тѣмъ, что онъ сдѣлалъ это безъ его согласія, и въ присланномъ извѣщеніи назвалъ себя просто внукомъ, а не подданнымъ. Подъ этимъ предлогомъ, будучи приглашенъ китайскимъ правителемъ Янъгуанъ-юанемъ, вторгся онъ въ китайскія владѣнія, и хотя произвелъ большія опустошенія, однакожъ былъ разбитъ китайскимъ войскомъ, которымъ предводительствовалъ самъ императоръ. Впрочемъ, послѣдній искалъ случая помириться съ Дэгуаномъ Но послѣдній вскорѣ (946 г.) снова вторгается въ китайскія владѣнія; китайскій полководецъ Ду-джунъ-вэй переходитъ на его сторону съ войскомъ. Дэгуанъ, подбирая передающихся и сопротивляющихся, устремляется на тогдашнюю столицу Далянъ. Китайскій императоръ съ матерью вышли ему на встрѣчу изъ города, и съ наступленіемъ 947 г. Цзиньскіе военные и гражданскіе чины встрѣтили Дэгуана, который торжественно вступилъ въ столицу, вошелъ въ Цзиньскій дворецъ, низвелъ императора, котораго отправилъ въ Хуанъ-лунъ-фу, а самъ расположился царствовать, какъ настоящій китайскій императоръ. Дворецъ его оберегался Киданями; самъ онъ принималъ сначала чиновъ въ народ-

номъ одѣяніи, но потомъ перемѣнилъ его на китайскій костюмъ; однакожъ войлоки и мѣха, покрой платья на лѣвую полу, монгольскія лошади, сискія телѣги, окружавшія дворецъ, напоминали, кто господствуетъ, и Китайцы не смѣли поднять головы. Во второй лунѣ Дэгуанъ перемѣнилъ названіе династіи Цзинь на Ляо. Мало того, онъ разослалъ для управленія по провинціямъ своихъ старшинъ; разумѣется, при этомъ не обошлось безъ грабительствъ, и потому, когда въ Тай-юанѣ, Лю-чжи-юань вооружился противъ иностранцевъ, то въ большей части городовъ были перебиты киданьскіе правители, и многіе приняли сторону Лю-чжи-юаня. Кромѣ того, наступленіе лѣтнихъ жаровъ заставило Дэгуана удалиться изъ новой своей столицы, въ которой онъ оставилъ правителемъ своего родственника, племянника матери, Або. Такъ какъ у Киданей не было фамиліи, поэтому Китайцы и дали ему китайскую фамилію и имя Сяо-хань; отъ этого, въ китайскихъ книгахъ, съ этого времени, всѣмъ родственникамъ императора съ женской стороны стали давать фамилію *Сяо*; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы это была фамилія, извѣстная самимъ Киданямъ. Дэгуанъ на возвратномъ пути умеръ. На престолъ вступилъ сынъ брата его Дуюй'я, бѣжавшаго въ Китай, Уюй, или Уюнь, извѣстный подъ именемъ Ши-цзуна. Восшествіе его, тогда какъ у Тай-цзуна, который и самъ восшелъ не по порядку, былъ сынъ, напоминаетъ еще древній произволъ Киданей въ избраніи предводителей. Старуха, жена Амбагяня, пользовавшаяся до сихъ поръ полной властью въ Ордѣ, хотѣла было противостать избранію Уюня; но войска ея перешли на его сторону, и онъ послалъ ее въ заточеніе на кладбище Амбагяня въ горахъ Муѣ, гдѣ похороненъ и Тай-цзунъ. Между тѣмъ Лю-чжи-юань, воспользовавшись безпорядкомъ, происшедшимъ въ занятыхъ Киданями китайскихъ земляхъ, всту-

пилъ въ Далянъ, откуда Сяо-хань удалился въ Монголію Уюнь вторгается въ 949 г. въ Китай, но безуспѣшно, онъ вскорѣ былъ убитъ своими князьями. Мѣсто его заступилъ сынъ Тай-цзуна, Шулюй (Широй), извѣстный подъ именемъ Му-цзунъ (954—968). Въ одно время съ восшествіемъ его на престолъ, Ханьская династія, основанная Лю-чжи-юанемъ, пала, и Го-вэй основываетъ новую династію Чжоу. Онъ отражаетъ неоднократныя нападенія Киданей. Преемникъ его Ши-цзунъ, усиливши свои владѣнія присоединеніемъ многихъ до того времени независимыхъ удѣловъ, наконецъ самъ выступаетъ въ походъ противъ Киданей (въ 959 г.) и отнимаетъ у нихъ три области—Инъчжоу, Мочжоу и Ичжоу. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ Киданями, они лишились даже части тѣхъ земель, которыя имъ были уступлены Ши-цзинь-таномъ. Ши-цзунъ обратился было противъ Пекина, но заболѣлъ и повернулъ назадъ. По смерти его, тотчасъ составился новый походъ противъ Киданей, но Чжао-куанъ-инь, предводитель войска, будучи провозглашенъ императоромъ, возвратился въ столицу, чтобы устроить свою новую династію Супъ, которая наконецъ прочно утвердилась на тронѣ и пережила какъ Киданей, такъ и смѣнившихъ ихъ Чжурчженей. Однакожъ новая династія, не смотря на то, что она владѣла всѣмъ остальнымъ Китаемъ, не могла, при всѣхъ усиліяхъ, возвратить себѣ небольшаго клочка, отторгнутаго уступкой Ши-цзинь-тана. Сами Кидане, которые не всегда были счастливы въ нападеніяхъ на Китай и уже потеряли воинственный жаръ, желали бы наслаждаться спокойно тѣмъ, что имъ досталось, и дальнѣйшія столкновенія ихъ были слѣдствіемъ только попытокъ Сунской династіи.

Въ 968 г. киданьскій Му-цзунъ былъ убитъ и на престолъ былъ возведенъ сынъ Ши-цзуня, Цзинь-цзунь (968—983) Онъ заключилъ дружественный трактатъ съ Сунскимъ

дворомъ (974 г), согласіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока Сунскій императоръ Тай-цзунъ (976—998) не уничтожилъ окончательно владѣнія Бэй-хань, въ Шаньси, которое поддерживали Кидане. Ободренный побѣдою, Тай-цзунъ вторгается въ ихъ владѣнія (979 г.) ему сдаются многіе города; онъ осаждаетъ Ючжоу (Пекинъ); но въ это время подоспѣла къ Киданямъ помощь, и Сунскія войска потерпѣли сильное пораженіе. За то, когда Кидане сами вторглись въ Сунскія земли, то имъ было отплачено той же монетой. Киданьскій императоръ поручилъ управленіе военными дѣлами Ѣлюй Сю-гэ, которому дано самое высшее званіе юй-юе. Цзинь-цзунъ вскорѣ умеръ и ему наслѣдовалъ сынъ его Лунь-сюй, извѣстный подъ именемъ Шенъ-цзуна, за малолѣтствомъ его управляла императрица. Тайцзунъ, питая прежнія намѣренія, для выполненія которыхъ Китайцы еще въ это время вошли въ сношенія съ Бохайскими Маньчжурами, подъучая ихъ напасть на Киданей, съ своей стороны, рѣшился снова попробовать счастія; но, послѣ первыхъ успѣховъ, Сунскій полководецъ Цао-пынь-инь былъ совершенно разбитъ Сю-гэ у Чжи-гоу (на берегахъ Ша-хэ); въ тоже время (986 г.) и войска въ Шаньси также потерпѣли пораженіе. Тогда киданьскій Шень-цзунъ, вмѣстѣ съ императрицей-матерью и Сю-гэ, вторгся въ китайскія владѣнія; война продолжалась съ перемѣннымъ счастіемъ. На другой годъ вступленія на престолъ Сунскаго Чжень-цзуна (998—1023), киданьскій государь Лунъ-сюй съ огромными силами снова вторгнулся въ Китай и произвелъ опустошенія; но Чжень-цзунь выступилъ противъ него самъ, и на другой годъ китайскій генералъ Фань-тинъ-чжао нанесъ имъ пораженіе у Мочжоу Также отбито было нападеніе Киданей и въ третьемъ году. Но они повторили свои вторженія въ 1003 и 1004 году, и въ послѣдній разъ съ такимъ успѣхомъ, что нѣкоторые даже совѣтовали Сунскому государю оставить

столицу и удалиться или въ Цзинь-линъ или въ Чэнъ-ду-фу въ Сычуанѣ. Однакожъ, если Китай не зналъ покоя отъ этихъ безпрестанныхъ вторженій, то и Кидане ясно видѣли, что они не могутъ утвердиться въ мѣстахъ, которыя они грабятъ; частыя потери, которыя имъ наносили, также заставляли ихъ желать мира. Поэтому, когда Сунскій дворъ (въ 1004 г.) предложилъ выдавать Киданямъ ежегодно по 100,000 ланъ серебра и по 200,000 кусковъ матерій, то Кидане отказались даже отъ той части изъ земель, уступленныхъ Ши-цзинъ-таномъ, которая отнята была у нихъ Чжоускимъ Ши-цзуномъ. Съ этого времени границы двухъ государствъ стали наслаждаться совершеннымъ спокойствіемъ, взаимныя посольства отправлялись постоянно для поздравленія съ новымъ годомъ, съ днемъ рожденія, съ подарками и т. д. Киданьскій дворъ довольствовался тѣмъ, что горделивый Китай въ бумагахъ своихъ съ нимъ соблюдалъ равенство. Когда умеръ Чжень-цзунъ, то Киданьскій дворъ наложилъ трауръ по имперіи; когда скончался Лунъ-сюй (1030), Сунскій дворъ отправилъ посланника съ соболѣзновательными грамотами. Хотя оба двора и питали честолюбивые виды, однакожъ миръ не прерывался въ продолженіи слишкомъ цѣлаго столѣтія. По смерти Лунъ-сюй, на Киданьскій престолъ взошелъ сынъ его Цзунь-чжень, извѣстный подъ именемъ Синъ-цзуна (1031 — 1055). Освободившись изъ-подъ опеки матери, онъ сталъ требовать отъ Сунскаго двора десяти уѣздовъ. Китайцы хотѣли показать, что они не трусятъ; поэтому возвели городъ Дай-минъ-фу (въ Чжили) въ званіе столицы, и между тѣмъ послали для переговоровъ Фу-би, который убѣдилъ Цзунь-чженя удовольствоваться прибавкой годовыхъ подарковъ, именно 100,000 ланъ серебра и столько же матеріями Въ 1075 г. Сунскій дворъ сдѣлалъ новую уступку

Киданямъ, при размежеваніи границъ въ Шаньси, уступивъ имъ пространство въ 700 ли.

Вообще всякое движеніе, сдѣланное Киданями въ отношеніи Китая, осталось записаннымъ въ исторіи, между тѣмъ какъ въ другихъ отношеніяхъ, мы находимъ большіе пропуски. Исторія ихъ составлялась спустя долгое время, уже при концѣ монгольской династіи; матеріялы для нея были растеряны побѣдителями ихъ, Чжурчженями. Китайцы ссылаются сверхъ того на то, что Кидане держали въ возможной тайнѣ свое внутреннее состояніе, и потому ихъ ученымъ нельзя было составлять современныя описанія. Судя по той важности, которую придавали Сунскіе ученые описаніямъ или, лучше, дорожникамъ, веденнымъ ихъ посланниками къ Ляоскому двору, можно полагать, что самыя китайскія земли, находившіяся подъ владѣніемъ Киданей, были рѣдкостью для Сунскихъ ученыхъ. Поэтому, намъ остается еще немного прибавить къ исторіи Киданей.

Въ 1010 году, Кидане нападаютъ на Уйгуровъ и берутъ Су-чжоу (въ сѣверо-западномъ Китаѣ). Изъ этого обстоятельства мы узнаемъ, что они обошли королевство Ся, властвовавшее въ нынѣшнемъ Ордосѣ, и проникли чрезъ южную Монголію въ сѣверо-западную часть нынѣшней китайской провинціи Ганьсу, въ которой тогда жили Уйгуры и гдѣ находится Су чжоу. Въ тоже время они начали войну съ Корейцами и перешли чрезъ р. Я-лу-цзянъ. Война съ этой страной продолжалась до 1020 г., когда Корейцы доведены были до того, что просили мира.

Въ 1029 г., въ восточно-киданьской столицѣ Дунъ-цзинъ или Ляо-янѣ, центрѣ южной Маньчжуріи, взбунтовался тамошній сяньинь (названіе чина) Данань; но Лунъ-сюй отправилъ противъ него войска, и бунтъ прекратился

Въ 1044 году, Кидане напали на Данъ-сян'овъ, которымъ

стали помогать Ся'сцы. Это произвело войну между Киданями и Ся. Киданьскія войска перешли чрезъ Хуанъ-хэ и проникли въ Ордосъ на 400 ли; съ другой стороны, кидапьскій полководецъ Сяо-хой разбилъ Ся'скаго государя Юань-хао на сѣверъ отъ горъ Хэ-лань-шань. Юань-хао принужденъ былъ просить мира, выдалъ перебѣщиковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, ведя переговоры, изнурилъ войска Киданей и задалъ имъ порядочный урокъ. Въ 1049 г. Кидане снова были разбиты Ся'сцами; но потомъ захватили мать Ся'скаго государя и вскорѣ помирились. Вѣроятно, въ слѣдствіе этого, чтобъ наблюдать за Ся, Кидане избрали городъ Дай-тунъ-фу, лежащій въ части подвластныхъ имъ китайскихъ земель, въ провинціи Шаньси, своей Средней столицей. Тогда у Киданей считалось 5 столицъ, 6 провинцій (чжоу), 156 крѣпостей (гюнь-чэнъ), 200 уѣздовъ, 5000 поколѣній, 60 вассальныхъ государствъ; владѣнія ихъ на востокъ простирались до моря, на западъ до Цзинь-шань (Алтай) или до Сыпучихъ Песковъ, на сѣверъ до рѣки Лу-цзюй (Кэрулэнь), па югъ до Бѣлой Канавы (Бо-гоу, въ Китаѣ).

Въ 1055 году умеръ Синъ-цзунъ и на престолъ вступилъ сынъ его Хунъ-ци или Дао-цзунъ (1055 по 1101 г.). Продолжительное его царствованіе не ознаменовано ничѣмъ. Нѣкоторое время былъ при немъ въ силѣ министръ Ѣлюй-Исинь, по наущенію котораго онъ предалъ смерти императрицу, по обвиненію въ невѣрности; потомъ Исинь умертвилъ рожденнаго отъ нея сына, послѣ котораго остался однако сынъ Яньси, вступившій на престолъ послѣ Дао-цзуна, и при которомъ погибла династія Ляо.

II.

Прибавленіе къ исторіи Киданей.

(Изъ *Цидань-го-джи*, XXII).

Киданьское государство [17], не смотря на двухвѣковое существованіе и главное владычество въ центральной Азіи, далеко не занимало тѣхъ границъ, которыя мы нынѣ приписываемъ Монголіи и Маньчжуріи. Большая часть сѣвера послѣдней и сѣвера и сѣверо-запада первой, находились отъ него только въ номинальной зависимости. Главныя границы простирались слѣдующимъ образомъ. Въ Китаѣ, принимая самую бо̀льшую часть земель, которыя когда-либо доставались въ руки Киданямъ, все таки это былъ для нихъ незначительный клочекъ; начиная отъ рѣкъ Ма-хэ и Дэнъ-чжоу (въ провинціи Шань-дунъ), граница шла по р. Цзянь-хэ, откуда поворачивала къ Цанъ-чжоу и чрезъ города Суй-чэнь и Ба доходила до Хуанъ-хэ; отсюда поворачивая на сѣверо-западъ простиралась по горамъ Бэй-пинъ-шань до Линъ-чжоуфу, откуда съ западной стороны рѣка Хуанхэ отдѣляла Киданьскія владѣнія отъ царства Ся; далѣе находились независимыя отъ Киданей племена Дуцюэ, Танъ-сяновъ и непокорныхъ Туфаней, которые не представляли имъ дани [18], хотя впрочемъ, часть другихъ племенъ Туцюэ, Таньсяновъ и Тугухуней были подъ зависимостью Киданей и назывались мирными (*же*). Отъ этихъ народовъ на сѣверо-западъ жили

---

[17] Владѣнія его простирались отъ сѣвера на югъ на 5000 ли и отъ востока къ западу на 4000 ли

[18] Они находились отъ Юньчжоу въ 3000 ли Тогдашній Гаочанъ (нынѣшній Турфанъ), имѣвши своего особаго владѣтеля, приносилъ имъ дань,

Да-да [19], т. е. Татары, не имѣвшіе одного общаго государя, раздѣлявшіеся на роды, изъ которыхъ въ большомъ считалось 200 или 300 домовъ, а въ меньшихъ было не болѣе 70 или 50; въ такомъ родѣ самый сильный и богатый становился старшиной. Они перекочевывали съ мѣста на мѣсто, занимаясь звѣриной ловлей; женщины были искусны въ стрѣльбѣ и верховой ѣздѣ; они находились въ постоянной враждѣ съ Киданями и разбивали ихъ неоднократно Кидане, для усмиренія ихъ, выставили на сѣверо-западѣ армію во 100,000 человѣкъ, но все таки ничего не могли сдѣлать съ Да-да Въ мирное время послѣдніе вели съ Киданями торгъ коровами, баранами, верблюдами и войлоками; но не проходило и полгода, какъ они вторгались на юго-западъ. Отъ Верхней столицы ихъ мѣстопребываніе было въ 6000 ли (?); на сѣверо-западъ отъ нихъ жилъ народъ Бѣ-гу-ли, вѣроятно, соплеменный Да-да, и который равнымъ образомъ нападалъ на Киданей. Далѣе, на сѣверъ отъ владѣнія Киданей, идя на востокъ, жили народы Юй-цюэ (Уйгуры, Угэлэдъ?), Мэнъ-гу-ли и Тѣ-ли-Си-ши-Цянь. Всѣ они не имѣли государей. Юй-цюэ были сходны съ Мэнъ-гу-ли; они начали было нападать на Киданей, но Шенъ цзунъ разбилъ ихъ, послѣ чего они не осмѣливались грабить, но вели мѣновую торговлю, одинаковую съ Дада. Земля Юй-цюэ лежала въ 5000 ли отъ Верхней столицы. Мэнъ-гу-ли находились на сѣверъ отъ этой же столицы въ 4000 ли; они питались мясомъ и молокомъ, не враждовали съ Киданями, и вели мѣновую торговлю тѣми же предметами. О Тѣ-ли-Си-ши-цянь говорится, что они нѣсколько сходны по одѣянію, жилищамъ и языку съ Мо-хэцами; слѣдовательно, принадлежали къ маньчжурскому

что не значитъ однакожъ совершеннаго подданства, сверхъ того, оба владѣнія взаимно торговали между собой, но цѣна назначалась отъ государей

[19] Вѣроятно, тѣже, что Тѣ-дянь въ приведенномъ ниже дорожникѣ Ху-цяо.

племени Они, хотя не платили дани Киданямъ, но и не воевали съ ними, ведя мѣновую торговлю баранами, лошадьми, коровами, верблюдами, мѣхами и шерстяными произведеніями. Земля ихъ находилась на сѣверо-востокъ отъ Шанъ-цзина въ 4000 ли. За ними, далѣе на сѣверо-востокъ, въ 5000 ли отъ Шанъ-цзина, лежали земли Мо-хэцевъ, которые хотя не имѣли общаго государя, но нѣсколько занимались земледѣліемъ, весной и лѣтомъ жили въ домахъ, а зимой въ ямахъ. Они не враждовали съ Киданями, хотя и не платили имъ дани; торговали съ ними соколами (кречетами), оленьими кожами, черными и сѣрыми бѣлками, крупными лошадями, клеемъ и рыбьими шкурами. За Мо-хэ, въ томъ же разстояніи отъ Шанъ-цзина, только прямо на сѣверо-востокъ, находились земли народа Тѣ-ли, скрывавшагося въ горахъ и лѣсахъ; они также были независимы отъ Киданей, торгуя съ ними крупными лошадями, жемчугомъ, кречетами, бѣлкой, собольими и рыбьими шкурами. На юго-востокъ отъ Тѣ-ли (и въ разстояніи 4000 ли на востокъ отъ Шанъ-цзина) лежали земли народовъ Алимѣй, У-ни, По-гу-лу. Въ каждомъ изъ этихъ народовъ считалось по 10,000 семействъ; они отличались отъ Нюйчженей платьемъ, языкомъ, жилищами и хлѣбопашествомъ. Кидане поставляли надъ ними правителей (цзѣ-ду-ши); но они не платили собственно податей, а только вносили дань изъ лошадей, жемчугу, бѣлокъ, соболей, рыбьихъ шкуръ и воску; сверхъ того, они свободно сообщались и торговали съ жившими на сѣверѣ народами. На востокъ отъ нихъ, въ 600 ли отъ Дунъ-цзиня или восточной столицы (Ляо-яна), жили непокорные Нюйчженцы, на юго-западъ отъ которыхъ жили покорные, а на востокъ Синь-ло (или Корейцы); къ сѣверо-востоку земли Нюйчженей простирались въ безконечность. Они не имѣли государя, были искусны въ стрѣльбѣ и постоянно вторгались въ киданьскія владѣнія, ко-

торыя на разстояніи 2000 ли по границѣ съ ними должны были поставить крѣпости, перевесть войско и провіантъ. Мирные Нюйчженцы жили еще ближе ихъ къ Дунъ-цзину, т. е. въ 200 ли отъ него на востокъ; земли ихъ простирались на 800 ли отъ востока къ западу и на 1000 ли отъ юга къ сѣверу; они не имѣли государя, но не были вполнѣ покорены и Киданями; назывались мирными потому, что не было между ними воровъ, не знали тяжбъ и не враждовали съ Киданями; всякой приходилъ съ своими товарами [20], да и киданьскіе купцы свободно торговали. Третій родъ Нюйчженей были такъ называемые «покорные Нюйчженьцы пяти правленій» (У-цзѣ-ду), потому что находились въ зависимости отъ киданьскаго присутственнаго мѣста Шу-ми-юань, которое посылало къ нимъ своихъ правителей (цзѣ-ду) изъ Киданей или Бохайцевъ, но они не платили впрочемъ податей, а только на случай войны выставляли по раскладкѣ войско, которое возвращалось во-свояси по окончаніи войны. Земля ихъ, простиравшаяся отъ юга къ сѣверу на 700 и отъ востока къ западу на 400 ли, лежала еще южнѣе и находилась на юго-востокъ отъ Дунъ-цзиня въ 500 ли. Все народонаселеніе считалось однакоже не болѣе 10,000 семействъ, разсѣянныхъ по горамъ и лѣсамъ; они были отличные охотники, но занимались и хлѣбопашествомъ. Далѣе на югъ лежали владѣнія Синь-ло, отдѣлявшіяся рѣкой Я-луцзяномъ.

Въ соотвѣтствіе съ этими сосѣдними народами Кидане поставили пограничныя правленія, изъ которыхъ одно (Яньшань-лу) было въ готовности отразить на югѣ Сун'цевъ, другое (Юнь-чжунъ-лу) сторожило царство Ся, третье (Шамо-фу) держало въ рукахъ народовъ, жившихъ на сѣверъ отъ

---

[20] Золото, матеріи, воскъ, жень-шень, бо фудзы, кедровые орѣхи, медъ и проч

степи Шамо[21]; четвертая (Ляодунская) назначена была противъ Корейцевъ, и наконецъ пятая (Чань-чунь-лу) противъ Нючженей и Шивэй (замѣтимъ, что хотя послѣдніе вовсе не упомянуты выше, но, кажется, подъ ними надобно разумѣть Тѣ-ли-Си-цянь).

Внутри упомянутыхъ границъ, исключая китайскаго народонаселенія, находились слѣдующіе народы.

1. Киданe собственно, которыхъ должно принимать заодно съ Сяньбійцами, прозвавшимися такъ отъ горы Сяньби, которую они заняли и гдѣ защищались, когда были разбиты Гуннами при Ханьской династіи. Въ послѣдствіи, при династіи Вэй, они поселились на югъ отъ р. Хуанъ-шуй или Шара-мурень и на сѣверъ отъ Хуанъ-лупа и прозвались Циданями. (Впрочемъ неизвѣстно, не сами ли Китайцы дали имъ это имя, потому что въ исторіяхъ говорится постоянно, что они общаго имени не имѣли, и во все время Танской династіи находились отъ нея въ зависимости). Сѣверные роды Киданей назывались однакожъ именемъ Шивэй или Шигай. Земля ихъ начиналась въ 1000 ли отъ Холуня; они жили лѣтомъ въ городахъ, а зимой перекочевывали съ мѣста на мѣсто (очевидно, это наоборотъ). Замѣтимъ, что въ монгольскомъ языкѣ есть слово Шибэ «крѣпость», что можно принять въ смыслѣ города. Если принять за основательное замѣчаніе, что Шивэйцы (названные здѣсь Киданями) жили на мѣстахъ, которыя при Танской династіи принадлежали Хэй-шуй Мо-хэ или Мохэсцамъ Черной рѣки (т. е. Амура), то мы можемъ заключить, что Кидане были соплеменны Мохэсцамъ, какъ это хочетъ сказать и самое упоминаніе, и что по усиленіи они

[21] Оно состояло изъ округа рода Юэ-гуй, изъ военнаго правленія на р Лу-цзюи (Кэрулэнъ) и войскъ, охраняющихъ отъ Датань, Мэнъ-гу и Ди-лэ. въ этихъ собственныхъ именахъ нельзя не узнать вышеписанныхъ Юи-цюэ, Да-дэ, Мэнгули и Тѣ-ли (Си-ши-цзянь), хотя здѣсь употреблены совсѣмъ другіе іероглифы

дали общее имя и племенамъ Мо-хэ, которыя несомнѣнно принадлежали къ маньчжурскому племени; такимъ образомъ, Нюйчжени были одноплеменники съ Киданями и составляли только непокорившееся поколѣніе изъ числа тѣхъ же Мохэсцевъ. Извѣстно, что нынѣшнія поколѣнія Дахуровъ и Солоновъ, въ которыхъ видятъ остатокъ Киданей или скорѣе Шивэйевъ, также ближе къ Маньчжурамъ, чѣмъ къ Монголамъ. Говоря о Киданяхъ собственно, исторія говоритъ, что они составляли 8 родовъ, а говоря о Киданяхъ на земляхъ Чернорѣчныхъ Мохэсцевъ, она насчитываетъ ихъ до 72-хъ. (См. слѣд. прибавл. о Шивэй).

2. На западъ отъ Киданей, въ той же юго-восточной Монголіи, лежала земля народа Си,—названіе, сокращенное изъ Кумо-си. Это были потомки восточнаго племяни Юйвэнь, фамилія которыхъ встрѣчается въ самомъ Китаѣ до Монголовъ Они также, какъ и Сяньбійцы, укрывались нѣкогда за р. Сунгари (Сунъ-мо-чжи-цзянь), но въ послѣдствіи разсѣялись и составили пять поколѣній: Нухэ, Мохэфэй, Цзигэ, Бяньчунь и Шидэ[22]. Но очевидно, что они перешли съ Сунгари на западъ, потому что въ настоящее время исторія застаетъ ихъ на сѣверъ отъ прохода Губэй-коу. Средняя столица или Чжунъ-цзинъ, одна изъ пяти столицъ, которыя были при Киданяхъ, лежала въ ихъ землѣ; она названа такъ потому, что находилась почти въ равномъ разстояніи отъ верхней восточной и южной столицъ. Но важнѣе всего замѣчаніе Ѣлунъ-ли, сочинителя «Цидань-го-чжи», что они ни

[22] Іакинѳъ. I, 47. Ахой, Чухо, Дугацы и Юань-сы-си (чже), по «Удайши цзи Чжу» Ахой, Чоми, Юэчжи, Нуцзѣ, Хэй-ци чжи, по «Сѣверной исторіи» (см у Іакинѳа, II, 89) Жугэчжу, Мохэфо, Кигу, Мугунь и Шидэ, вѣроятно, слово Жугэчжу, которое, какъ мы увидимъ ниже было только титломъ главнаго Хискаго князя, поставлено здѣсь вмѣсто Ахой, въ которомъ былъ вмѣстѣ и родовымъ старѣйшиной этотъ князь, потому что въ той же исторіи сейчасъ упоминается о непопавшемъ въ перечень пяти родовъ аймакѣ Ахой.

по языку, ни по обычаямъ не сходствовали съ Киданями[23], и что самая верхняя столица была назначена для надзора за Кумохи, которые сначала были равны по силѣ Киданямъ[24].

3. Въ нынѣшней южной Маньчжуріи (слѣдовательно, на юго-востокъ отъ Киданей), лежало древнее царство Бохай, покоренное Киданями и прикасавшееся къ такъ называемому Желтому Морю. Въ маньчжурскомъ происхожденіи главнаго ихъ рода нечего и сомнѣваться, потому что онъ вышелъ изъ сѣверной Маньчжуріи и принадлежалъ къ Чернорѣчнымъ Мохэцамъ. (Бохайскій городъ Су-чжоу стоялъ напротивъ китайскаго Денъ-чжоу, въ Шань-дунѣ, такъ что будто, когда дулъ попутный вѣтеръ, такъ оттуда долетали звуки пѣнія пѣтуховъ). На земляхъ Бохайскихъ лежала восточная столица Киданей или Дунъ-цзинъ, которая была также столицей и Бохайскаго князя.

III.

Прибавленіе о Шивэй.

Если вѣрить тѣмъ свѣдѣніямъ[25], которыя сообщаетъ китайская исторія, то имя Шивэй, сдѣлавшихся въ одно время извѣстными съ Киданями и Кумохи, было общимъ названіемъ всѣхъ обитателей не только нынѣшней Дауріи, владѣній Цэцэнъ-хана въ Халхѣ, но и всѣхъ земель въ нашей Забайкальской Сибири, включая, можетъ быть, и Якутскую область. Путь къ ближайшей къ Китаю границѣ ихъ земель лежалъ

---

[23] Вѣроятно однакожъ, что здѣсь ошибка, потому что всѣ другія свѣдѣнія убѣждаютъ насъ въ противномъ.

[24] См далѣе, «Прибавленіе о Си».

[25] См Іакинѳа, Ист народовъ Средн Азіи II, 99.

отъ Хо-луня чрезъ киданьскія земли, на протяженіи 1000 ли. Въ десяти дняхъ пути на сѣверъ встрѣчается р. Чжо-шуй. Далѣе въ трехъ дняхъ пути, р. Шань-шуй, потомъ, тоже чрезъ три дня на сѣверъ, встрѣчались обширныя горы Дуляо, далѣе, чрезъ 300 ли на сѣверъ, протекала большая рѣка Кюйли (Кэрулэнь?); отъ нея чрезъ три дня р. Жень-шуй (Ононь), и еще чрезъ пять дней лежалъ главный пунктъ владѣній Шивэй, гдѣ протекала р. Най-шуй, текшая съ сѣвера и имѣвшая 4 ли ширины. Въ концѣ VI-го столѣтія Китайцы различаютъ пять Шивэйскихъ земель, независимыхъ одна отъ другой Южный, Сѣверный, Бо, Шинь-мо-хынь и Большой Шивэй, которые всѣ однакожъ зависѣли отъ Тукюэсцевъ, управлявшихъ ими чрезъ трехъ дутуней. Южный Шивэй есть вѣроятно та самая земля, по которой протекала рѣка Най-Шуй, лежавшая отъ киданьскаго главнаго мѣстопребыванія на 3000 ли на сѣверъ. Здѣсь говорили однимъ языкомъ съ Кумохи, Киданями и Дэулэу; вѣроятнѣе всего, что свидѣтельство о раздѣленіи ихъ на 25 поколѣній относится къ одному Южному Шивэй, а не ко всѣмъ пяти землямъ. Здѣсь водили свиней, что приписывается всѣмъ маньчжурскимъ поколѣніямъ, и сверхъ того, исторія ясно говоритъ, что обыкновенія Шивэйцевъ были одинаковы съ мохэскими. Чрезъ 11 дней пути отъ Южнаго лежалъ Сѣверный Шивэй, раздѣлявшійся на девять поколѣній и жившій около хребта Тугэ, каждое поколѣніе управлялось своимъ Ци-инь Мохэду, ниже котораго были три Мокэфо. Соболи, лисицы, кабарга и олени свидѣтельствуютъ о мѣстностяхъ, въ которыхъ ихъ надобно отыскивать; но сверхъ того упоминается еще, что они носили платье изъ рыбьихъ кожъ Отсюда на 1000 ли къ сѣверу, у хребта Хубу, жили Бо-Шивэйцы, между которыми много Сѣверныхъ Шивэйцевъ, изъ чего должно заключить, что они не принадлежали къ одному племени. Отъ Бо-Шивэйцевъ въ четырехъ

днямъ пути на юго-западъ жили Шэнь-мохынь Шивэйцы, получившіе названіе отъ рѣки того же имени; далѣе въ нѣсколькихъ тысячахъ ли на сѣверо-западъ, живутъ Большіе Шивэйцы, къ которымъ дорога трудная и языкъ ихъ непонятенъ. Однакожъ, для лучшаго показанія границъ, занимаемыхъ всѣми этими Шивэйцами, не мѣшаетъ взглянуть на земли сопредѣльныя, занятыя около того же времени другими народами. На востокъ отъ Шивэйцевъ жило племя Дэумолоу или Дамолу, изъ котораго вѣроятно вышло послѣ имя Тилѣ, потому что «Сѣверная Исторія» говоритъ, что Дэумолэу лежитъ на сѣверъ отъ Уги, или Мохэ, въ 1000 ли, и простирается на востокъ до моря на пространствѣ 2000 ли. Они имѣли города и селенія, занимались хлѣбопашествомъ, питались горохомъ (доу). На западъ отъ Шивэй (разумѣется, южнаго), въ 1000 ли, жили Дидэугань (Тѣлиши-си-цянь?), занимавшіеся скотоводствомъ, на сѣверъ отъ нихъ, въ 4500 ли отъ Дай-чжоу, жили Улохоу; на сѣверо-западъ отъ нихъ есть рѣка Вань-шуй, которая протекаетъ на сѣверо-востокъ, сливается съ рѣкою Нань-шуй, принимающею въ себя всѣ воды, текущія въ Восточный океанъ. Еще, чрезъ двадцать дней на сѣверо-западъ, есть большая рѣка Юй-ини, что̀ называется Сѣвернымъ моремъ (*Бэй-хай*, откуда произошелъ *Байкалъ*?). Очевидно, здѣсь говорится объ Онони, Селенгѣ и Байкалѣ, которыя достаточно опредѣляютъ относительныя мѣстности всѣхъ этихъ народовъ.

IV.

Прибавленіе о Си.

Вѣроятнѣе всего, что Юй-вэнь-мао, говоря о несходствѣ Кумохи въ языкѣ съ Киданями, разумѣетъ только отличіе въ выговорѣ, потому что у восточныхъ народовъ и у одного пле-

мени (сами Китайцы тому лучшее доказательство) языкъ разбивается на множество нарѣчій, что̀ мы находимъ и нынѣ въ Монголіи. Всѣ другія историческія указанія, напротивъ, свидѣтельствуютъ о сходствѣ ихъ языка. «Удай-хой-яо» говоритъ, что языкъ ихъ немного разнится отъ киданьскаго[26]. Си принадлежали, какъ и Кидане, къ Дунъ-ху[27]; пораженные Хуннами, поселились они у горъ Ухуаньскихъ; при династіи Юаньвэй[28] приняли названіе Кучженьхи; жили на земляхъ Сяньбійскихъ. На югѣ ихъ земель протекала рѣка Лоха, на сѣверо-востокъ отъ нихъ жили Кидане, на сѣверъ Си (другой китайскій іероглифъ), на западъ Тукюэсцы, съ которыми они были сходны образомъ жизни (а по «Удай-хой-яо» и одного племени)[29], и какъ видно, границей ихъ владѣній съ этой стороны, было озеро Дэлоп (Далъ-норъ). Отъ главнаго стойбища ихъ, т. е. вѣроятно отъ Средней столицы на сѣверо-западъ до Уйгурской Орды (т. е. до Каракорума) считалось 3000 ли[30]. При Танской династіи, они вмѣстѣ съ другими жителями Монголіи были внесены въ карту китайскихъ владѣній; мѣстопребываніе ихъ главнаго старѣйшины Жухэчжу (вѣроятно тоже, что Средняя столица) превращено въ департаментъ Жао-ло-фу, а земли пяти родовъ ихъ получили названіе округовъ[31]. Они однакоже нѣсколько разъ бунтовали и дѣйствовали заодно съ Киданями и Ту-

---

[26] См. Іакинѳа, Ист. народ Средней Азіи I, 470.

[27] Отдѣльный родъ отъ Сюнну (Сюнну-бѣ-чжунъ), сверхъ того, въ другомъ мѣстѣ говорится, что они происходили изъ дома Юй-вэнь.

[28] Они не были совершенно подвластны ей, а только присылали ей дань.

[29] См. «Удай ши цзи чжу». LXXIV, 2.

[30] Главная ихъ ставка должна находиться на сѣверо-западъ отъ Инь-чжоу въ 500 ли, и на сѣверъ отъ Ючжоу (Пекинъ) въ 900 ли, потомъ перенесена на сѣверо-востокъ отъ Ючжоу, по выходѣ изъ Гу-бэй-коу

[31] По «Удай хой яо», въ пяти округахъ было 23 уѣзда или сяя, окружный начальникъ назывался Цы-ши (по «Тунь-цзянъ-чжу» Жу-хэ-чжу), а главный старшина Хискимъ ваномъ.

кюэсцами. Какъ ближайшіе къ Китаю, они прежде другихъ сошлись съ нимъ и даже за начальника ихъ Дапу выдана была царевна (гунъ-чжу); но онъ въ послѣдствіи былъ убитъ киданьскимъ Кэтуганемъ, который послѣ снова увлекъ за собою Хисцевъ и поддался вмѣстѣ съ ними Тукюэсцамъ. Вообще, они то были въ дружбѣ съ Китаемъ, то опять отлагались, даже вступали въ союзъ съ Ойхорами и Шивэйями. Если вѣрить справедливости показаній, то можно судить о богатствѣ и многочисленности этого поколѣнія изъ того обстоятельства, что въ 847 г., когда сѣверные роды Хисцевъ взбунтовались, Лулунъ-Чженчжунву сжегъ у нихъ 200,000 кибитокъ, захватилъ 70,000 барановъ и проч. Можетъ быть, это обстоятельство и было причиной того, что Кидане усилились въ слѣдствіе ослабленія Хисцевъ, и наконецъ, покоривъ ихъ, поручили имъ охраненіе границъ. Но одно поколѣніе убѣжало отъ Киданей и поселилось около Гуй-чжоу, у Сѣверныхъ горъ; отъ этого, при Киданяхъ являются два рода Хи: восточные и западные; первые жили на первобытныхъ мѣстахъ (при пяти династіяхъ [32] при р. Иньлянъ-чуань), и могли выставить до 20,000 конницы. Западное поколѣніе было однакоже немногочисленно: оно состояло не болѣе какъ изъ 1000 юртъ; занималось земледѣліемъ и находилось сначала въ подданствѣ у Китая; когда же Шицзинъ-танъ уступилъ сѣверную часть Китая Киданямъ, то и эти бѣглецы достались имъ снова

Изъ этого краткаго обозрѣнія видно, что не только въ началѣ X-го столѣтія, но по-крайней-мѣрѣ со времени удаленія Хунновъ, если не считать и времени ихъ владычества, вся восточная Монголія была населена однимъ народомъ, потому что мы видимъ ее всю занятую или Шивэйцами или

[32] «Удаи ши цзи чжу». LXXIV

Киданями, или, наконецъ, Кумохи или Хи, сродство которыхъ ясно высказывается то тамъ, то здѣсь, по китайскимъ источникамъ. Въ X-мъ вѣкѣ, у г. Инь-шань, слѣдовательно въ сосѣдствѣ съ Хисцами, упоминаются Татань, вышедшіе изъ внутренности Маньчжуріи; отъ нихъ то, полагаютъ, произошли Монголы, потомки Чингисхана [33]. Между тѣмъ, съ другой стороны, китайская исторія постоянно упоминаетъ о томъ, что всѣ эти племена, какъ то Шивэйцы, Кидане, Кумохи и наконецъ Татане, принадлежатъ къ одному и тому же племени Мохэсцевъ. Разумѣется, это не значитъ въ тѣсномъ смыслѣ, что они только отдѣлились отъ Мохэсцевъ; исторія, упоминая о племенахъ еще не сдѣлавшихся извѣстными, естественно должна сортировать ихъ въ сравненіи съ тѣми, которые болѣе знамениты. Однакожъ, все это достаточно свидѣтельствуетъ о первопачальномъ населеніи восточной Монголіи изъ болѣе восточной страны Маньчжуріи. Конечно, выходцы, очутясь въ новой странѣ, слившись съ аборигенами, окруженные другими инородцами, должны были измѣниться какъ въ образѣ жизни, такъ и языкѣ. Не забудемъ, что всѣ три языка — турецкій, монгольскій и маньчжурскій — имѣютъ одно общее грамматическое устройство; слѣдовательно, разность произошла въ словахъ (которыхъ однакожъ очень много общихъ), которыя очень хорошо указываютъ на взаимный приливъ чуждыхъ поколѣній съ той и другой стороны.

---

[33] Разумѣется, сообщившіе свое имя племенамъ, первопачально принадлежавшимъ къ Тукюэсцамъ и Уйгурамъ; о первыхъ мы находимъ, какъ видѣли выше, извѣстіе, что они были родственны Хисцамъ

V

Дорожникъ Ху-цяо.

(По *Цидань го чжи*, XXV).

Вотъ что разсказываетъ Китаецъ Ху-цяо, жившій между Киданями семь лѣтъ и убѣжавшій отъ нихъ въ 953 году. Онъ отправился изъ Пекина, чрезъ Цзюй-юнъ-гуань, на городъ Цзи-минъ, и перейдя чрезъ хребетъ Тянь-линъ (вѣроятно, Калгинскій), вступилъ въ Монголію. Черезъ три или четыре дня дошелъ онъ до лѣса «Черныхъ ивъ» (Хэй-юй), оттуда проѣхалъ «Косую долину» (или, лучше, ущелье), длиною въ 50 ли. Скалы по сторонамъ были такъ высоки, что не видно было солнца; холодъ былъ нестерпимый. Отсюда, переправясь чрезъ р. Хуанъ, прибылъ до мѣста Тань-чэнь-динъ, отличавшагося теплотой, откуда, чрезъ два дня, прибылъ въ И-кунь-чжоу, и переправясь чрезъ р. Шэ-сянъ (Мускусовый запахъ), чрезъ два дня пришелъ къ Красному (Чи) хребту, гдѣ сошелся Ши-цзунъ У-юй съ Сяоханемъ, и напавъ на войско императрицы Шу-люй (Широй) разбилъ и заключилъ ее въ горѣ Пу-ма Отсюда оставалось три дня до Шанъ-цзина (называемаго Западной башней), въ которомъ производилась уже тогда живая мѣновая торговля (денегъ однакоже не было) и гдѣ было множество Китайцевъ, какъ чиновниковъ, артистовъ (цзи-шу), ученыхъ, бонзовъ, даосовъ и проч. Отъ Шанъ-цзина на востокъ находился городъ Пинъ-чжоу, въ которомъ тогда уже были арбузы, дыни (си-гуа), заимствованныя Киданями отъ Хой-хэ (Туркестанцевъ). Далѣе, на востокъ отъ И-тань (?), встрѣчалась страна, обильная травой и водой. Отсюда, по горамъ чрезъ десять дней, пройдя колючій лѣсъ, доходишь до того мѣста, гдѣ похороненъ Ши-цзунъ (киданскій Дегуанъ),

а отсюда, на юго-западъ въ 420 ли, находится кладбище, въ которомъ У-юй приносилъ жертву. (Далѣе текстъ весьма сбивчивъ нѣсколько строкъ)... идя на востокъ есть гора, называемая Ши-сянь-шань, лежащая въ 2000 ли на сѣверо-востокъ отъ Пекина; далѣе на востокъ, чрезъ нѣсколько ли, находится городъ Вэй-чжоу, имѣвшій 3000 домовъ, въ которыхъ жили захваченные въ плѣнъ Китайцы. Когда Ху-цяо прибылъ въ Фу-чжоу, Кидане, жалѣя его, совѣтовали убѣжать, чѣмъ онъ и воспользовался.

Такимъ образомъ Ху-цяо, чрезъ странствованія свои, собралъ слѣдующія свѣдѣнія:

Отъ Киданей на востокъ до моря живутъ Тѣ-дянь [34]. Эти племена живутъ въ дикости, въ кожаныхъ палаткахъ; люди весьма мужественны; въ ихъ землѣ мало травы и деревъ; вода солончаковая и мутная какъ кровь, такъ что ее надобно процѣживать [35]. Далѣе на востокъ живутъ Нюй-чжень, искусные въ стрѣльбѣ, имѣютъ много коровъ, оленей, дикихъ собакъ. Эти люди не имѣютъ постояннаго жилища, перевозятъ весь багажъ на коровахъ; когда же пойдетъ дождь, распускаютъ кожу; они бьютъ оленей, призывая ихъ своимъ свистомъ и ѣдятъ сырое ихъ мясо. Далѣе на юго-востокъ лежалъ Бохай, еще на востокъ царство Ляо-го; всѣ эти народы съ Киданями нѣсколько сходны. Далѣе на югъ — Си, съ Киданями

---

[34] Вѣроятно тоже, что́ у другихъ Тѣ-ли; но, можетъ быть, еще скорѣе Та-тань. Если послѣднее справедливо, то можно утвердительно сказать, что здѣсь говорится о нынѣшнихъ Монголахъ въ ихъ первоначальной родинѣ, и не къ чему искать ихъ имени въ Татанянъ, выходцахъ изъ Маньчжуріи и поселившихся у Инь-шаня. Что же касается до того, что Тѣ-дянь показаны на востокъ отъ Киданей, то можетъ быть здѣсь или ошибка текста (вм. сѣвера), или Татане простиралась дѣйствительно далеко на востокъ

[35] Очевидно, что здѣсь разумѣется Шамо, а не Маньчжурія, сверхъ того, сказанное въ продолженіи текста «*далѣе на востокъ*» невозможно, потому что выше сказано: «до моря».

нѣсколько сходные, любятъ убійства и грабительства; далѣе на югъ (т. е. отъ Си) находится проходъ Юй-гуань (ведущій въ Китай). Отсюда на юго-западъ до Жу-чжоу все прежняя китайская земля; на западъ такъ живутъ Ду-цюэ Хой-хэ. На сѣверо-западъ доходишь до Юй-цюэ-люй (Югэледъ, Угэледъ или Калмыки?): это люди большаго роста, съ длинными волосами; старшины кладутъ эти волосы въ красный мѣшокъ, въ земляхъ ихъ сильный холодъ; въ рѣкахъ (Селенга?) водится большая рыба, которую любятъ ѣсть Кидане, еще много черныхъ, бѣлыхъ и желтыхъ соболей, которыми продовольствуются всѣ сѣверные народы. Этотъ народъ весьма храбръ, и сосѣдніе улусы не смѣютъ на него нападать. Далѣе на западъ отъ нихъ *Сягэ* (вѣроятно, Хакасцы въ другихъ исторіяхъ; кажется отъ этого имени произошло названіе Киргизовъ; сверхъ того это имя звучитъ сходно съ нижеслѣдующимъ· *Хэй-чэ-цзы*, если только послѣднее не есть китайскій переводъ туземнаго названія). Далѣе на сѣверъ отъ нихъ находятся Шань-юй Ду-цюэ· всѣ они съ Юй-цюэ-люй нѣсколько сходны. Далѣе на сѣверъ Хэй-чэ-цзы (чернотѣлежные), искусные въ дѣланіи повозокъ и палатокъ (т. е. кибитокъ); они знаютъ почтительность къ родителямъ и правду; земля бѣдна и ничего не производитъ Разсказываютъ, что когда Кидане, находясь обыкновенно подъ зависимостью Хой-хэ, послѣ возмутились противъ нихъ, то убѣжали къ Хэй-чэ-цзы и научились только отъ нихъ дѣлать кибитки [36]. Далѣе на сѣверъ Нюй-ти Ду-цюэ (или Дукюэсцы съ коровьими копытами), имѣющіе человѣческое тѣло и коровьи ноги, ихъ земля весьма холодна; рѣка, называемая Ху-лу-хэ (тыква [37]), лѣтомъ и осенью за-

[36] Что разумѣется здѣсь подъ бѣгствомъ Киданей? Исторія упоминаетъ только объ одномъ фактѣ, что Кидане нѣкогда убѣжали отъ Дунъ-ху, и такъ, если преданіе это справедливо, то подъ Хой-хэ должно разумѣть Дунъ-ху.

[37] Это названіе напоминаетъ племя Улохоу, которое мы видѣли выше.

мерзаетъ на 2 фута, а весной и зимой ледъ доходитъ до дна; воду обыкновенно получаютъ, растапивая ее въ сосудахъ. На сѣверо-востокъ доходишь до Ва-цзѣ-цзы. Эти люди ѣздятъ безъ сѣделъ, вооружены большими луками и стрѣлами; встрѣчаясь съ другими, убиваютъ и ѣдятъ сырое ихъ мясо. Кидане и другіе народы, всѣ боятся ихъ. Пять киданьскихъ всадниковъ, встрѣтясь съ однимъ Ва-цзѣ-цзы, разбѣгаются. У этого народа съ трехъ сторонъ все Шивэй: одни называются (просто) Шивэй, другіе желтоголовые (Хуанъ-тоу)-Шивэй, третьи скоты-Шивэй (шоу-Шивэй). Въ этой землѣ (у Шивэй или Ва-цзѣ-цзы?) много мѣди, желѣза, золота, серебра; ихъ люди весьма искусны въ выработываніи мѣдныхъ и желѣзныхъ сосудовъ и ткани шерсти и парчи; земля весьма холодна: лошадиная урина, упадая на землю, превращается въ ледяную кучку. Далѣе на сѣверъ Собачье-Царство (Гоу-го; разумѣется, это превращено изъ Ши-цюань, «ѣздящихъ на собакахъ»): люди съ собачьей головой и человѣческимъ тѣломъ.

Еще разсказываютъ, что Кидане нѣкогда отправили 10 человѣкъ съ 20 лошадьми (пробѣгавшими сто миль въ день), съ дорожнымъ запасомъ, на сѣверъ. Эти люди, выѣхавъ изъ земель Хэй-чэ-цзы и миновавъ земли Юй-ти (т. е. Нюй-ти съ коровьими копытами?), въ продолженіи года идя на сѣверъ, проѣхали чрезъ 43 города (чэнъ). Тамъ жители дѣлаютъ жилища изъ древесной коры; языка ихъ никто не понималъ, и поэтому не могли знать названія горъ, рѣкъ и племенъ; въ этихъ мѣстахъ на равнинахъ тепло, а въ горахъ и лѣсахъ холодно. Прибывши въ 33-й городъ, они достали одного человѣка, который зналъ тѣ-дянь'скій (татарскій?) языкъ, и тотъ сказалъ, что названіе земли есть Цзѣ-ли-у-юй (или гань)-сѣ-янь.

VI.

Исторія Нюйчженей или династіи Золотой (Цзинь, Гинь или Айжинь).

Называли ли себя Нюйчженцы этимъ именемъ, это еще неизвѣстно; скорѣе всего, это имя дано имъ было, можетъ быть, по одному какому-нибудь ихъ поколѣнію, Киданями, потому что примѣры этого постоянно встрѣчаемъ въ исторіи востока Впрочемъ, это имя, которое насильно вторглось въ исторію, на основаніи китайскихъ источниковъ, и послѣ превращено даже въ Нюй-чжи (откуда Ніучи Карамзина[38]), было само исковеркано изъ болѣе вѣрнаго Чжурчжень [39], потому что послѣднее, какъ общее названіе Маньчжуровъ, сохранилось у восточныхъ писателей и въ монгольской исторіи Санань-Сэцэна. Такимъ образомъ, дѣйствительно оно представляетъ сближеніе между древними Сушень'ями и новѣйшими Чжушень'ями; но, въ такомъ случаѣ, не есть ли это скорѣе ученое названіе, введенное китайскими педантами, которые любятъ называть новыхъ народовъ именами, находимыми въ ихъ древнихъ книгахъ, не смотря на то, что такое имя вовсе уже неизвѣстно?

Нечего и требовать, чтобы исторія сохранила всѣ незна-

---

[38] Извѣстно, что, по китайскому обычаю, имя императора или буква, употребляемая въ имени, не употребляется во все время царствующей династіи, со вступленія его на престолъ Такъ какъ одинъ изъ киданьскихъ императоровъ носилъ прежде имя Чжень, то этотъ іероглифъ былъ превращенъ въ *чжи*, и Кидане стали называть Нюй-чженей *Нюй чжи*

[39] *Цзинь ши*, глава I (*Као-чженъ*, варіанты): По «Цзинь-чжи»: *Нюйчжень* есть собственное названіе Чжу-ли-чжень, а слово *Чжу-ли-чжень*, для всякаго, кто знаетъ какъ Китайцы уродуютъ иностранныя имена, не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія къ сближенію съ *Джурджененями* или Джурдженами мусульманскихъ писателей.

чительныя подробности этого народа до тѣхъ поръ, пока онъ выступаетъ на историческое поприще подъ предводительствомъ Агуды; и что̀ могла бы сказать она другое, кромѣ того, что случается и у всѣхъ племенъ, живущихъ разрозненными обществами, плохо связанныхъ между собою? Развѣ, напримѣръ, мы были бы виноваты передъ исторіей, еслибъ, чрезъ нѣсколько столѣтій Киргизы основали могущественную державу, а мы не записывали, кто изъ нихъ кого грабилъ, кто возвышался и падалъ, даже гдѣ кто кочевалъ? Еслибъ даже все это и записывалось, то очень не мудрено, что потомство потребовало бы отъ насъ не того, что̀ мы почли нужнымъ передать ему. Вѣчныя ссоры между поколѣніями и внутри поколѣній были необходимымъ слѣдствіемъ отсутствія общаго правленія; бѣдствія, случавшіяся въ одномъ родѣ, какъ напримѣръ голодъ, отзывались, можетъ быть, на всемъ пространствѣ; пострадавшіе непремѣнно должны были предаваться грабежу, который распространялся даже, въ случаѣ возможности, и на тѣ мѣста, которыя уже не были такъ устроены, составляли цѣльное государство, а это ставило послѣднее въ необходимость распространять если не полное владычество, потому что оно не могло доставить большой выгоды и вознагражденія за издержки и усилія, такъ по крайней мѣрѣ, номинальное и моральное вліяніе. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Кидане, хотя и считали Чжурчженей непокорными, но не могли оставить ихъ совсѣмъ въ покоѣ; они должны были поддерживать кого-нибудь, считаемаго ими за болѣе привязаннаго къ нимъ, чтобъ онъ наблюдалъ ихъ интересы. Если перебѣгали къ Маньчжурамъ возмутившіяся поколѣнія или лица, тотъ, кто имѣлъ вліяніе въ непокорной землѣ, обязанъ былъ имъ выдать ихъ, для того, чтобъ не допустить чужаго войска; за эти услуги онъ получалъ отъ киданьскаго государя почетныя титла, которыя, разумѣется,

имѣли значеніе внутри страны только на столько, на сколько было сильно лицо. Чжурчжепьскіе старшины неоднократно являются къ киданьскому государю, которыіі ихъ угощаетъ и, разумѣется, щедро одаряетъ, потому что политика привлеченія непокорныхъ ласкою вполнѣ господствуетъ на востокѣ, заимствованная отъ Китая Между тѣмъ, это самое покровительство и поддержка одного лица, которое, болѣе сближаясь съ образованнымъ государствомъ, лучше своихъ соотечественниковъ пошимаетъ необходимость порядка, внушаетъ въ немъ честолюбивые замыслы подчинить себѣ всѣхъ равныхъ, и это, рано или поздно, осуществляется. Такимъ образомъ, выступленіе на поприще Агуды, равно какъ Чингисхана и, въ послѣдствіи, маньчжурскаго Тайцзу и другихъ, есть необходимое слѣдствіе положенія дѣлъ. Зародышъ внѣшняго переворота постоянно встрѣчается въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ускользаютъ отъ вниманія сильнаго государства, которое рѣдко падаетъ, повидимому, отъ внутреннихъ причинъ, хотя и подало поводъ къ этому внутреннимъ разграбленіемъ и утомленіемъ наблюдать что̀ дѣлается внѣ. Возьмемъ въ примѣръ даже настоящую династію: болѣе стойкая, болѣе богатая опытностію, она, возродившаяся въ нѣдрахъ Машьчжуріи, начавшая съ того, что покорила всѣ окрестныя поколѣнія для того, чтобъ набрать изъ нихъ подданныхъ, оставила все безъ вниманія, какъ скоро нашла себя столько сильною и богатою, чтобъ не нуждаться въ наборѣ войскъ между дикими поколѣніями и еще менѣе въ сборѣ податеіі. Такимъ образомъ, все устье Амура, всѣ земли къ Восточному океану ускользнули совершенно отъ ея владычества, такъ что современемъ, могъ бы тамъ явиться новый Агуда; точно такимъ же образомъ, если новѣйшіе бунтовщики выгонятъ Маньчжуровъ изъ Пекина, они оставятъ въ покоѣ всѣ земли за Великой стѣной, только бы оттуда ихъ не безпокоили

О происхожденіи и о событіяхъ рода, изъ котораго происходилъ Агуда, дошли до насъ болѣе подробныя и вѣрныя историческія свѣдѣнія, чѣмъ о всѣхъ другихъ династіяхъ. Ни исторія предковъ Чингисхана, ни даже новѣйшихъ маньчжурскихъ государей, не могутъ быть разсказаны съ большею подробностью. Это происходитъ не отъ того, что Цзиньскій дворъ старался собрать и сохранить для потомства всѣ подробности о первыхъ своихъ дѣлахъ, которыя могъ припомнить; это всегда было дѣломъ всякой династіи; но дѣло въ томъ, кому доставались эти матеріялы. Самъ домъ Цзинь не заботился объ источникахъ, которые ему достались отъ Киданей, для ихъ исторіи, такъ что, когда Монголы составляли исторію Ляо, они нашли очень мало матеріяловъ; такъ точно пропала и первоначальная монгольская исторія, потому что Китайцы, при династіи Минъ, слишкомъ скоро поторопились ее составить. Другое дѣло, почему мы имѣемъ мало свѣденій о началѣ нынѣшней династіи; въ другомъ мѣстѣ мы надѣемся доказать, что нынѣшняя династія имѣла причины не обнародовать этихъ свѣденій, но когда она падетъ, мы думаемъ, что появится гораздо болѣе источниковъ. Не надобно представлять себѣ восточныхъ варваровъ, выступившихъ изъ своихъ границъ для того, чтобъ на развалинахъ одряхлѣвшаго царства, основать новое, такими варварами и вандалами, которые истребляютъ огнемъ и мечемъ все, надъ чѣмъ трудился умъ человѣческій; въ этомъ можно обвинить только частные набѣги, которые имѣютъ цѣлію одинъ грабежъ; но кто задумывалъ, какъ говорятъ Китайцы, великій планъ, тотъ, будьте увѣрены, былъ уже проникнутъ китайскимъ духомъ [40]. И для новаго дома, важнѣе всѣхъ богатствъ старой

[40] Первая династія, основанная въ Китаѣ инородцами, принадлежитъ южнымъ Хуннамъ, Лю-юань, предводитель ихъ, былъ образованъ по-китайски.

монархіи, овладѣть ея бумагами и печатями, потому что съ этимъ только какъ бы передается право на владѣніе; потому-то мы постоянно встрѣчаемъ въ исторіи упоминаніе, что, при всякомъ завладѣніи столицей, императорскія кладовыя, библіотека, архивы, все было опечатываемо и отсылалось въ новую столицу. Такимъ образомъ, когда Юаньская династія, хотя уже спустя очень долгое время по уничтоженіи Чжурчженей, принялась за составленіе исторіи династіи ими основанной, она нашла у себя достаточное количество матеріяловъ для сообщенія о древнихъ происшествіяхъ страны. Но одна бѣда встрѣчаемыя названія мѣстностей, рѣкъ, поколѣній, или нынѣ совершенно исчезли, или изуродованы до такой степени, что съ трудомъ можно узнать въ нихъ нынѣшній маньчжурскій языкъ. Послѣднему обстоятельству взялась было пособить нынѣшняя маньчжурская династія и еще болѣе испортила дѣло: она всякое собственное имя и названіе непремѣнно хотѣла видѣть въ одномъ изъ нынѣшнихъ языковъ: монгольскомъ, маньчжурскомъ или солонскомъ, тогда какъ всегда и во всѣхъ странахъ встрѣчаются мѣстности или имена съ трудомъ объясняемыя; и потому, кто поручится намъ, что, кромѣ нѣкоторыхъ счастливыхъ поправокъ, все прочее еще не болѣе изуродовано и не удалилось отъ истины? Извѣстно, что во всякомъ языкѣ, отъ измѣненія одной только буквы, выходитъ совсѣмъ другое слово; какова же дерзость ученаго комитета, удаленнаго отъ эпохи шестью вѣками, безъ всякихъ документовъ, кромѣ настоящаго языка, вдругъ передѣлывать всѣ имена и названія? Такъ, напримѣръ, у него выходитъ изъ Багдада монгольское слово Богдо! Притомъ, монгольскій историкъ не могъ писать собственныя имена Цзиньской исторіи самъ отъ себя; онъ имѣлъ передъ собою писателей чжурчженьскихъ, которые, вѣроятно, лучше другихъ знали, какъ передавать звуки своего языка китайскими іероглифами.

Какъ бы то ни было, мы принуждены по большей части довольствоваться передачей собственныхъ именъ изуродованными китайскими названіями Но впрочемъ, большая ли потеря отъ этого для исторіи: дѣло не въ имени, а въ фактѣ, который оно собой напоминаетъ; а мѣстности и лица маньчжурскаго народа, до выступленія на поприще всемірной исторіи, вовсе не такъ замѣчательны, чтобы стоило труда объ нихъ хлопотать[41]. Скажемъ только, что Маньчжуры уже, въ это время, и въ сѣверной Маньчжуріи жили въ селеніяхъ и крѣпостяхъ [42]. Множествомъ названій тѣхъ и другихъ доказывается, что тогда край едва ли не былъ населеннѣе нынѣшняго, потому что съ завоеваніемъ Китая, Маньчжурія почти опустѣла для того, чтобъ поддержать владычество двора въ Пекинѣ. Впрочемъ надобно замѣтить, что множество крѣпостей, существовавшихъ тогда, зависѣло отъ политическаго положенія страны: надобно было оградить поколѣніе отъ набѣговъ другихъ, почему и избирались всегда мѣстности подлѣ горъ, въ проходахъ и т. п. При началѣ настоящей династіи, въ Маньчжуріи существовало также много крѣпостей; но когда она соединилась подъ одно владычество, нынѣ остались отъ нихъ одни только слѣды ихъ.

Разумѣется, что Цзиньская династія старалась сохранить только свѣдѣнія, касающіяся до царствующаго дома, а о дѣлахъ, которыя до него не касались, хотя бы и могла, считала ненужнымъ упоминать. Притомъ, разумѣется, что все пере-

---

[41] Передавая древнія названія, мы будемъ въ скобкахъ передавать и измѣненія, сдѣланныя комитетомъ, тамъ, гдѣ онѣ кажутся правдоподобными, равнымъ образомъ постараемся сообщить, гдѣ можно, и собственныя соображенія

[42] Въ исторіи Цзинь-шн, постоянно встрѣчается то *цунь* «деревня», то *чэнъ* «крѣпость»; послѣднія конечно состояли изъ деревянныхъ оградъ, какъ это водится еще и понынѣ.

дается подъ блестящими красками, и часто тамъ, гдѣ дѣйствуетъ простой глава рода, мы встрѣчаемъ, по общему закону историческаго языка китайской исторіи, пышныя названія Цзинъ-цзу, Ши-цзу и т. п., съ которыми соединяется понятіе объ императорѣ.

По этой исторіи, родоначальникомъ (Ши-цзу) Цзиньской династіи былъ Кореецъ Хань-пу, вышедшій изъ Кореи[43] въ неизвѣстную эпоху, въ сѣверную Маньчжурію къ племени Ваньянь[44], кочевавшему на берегахъ рѣкъ Пухаль и Бухори[45]. У этого племени Хань-пу взялъ себѣ жену[46] и сдѣлался родоначальникомъ. Онъ ввелъ будто у Маньчжуровъ (или лучше, у своего племени) обычай, за убійство требовать съ виновника вознагражденіе деньгами или скотомъ, а не головой, потому что, до того времени, отъ мщенія кровь за кровь происходила постоянная вражда. Разумѣется, это только одна легенда, которой династія хотѣла воспользоваться для восхваленія себя и объясненія неизвѣстно откуда взятаго обычая. У Хань-пу было два сына (Улу и Олу) и дочь. Впрочемъ, можно и не сомнѣваться въ достаточной родословной пред-

---

[43] Впрочемъ, можетъ быть, онъ и не былъ Кореецъ, потому что если даже и справедливо это показаніе, то Корейцы имѣли подъ своимъ владычествомъ нѣкоторые маньчжурскіе роды.

[44] Это слово должно значить «бѣлый», нынѣ по-маньчжурски *Шанъянь*, но языкъ могъ измѣниться, притомъ, много значатъ нарѣчія, и потому, можетъ быть, нынѣшнее Шанъянь тогда произносилось Ваньянь Замѣчательно, что въ исторіи Цзинь не является ни одного поколѣнія, которое называло бы себя Нюй-чжень, слѣдовательно, догадка наша, что это названіе дано Киданями, еще болѣе подтверждается.

[45] Съ именемъ Бухори тѣсно соединено и начало нынѣшней маньчжурской династіи; слѣдовательно, первоначальное мѣстопребываніе двухъ династій было одно и тоже Эта мѣстность самая благопріятная для сохраненія ненависимости и распространенія власти, на сѣверѣ и востокѣ маньчжурскіе роды въ раздѣленіи, на югѣ Корея, на западѣ Ляодунъ, путь изъ котораго защищенъ горами.

[46] По легендѣ, тотъ и другой были шестидесяти лѣтъ.

ковъ Агуды, потому что народы полудикіе сходны въ этомъ съ образованными. Но дѣло исторіи прославить чѣмъ нибудь каждое лицо. Улу, преемникъ Хань-пу, учитъ Маньчжуровъ, жившихъ до того въ ямахъ, строить жилища; и съ того времени Цзиньскій домъ живетъ на берегахъ Ань-чу-ху [47]. Шилу (Чжао-цзу), сынъ Улу, вводитъ различныя постановленія [48]; онъ усиливается, и Киданьцы даютъ ему званіе Ти-инь'я [49] (Тэригунь «глава», монгольское слово, не Чжань-инь ли?). Онъ простираетъ свои владѣнія до Черпаго хребта (Цинъ-линъ) и Бѣлыхъ горъ, покоряетъ земли Субинь и Чжалань. Сынъ Шилу, Угунай (Цзинъ-цзу), родившійся около 1021 г [50], мало-по-малу покоряетъ племена, жившія отъ Бѣлыхъ горъ до Пяти-царствъ (У-го, т. е. тоже что̀ выше Уцзѣду), каковы: Ѣхэ [51], Туньмынь (Тумэнъ), Чжелань и Тугулунь (слич. выше Пу-гу-лу). Въ это время къ Чжурчженямъ убѣгаютъ пограничные киданьскіе подданные и племена Тэлэ и Ушэ (Унѣ), которыхъ Кидане хотѣли переселить насильно. Угунай помогъ Киданямъ вытребовать ихъ назадъ; еще представилъ Киданямъ взбунтовавшагося̀ противъ нихъ, поставленнаго ими, цзѣдуши или главнаго правителя надъ непокорными Чжурчженями, Баимыня [52]. Это было причиной, что титло цзѣдуши, по-киданьски тайши, а по-маньчжурски дутайши, перешло къ нему; но онъ не принялъ будто отъ двора печатей,

---

[47] Вѣроятно, нынѣшній Альчука; объ этомъ будетъ говорено подробнѣе ниже

[48] Народъ не зналъ письма, чиновъ и счисленія времени.

[49] Ниже Ингэ или Му-цзунъ; до вступленія въ званіе тайши, носилъ титулъ сянь инь

[50] Слѣдовательно, онъ былъ дѣйствительно историческое лицо

[51] Племя это встрѣчается и въ началѣ нынѣшней династіи. Земля Субинь существуетъ понынѣ вмѣстѣ съ Тумынь.

[52] Этотъ Баимынь преградилъ Киданямъ дорогу, по которой они отправлялись на востокъ для покупки кречетовъ.

чтобъ не возбудить подозрѣнія между своими соотечественниками; затѣмъ, онъ покорилъ племя Фуча, жившее на р. Оминь, племя Ваньянь на р. Тайшэнь-тэбао, племя Вэньди-хэнь (Индахунь?) на р. Тумынь, и Ваньянь на р. Шэньинь[53] Онъ умеръ въ 1074 году Сынъ его Хэлибу (Холбо Ши-цзу) наслѣдовалъ послѣ него званіе цзѣдуши. Но ему должно было выдержать сильную борьбу съ однокровнымъ братомъ Бахэй, который возмутилъ противъ него другіе улусы, и врагами Холбо явились Хонокъ, Сагда, Учунь и Умухань. Холбо, послѣ продолжительной борьбы, одержалъ надъ ними верхъ (около 1089 г.), и Хонокъ съ Сагда передались Киданямъ. По смерти его, въ званіи тайши, наслѣдовалъ его братъ Полашу[54] (Су-цзунъ), умершій черезъ годъ[55]. За нимъ слѣдовалъ другой братъ Ингэ (Му-цзунъ), при немъ началась новая борьба съ непокорными племенами, и нѣкоторые изъ нихъ перебѣжали къ Киданямъ. Можно замѣтить, что дѣло преобразованій, о которыхъ упомянуто выше, шло своимъ чередомъ въ Маньчжуріи, потому что въ ней упоминается теперь о раздѣленіи на дороги (родъ провинцій). Ингэ запрещаетъ въ четырехъ дорогахъ, именно Тумынь, Хойчунь, Ѣхэ и Сисянъ (или Синсянь), равно и всѣмъ племенамъ, живущимъ на востокъ отъ хребта (Сихэтэ?), управляться старшинами, посылаетъ выбранныхъ отъ себя лицъ управлять ими и племенами, жившими на западъ отъ р. Чжоамынь и по хребту Ци-

[53] Изъ этого должно заключить, что племя Ваньянь было многочисленное и раздѣлялось на множество поколѣній, при началѣ нынѣшней династіи мы видимъ также значительное племя Бѣлыхъ горъ

[54] До званія цзѣдуши онъ носилъ титло го-сянь, вѣроятно тоже, что нынѣ цзайсянъ, по всему видно, что съ этимъ чиномъ соединялось гражданское управленіе и сношеніе съ Киданями.

[55] Онъ окончательно усмирилъ смятеніе, появившееся при Холбо Замѣчательно, что головы убитыхъ бунтовщиковъ представлены были киданьскому двору, слѣдовательно маньчжурскіе тайши прикрывались въ своихъ дѣйствіяхъ именемъ Киданей.

лигу; другимъ поручилъ усмирить разбойниковъ въ дорогахъ Нѣ-сянъ-ху (Насхунь) и Эньчу. Такимъ образомъ приведеніе непокорныхъ Киданямъ Чжурчженей подъ одну власть было уже совершено прежде Агуды. Вѣроятнѣе всего, что войны, веденныя сыновьями Угуная со своими соплеменниками, были стараніемъ послѣднихъ сохранить старый порядокъ вещей, т. е. независимость. Такъ точно и послѣ, замыслы тайцзу маньчжурскаго возбудили противъ него союзы. Въ то же время и Кидане начинаютъ понимать опасность отъ поставленныхъ ими тайшей: они посылаютъ посланцевъ съ повелѣніемъ прекратить взаимную вражду. Въ другое время, обыкновенно, дипломаты востока очень рады, что народы имъ непокорные рѣжутся между собою: они готовы даже поддержать раздоръ; къ-несчастію, они всегда поздно уже открываютъ глаза, давая этимъ средство одержать кому нибудь верхъ; они забываютъ, что поколѣнія какъ бы ни дрались между собой, убитыхъ будетъ далеко не столько, сколько покоренныхъ, и потому одинъ долженъ усиливаться съ каждой побѣдой. Янкэ умѣлъ однакожъ, не нарушая благоволенія Киданей, уклониться отъ исполненія повелѣнія ихъ прекратить войну, и окончательно забралъ всѣ города[56]. Войско, которое могъ собрать Янкэ, простиралось не болѣе 1000 латниковъ[57]. Онъ продолжалъ услуживать Киданямъ, не принимая отъ нихъ перебѣжчиковъ, вѣрно потому, что и награды были значительнѣе. Въ то же время онъ вступилъ въ сношенія съ Кореей[58]. Вообще владѣнія Янкэ простирались въ это время на юго-востокъ до И-лэ-ху, Хайлань, Чжаланъ, Тобугулунь, а на сѣверо-востокъ до У-го (пяти царствъ), Чжувэй и Тутацзинъ. Отъ Ки-

[56] Онъ отнялъ у родовъ право имѣть особые вѣстовые знаки или дощечки (синь пай), это значило, что управленіе стало исходить изъ однихъ рукъ.

[57] Впрочемъ, кромѣ латниковъ, могли быть и другіе воины.

[58] Съ которою скоро поссорился

даней его владѣнія отдѣлялись рѣкой Ла-линь. Послѣ Янкэ принялъ званіе тайши Уяшу, сынъ Угуная, въ 1105 г Онъ занятъ былъ враждой съ Кореей, которая наконецъ должна была уступить.

При такихъ обстоятельствахъ наслѣдовалъ послѣ Уяшу владычество надъ маньчжурскими родами Агуда, второй сынъ Угуная[59]. Слѣдовательно, дѣло соединенія Маньчжуровъ и приготовленіе ихъ къ владычеству надъ половиной востока, не было мгновенное и какое-то легкое дѣло. Агуда, оставшись въ 1113 г. распорядителемъ владѣній, устроенныхъ при его предшественникахъ, принимаетъ титулъ Ду-Бо-цзи-лэ. Слово Ду дѣйствительно могло соотвѣтствовать китайскому *да* «большой», потому что мы видимъ его выше уже въ титлѣ Ду-тайши[60]. Но мы не имѣемъ смѣлости согласиться съ утвердительнымъ тономъ новѣйшаго комитета, что слово Бо-цзи-лэ непремѣнно должно читаться какъ нынѣшнее Бэй-лэ, титло носимое прежде самимъ тайцзу маньчжурскимъ и присвоиваемое, какъ видно, во время независимости маньчжурской, при династіи Минъ, всѣми особыми начальниками поколѣній. Изъ первой главы исторіи династіи Цзинь видно также, что титло Бо-цзи-лэ уже до Агуды носили нѣкоторыя маньчжурскія лица, и этимъ подтверждается тождество обоихъ словъ; вѣроятно, оно также занесено было отъ Киданей, которые уже раздавали Маньчжурамъ различныя почетныя на-

---

[59] Мы видимъ изъ вышесказаннаго, что власть или званіе тайши переходило въ одномъ родѣ отъ брата къ брату и потомъ обращалось къ сыновьямъ старшаго изъ нихъ

[60] Слогъ *Ду* вѣроятно происходитъ отъ китайскаго *ду* «управлять, завѣдывать», при Танской династіи иностраннымъ правителямъ давались титлэ *Ду-ду* Сверхъ того можно его ровнять съ китайскимъ словомъ *Да* «великій», оставшимся и нынѣ въ маньчжурскомъ языкѣ въ значеніи «глава, старшина»; отсюда происходитъ даже маньчжурскій глаголъ *дагамби* «управлять, завѣдывать».

званія: слѣдовательно, это слово не чисто маньчжурское, какъ и Тайши, Сянь-шнь, Сянъ-го, послѣднія слова китайскія, если въ этомъ же языкѣ отыскивать и значеніе Бо-цзи-лэ, то конечно можемъ допустить одно только искаженіе словъ Бо-цзы-нань, или совокупленіе въ одно трехъ титуловъ нисшей княжеской степени. Но Кидане могли уже въ это время быть знакомы съ учрежденіями мусульманскаго запада и слышать о словѣ *визирь*. Во всякомъ случаѣ, еслибъ Чжурчжени произносили княжеское титло, какъ нынѣшнее Бэйлэ, то нѣтъ никакой возможности допустить, чтобы ихъ писатели могли исковеркать до такой степени это слово; однакоже нельзя отвергать того, что нынѣшнее маньчжурское слово образовалось изъ стариннаго Боцзилэ. По прежнему обычаю, Агудѣ слѣдовало извѣстить киданьскій дворъ о смерти Уяшу, и какъ видно, онъ хотя и имѣлъ право занять званіе цзѣдуши, но на это требовалось утвержденіе киданьскаго правительства. Агуда не имѣлъ намѣренія оставаться въ этой зависимости, и потому не сдѣлалъ ничего подобнаго; самое принятіе имъ титла Ду-Боцзи-лэ уже обнаруживало это. Между тѣмъ, тогдашній киданьскій императоръ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Тяньцзо (1101—1125), предавался безпечности, не занимался дѣлами. Кромѣ того, между причинами паденія Киданьской династіи, не должно забывать и того обстоятельства, что ей подчинены были разнородныя части, которыя не могли быть довольны; а мы постоянно замѣчаемъ въ исторіи, что пограничные жители всегда имѣютъ большое расположеніе къ иностранцамъ, готовы служить имъ совѣтниками и наушниками въ дѣлѣ разрушенія собственнаго правительства, даже служатъ шпіонами. Предлога къ начатію войны не трудно было отыскать. Киданьскіе посланцы, пробиравшіеся чрезъ чжурчженьскія земли къ Восточному океану за кречетами, сдѣлались ненавистны своими своевольствами,

а Агуда имѣлъ притязаніе еще на то, что Кидане приняли нѣкоторыхъ изъ взбунтовавшихся противъ его предшественниковъ старшинъ изъ нюйчженьскаго рода (Асу), и не хотѣли выдать, не смотря на всѣ требованія Агуды. Послѣдній собралъ на берегахъ Ла-линь 2500[61] войска, и разбивъ на границѣ киданьскій отрядъ, подошелъ къ первому киданьскому городу Нинъ-цзянъ-чжоу, лежавшему на восточномъ берегу Куньтунъ-цзяна[62], на сѣверъ отъ нынѣшняго Гиринь-Ула. Взявши этотъ городъ (въ 1114 г.), онъ отпустилъ только одного изъ плѣнныхъ, чтобъ привлечь къ себѣ Киданьцевъ. Вскорѣ онъ одержалъ новую побѣду, недалеко отъ нынѣшней Бодуны, тоже на берегахъ Куньтунь-цзяна, надъ нарочно-посланнымъ противъ него съ отборными войсками въ званіи главнокомандующаго (ду-тунъ) министромъ Сяо-фынъ-сянемъ. Когда разбитыя войска были прощены киданьскимъ императоромъ, то это усилило въ арміи, видѣвшей, что за разбитіе ничего не взыскивается, нерасположеніе къ сраженію[63]. Въ это время у Агуды является уже 10,000 войска, и въ началѣ слѣдующаго года (1115) онъ принимаетъ титулъ императора, даетъ своей династіи названіе Цзинь, по-маньчжурски Айжинь, назначаетъ и раздаетъ другимъ различные

---

[61] Тогда, какъ и при началѣ маньчжурской династіи, всѣ совершеннолѣтніе и здоровые считались солдатами, занимаясь въ мирное время звѣриной и рыбной ловлей, когда созывали ихъ на войну, они сами запасались провіянтомъ, впрочемъ, въ военное время, они управлялись тысячниками (минганъ мукунь), вѣроятно избираемыми отъ главнаго правленія изъ числа начальниковъ рода, называвшихся боцзилэ.

[62] Прежде киданьскіе государи являлись сюда неоднократно для рыбной ловли, причемъ имъ представлялись чжурчженьскіе старшины, собиравшіеся со всѣхъ сторонъ. Такъ точно, для привязанія Монголовъ, и нынѣшніе китайскіе императоры ежегодно отправлялись въ Монголію (въ Жэ-хэ), гдѣ собирали вокругъ себя монгольскихъ князей.

[63] Большая часть сѣверовосточныхъ областей киданьскихъ, въ слѣдъ за этимъ, передается Чжурчженямъ, и въ числѣ ихъ сискій князь, завѣдывавшій всѣми войсками восточной дороги

почетные титулы[64]. Все это само собой показываетъ, что Агуда былъ проникнутъ общими на всемъ востокѣ, отъ Китая заимствованными, понятіями о независимой монархіи. Ляоскій дворъ хочетъ избѣжать однакожъ войны и неоднократно посылаетъ къ Агудѣ посланцевъ съ увѣщаніями, но безуспѣшно. Кидане отправили на границы сильное войско со всѣми припасами нужными для основанія поселеній; но оно не успѣло укрѣпиться и было разбито у города Дарокъ (на земляхъ Бэйдуны) Тай-цзу овладѣлъ даже всѣми землепашными приборами Между тѣмъ какъ Агуда, вскорѣ послѣ этого, беретъ Хуанъ-лунъ-фу (Бодунэ), киданьскій императоръ выступаетъ противъ него самъ съ многочисленнымъ войскомъ и обширнымъ провіантомъ; но, по переправѣ его чрезъ Куньтунъ-цзянъ, одинъ генералъ (Чжопо) производитъ возмущеніе, и Агуда, напавъ на изнуренное войско, оставленное въ слѣдствіе возмущенія киданьскимъ императоромъ, одерживаетъ новую побѣду, которая доставила въ его руки весь киданьскій лагерь. Въ это время въ Ляо-янѣ, или восточной столицѣ, произошло возмущеніе: нѣкто Юнъчанъ провозгласилъ себя императоромъ и хотѣлъ вступить въ союзъ съ Агудой, чтобы дѣйствовать общими силами противъ Ляо; но Агуда не желалъ дѣлиться ни съ кѣмъ; полководецъ его Олу, разбивъ Юнъ-чана, вступилъ въ Ляо-яшъ, и вся провинція, или земля древнихъ Бохайцевъ, перешла въ его владѣніе. Чжурчжени, подвластные Ляо и приписанные къ южной дорогѣ, присоединились къ Агудѣ, который такимъ образомъ сдѣлался обладателемъ всей нынѣшней Маньчжуріи Киданьскій императоръ набралъ мстительное войско изъ жителей Ляодуна и поселилъ его около нынѣшняго Нинъ-

[64] Между прочимъ, брату своему Укимаю жалуетъ званіе амбань-боцзилэ, другимъ званіе гурунь-боцзилэ

юань-сяня Посланный командовать войсками противъ Чжурчженей князь Чунь былъ разбитъ около нынѣшняго Гуанънинъ-сяня, и округъ этотъ также достался Цзиньцамъ. Сунскій дворъ, услышавъ объ этихъ успѣхахъ, вступилъ черезъ море въ сношеніе съ Цзиньцами, чтобъ дѣйствовать заодно противъ Киданей (1118 г.) Начались взаимныя посольства между двумя дворами, которыя привели къ заключенію условія, чтобы Агуда завладѣлъ землями Киданеи въ нынѣшней Монголіи, а Сунцамъ достались ихъ китайскія земли; Сунскій дворъ, сверхъ-того, обѣщался платить Чжурчженямъ тѣже подарки, какіе давалъ въ это время и Киданямъ (около 300,000). Агуда велъ также переговоры съ киданьскимъ государемъ о томъ, на какихъ условіяхъ заключить миръ[65]. Вообще же Агуда остановилъ на нѣсколько времени войну, вѣроятно, чтобы лучше укрѣпиться во вновь завоеванныхъ земляхъ и устроить правленіе. Нѣкто Гушэнь (Гусинь) сочинилъ чжурчженьскія письмена (1119 г.). Кромѣ китайскаго образованія, такъ недоступно было тогда востоку все прочее, что многосложный языкъ маньчжурскій, легко передаваемый алфавитомъ, долженъ былъ писаться складовыми сокращенными китайскими іероглифами. Мы видѣли выше, что еще прежде Чжурчженей тоже самое сдѣлали для своего языка и сами Кидане[66]. Въ 1120 г. Агуда снова вторгается въ киданьскія земли и беретъ приступомъ верхнюю столицу (также называемую Хуанъ-лунъ-фу, во владѣніяхъ Кэшиктенскаго аймака) Между тѣмъ, киданьскій императоръ, занимав-

---

[65] Киданьскій государь предлагалъ ему званіе вана, а Агуда, напротивъ, требовалъ, чтобъ тотъ, кромѣ уступки различныхъ городовъ, былъ съ нимъ, на китайскихъ условіяхъ, какъ съ старшимъ братомъ.

[66] Въ послѣдствіи у Чжурчженей составленъ былъ другой алфавитъ подъ именемъ «малаго», также изъ китайскихъ іероглифовъ, а старый сталъ называться «крупнымъ»

шійся охотой въ нынѣшнихъ Сунитскихъ земляхъ, не обращалъ вниманія на дѣла, потеря Ляодуна, при обширности прочихъ владѣній, не могла быть для него слишкомъ чувствительна. По подозрѣнію, что нѣкоторые хотятъ возвести на престолъ не того сына, котораго слѣдовало, онъ казнилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и Дутунъ-Ѣлюй-Идугу, принадлежавшій къ сильной фамиліи, убѣжалъ къ Агудѣ, что̀ показываетъ до какой степени пришло въ разстройство правленіе при Тяньцзо Идугу повелъ цзиньское войско, которымъ командовалъ Шэ-инь, на среднюю киданьскую столицу, которая была взята; а Тяньцзо, охотившійся около нынѣшняго Чичэнь-сяня, умертвилъ своего сына, изъ-за котораго пострадали уже многіе, и усиливъ тѣмъ еще больше неудовольствіе подданныхъ, убѣжалъ въ Юньчжунъ; но его преслѣдовали и здѣсь маньчжурскія войска, подъ предводительствомъ Нимаха, такъ что онъ принужденъ былъ бѣжать въ одинъ городокъ, находившійся въ восточной части нынѣшняго Оратскаго аймака Тогда внутри киданьскихъ владѣній въ Китаѣ произошелъ переворотъ. Князь Чунь провозглашенъ былъ императоромъ (подъ именемъ Тянь-си-хуана); онъ заочно низвелъ Тяньцзо съ престола. Киданьская имперія, которой впрочемъ осталось существовать недолго, раздѣлилась на двѣ части: за Чунемъ остались китайскія провинціи Яньчжоу, Юньчжоу и также земли, принадлежавшія къ Чжунъ-цзину, Шанъ-цзину и Ляо-си, а за Таньцзо остались только земли на сѣверъ отъ Шамо, юго-западная и сѣверо-западная дороги съ инородческими поколѣніями. Чунь просилъ Агуду позволить ему быть его вассаломъ (фу-юнъ), но тотъ не согласился и на это. Чунь скоро умеръ; приближенные поручили правленіе императрицѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что киданьскій генералъ Го-яо-ши передался съ двумя округами Ичжоу и Чжочжоу Сунской династіи. Цзиньскія войска взяли Си-цзинъ (запад-

ную столицу) или Дайтунъ-фу. Напрасно царство Ся посылаетъ свои войска (30,000), чтобъ спасти Киданей; они разбиты. Тяньцзо еще разбитъ въ степи на сѣверо-западъ отъ Дайтунъ-фу (у урочища Шипэту) и потерялъ свой обозъ. Между тѣмъ какъ Ляоская династія была совершенно потеряна, Сунскій дворъ, условившійся съ Чжурчженями напасть на провинцію Янь, не могъ ничего сдѣлать при всей своей силѣ, войска его разбиты и разсѣяны при первомъ вторженіи. тогда какъ, въ слѣдъ за этимъ, цзиньское войско подъ предводительствомъ Агуды является, чрезъ знаменитый проходъ Цзюй-юнъ-гуань, подъ Пекиномъ, и этотъ городъ, сдавшись, увлекаетъ за собой всѣ прочіе подчиненные ему округи. Такимъ образомъ, всѣ пять киданьскихъ столицъ находятся уже въ рукахъ Цзиньцевъ (1122 г.). Мы не можемъ не сдѣлать здѣсь одного замѣчанія о причинахъ быстраго возвышенія и паденія династіи на востокѣ. Обыкновенно полагаютъ, что династіи, основанныя мужествомъ народа, вышедшаго изъ дикаго состоянія, ослабѣваютъ тотчасъ, предавшись нѣгѣ и безпечности, и что прежніе ихъ поборники теряютъ мужество и легко разбиваются другими дикарями. На западѣ никто этого не скажетъ про себя; всякій знаетъ, что правительства заботятся объ образованіи своихъ войскъ, и они имѣютъ перевѣсъ надъ необразованными толпами. Но думаютъ, что на востокѣ это должно быть иначе. Конечно, до введенія огнестрѣльнаго оружія, физическая сила давала бо́льшій перевѣсъ во время сраженія, чѣмъ нынѣ, но во всѣ времена образованныя государства преобладали надъ нестройными толпами своей тактикой, и нѣтъ нужды думать, чтобы тактика Киданей была ниже чжурчженьской. Агуда не является преобразователемъ военнаго искусства; напротивъ, какъ основатель династіи, онъ долженъ былъ учиться устройству арміи отъ своихъ непріятелей, и конечно, перебѣжчики и плѣн-

ники киданьскіе пособляли ему не въ одномъ устройствѣ гражданскомъ. Намъ кажется, что побѣда, какъ это вездѣ встрѣчается, зависитъ отъ духа войскъ, и потому первая удача весьма много значитъ. Такимъ образомъ, главной причиной успѣховъ неславнаго и несильнаго дотолѣ непріятеля должно полагать именно то презрѣніе, съ которымъ сначала смотритъ на него великое государство. Могъ ли кто нибудь изъ киданьскихъ министровъ думать, что черезъ пять лѣтъ не станетъ болѣе ихъ государства? Они не предвидѣли своей опасности и не поспѣшили подавить на первомъ шагу являвшейся опасности, что было бы чрезвычайно легко. Между тѣмъ, отъ вниманія правительства ускользаетъ его внутреннее устройство; оно и не подозрѣваетъ, что внутри его тлѣютъ подъ пепломъ неудовольствія, что есть честолюбія, для которыхъ все равно кто бы ни правилъ, только бы ему можно было расширить кругъ своихъ дѣйствій Точно такимъ же образомъ возникла въ послѣдствіи монархія Чингисхана, Маньчжуровъ и другія. Могли ли Цзиньцы подумать, что ничтожный старшина (Чингисханъ), почитавшій за счастіе, что можетъ услужить имъ поимкой бѣжавшаго отъ нихъ бунтовщика, вскорѣ сдѣлается повелителемъ всего свѣта? Конечно, они съумѣли бы задавить его тотчасъ же, а между тѣмъ забыли, что внутри ихъ собственныхъ владѣній есть подданные, которые ждутъ только минуты отмщенія (Кидане), точно такъ какъ нѣкогда мстили на нихъ помощники Агуды, Бохайцы.

Съ этого времени погибель Киданьскаго царства можно почитать оконченною, хотя Тяньцзо держится еще три года. По взятіи Пекина, одинъ изъ министровъ, родомъ изъ племени Кумохи, Холбо (или Сяохань), уйдя на сѣверо-востокъ отъ провинціи Чжили[67], провозглашаетъ себя Сискимъ импе-

[67] Въ хребтѣ Лу-лунъ

раторомъ. Къ нему присоединяются, кромѣ Сискаго племени, Китайцы и Бохайцы, которымъ дается каждому особое управленіе (Шу-ми-юань)[68]; но это было только на мгновеніе. Когда Холбо устремился въ томъ же году на Пекинъ, находившійся подъ властію Сунской династіи, онъ, послѣ нѣкоторыхъ удачъ, былъ разбитъ сунскимъ генераломъ Го-яо-ши, и вскорѣ убитъ, чѣмъ и кончилось его царствованіе. Между тѣмъ, по взятіи Пекина, Агуда, узнавши, что Тяньцзо скрывается въ Иньшань, отправилъ для его преслѣдованія своихъ генераловъ, которые напали на него недалеко отъ нынѣшняго Кукэхото, захватили въ плѣнъ его дѣтей, родственниковъ, чиновниковъ и проч. Тяньцзо, разбитый еще разъ, убѣжалъ въ Юнь-нэй, откуда пришелъ въ царство Ся, въ которомъ пожаловалъ тамошняго короля Ли-гань-шуня титуломъ императора[69], тогда какъ генералъ его Сяо-Тѣ-ли съ прочими провозгласилъ въ сѣверо-западныхъ аймакахъ киданьскихъ императоромъ Яли, сына Тяньцзо; но Яли вскорѣ умеръ. Провозглашенный императоромъ другой родственникъ былъ убитъ взбунтовавшимися войсками. Между тѣмъ, царство Цзинь не дремало: оно отправило посланцевъ въ Ся потребовать выдачи киданьскаго государя. Царство Ся обязалось вести себя предъ царствомъ Цзинь такъ же, какъ прежде предъ Киданьскимъ; за то Цзиньцы уступили ему изъ киданьскихъ владѣній часть земель, находящихся на югъ отъ горъ Иньшань, или мѣста, которыя были нѣкогда древнимъ жилищемъ дома Тоба, а тогда владѣнія улуса И-ши-лань-ла (И-си-и-ра). Тяньцзо долженъ былъ снова переправиться чрезъ Хуанъ-хэ и скрывался у улуса Ду-люй-бу (Тулубу?); но Цзиньцы напали на его ла-

---

[68] Это показываетъ, что народная гордость тѣхъ и другихъ была причиною паденія и Киданьской монархіи

[69] По китайскому обычаю нельзя самовольно принять этотъ титулъ.

герь, и онъ бѣжалъ къ улусамъ Ши-у-гу (У-ку-ли?) и Дили (принадлежавшимъ къ поколѣнію Мокэши). Подкрѣпившись нѣсколько, онъ вторгнулся въ цзиньскія владѣнія и овладѣлъ было землями прежней провинціи Дунъ-шэнъ, но вскорѣ разбитый, бѣжалъ къ нынѣшнему Дай-тунъ-фу. Отсюда онъ убѣжалъ къ тангутскому племени Данъ-янъ, но недалеко отъ Инъ-чжоу былъ схваченъ преслѣдовавшимъ его чжурчженьскимъ генераломъ Лосо и привезенъ къ цзиньскому двору, который разжаловалъ его въ ваны.

Между тѣмъ, какъ большая часть Киданей должна была лишиться своей самостоятельности подъ владычествомъ Цзиньской династіи, другая часть хотѣла сохранить свою независимость удаленіемъ отъ мѣстъ прежняго своего владычества. Киданьскій вельможа Ѣлюй-даши (Широй), убѣжавшій изъ плѣна Цзиньцевъ и оставившій потомъ Тяньцзо, провозглашаетъ себя ваномъ, и съ собравшимся вокругъ него народомъ, удаляется на западъ, приходитъ къ городу Кэ-дунь (Хатунь) и останавливается въ сѣверномъ Бэй-тинъ (Духуфу или Тинъ-чжоу, при Танской династіи) Здѣсь собираетъ онъ восемнадцать улусовъ Семичжоу, составлявшихъ западную часть киданьскихъ владѣній, набираетъ до 10,000 отборнаго войска, поставляетъ начальниковъ, приготовляетъ оружіе. До новѣйшаго времени, номады востока тяготѣли надъ народами запада. Въ подтвержденіе недавно высказанной нами мысли, что военное искусство востока было превосходнѣе западнаго, стоитъ только привести движеніе народовъ, всегда совершавшееся въ слѣдствіе толчка или напора, послѣдовавшаго съ востока. Такъ продолжалось оно съ перваго полуисторическаго движенія Юэчжи или Гетовъ съ долинъ Кукэнора до новѣйшаго переселенія Калмыковъ къ берегамъ Волги. Ѣлюй-даши, вмѣсто того, чтобъ нападать на Цзиньцевъ, предпочитаетъ пройти сквозь

земли другихъ народовъ, чтобъ быть подальше и въ безопасности отъ своихъ непріятелей. Онъ проситъ прохода у уйгурскаго вана Билэкэ (Бэлгэ?), который провожаетъ его чрезъ свои владѣнія. Въ дальнѣйшемъ пути, простиравшемся на 10,000 ли, одни покоряются ему добровольно, другіе силой, добыча Киданей состоитъ въ множествѣ скота: коровъ, барановъ, лошадей и верблюдовъ. Около города Синь-сы-хань[70], западныя царства, собравшія будто 100,000 войска (подъ именемъ хуршань?[71]), сопротивляются, но разбиты, и Ѣлюй-Даши останавливается въ Синь-сы-ханѣ на 90 дней Турецкій (хой-хой) ванъ изъявляетъ покорность, и Даши идетъ далѣе на западъ, приходитъ въ Кэрмань[71], гдѣ его провозглашаютъ императоромъ; здѣсь онъ основываетъ царство, извѣстное въ китайской исторіи подъ именемъ Западнаго Ляо (Ляо-си), павшаго въ 1201 году подъ ударами найманьскаго вана, который и самъ вскорѣ попался во власть Чингисхана[72].

Но Цзиньцы и не думали преслѣдовать прежнихъ своихъ непріятелей въ ихъ новыхъ владѣніяхъ. Политическій горизонтъ ихъ вселенной не простирался далѣе тѣхъ странъ, которыя казались имъ заслуживающими вниманія еще въ дѣтствѣ ихъ существованія. Для дикаря Маньчжурія не казалось ничего выше, какъ быть монархомъ тѣхъ земель, которыя были подчинены ихъ предшественникамъ. Мы уже замѣтили прежде, что со времени паденія Танской династіи или даже раньше, со времени потрясенія, причиненнаго ей бунтомъ Аньлушаня, кругъ заграничной китайской политики переносится отъ сѣверо-запада все болѣе и болѣе къ сѣверо-восто-

---

[70] Ученый комитетъ признаетъ этотъ городъ за Ташкендъ

[71] Неизвѣстно почему ученымъ комитетомъ превращено это имя въ Кахэму

[72] Въ 1127 г Ѣлюй-даши поворотилъ на востокъ и основалъ столицу, которая названа Хѵсы (Хусунь)-Ордо Полководецъ его Сяо-Орось отправленъ былъ съ 70,000 далѣе на востокъ, прошелъ будто 10,000 ли, но не нашедъ ничего, поморилъ скотъ и возвратился назадъ.

ку. Прежде становище Хунновъ, приходившееся какъ-разъ въ срединѣ Китая (неподалеку отъ Ордоса или горъ Инь-шань), лежа въ сердцѣ центральной Азіи, поддерживало равновѣсіе надъ ея востокомъ и западомъ; но варвары тяготѣли надъ Китаемъ и Азіей больше съ сѣверо-запада. Обладаніе нынѣшней юго-восточной Монголіей, тѣмъ болѣе Маньчжуріей, ничего еще не значило въ судьбахъ востока, и Китай, чтобъ ослабить могущество Хунновъ, долженъ былъ дѣйствовать съ запада. Такъ, онъ проникаетъ въ Туркестанъ, вступаетъ въ связь съ Усуньцами, обитателями Цзюньгаріи. Наслѣдниками Хунновъ можно считать Тобасцевъ, властвовавшихъ послѣ надъ сѣвернымъ Китаемъ, которыхъ родной очагъ былъ у тѣхъ же горъ Инь-шань; и для нихъ были страшные враги на сѣверо-западѣ. Отъ подошвы Алтая выходятъ Тукюэсцы и Жужане. Но съ тѣхъ поръ, какъ появилось владычество мусульманъ на западѣ (поддержанныхъ усиленіемъ Тибетцевъ), кругъ дѣйствій народовъ центральной Азіи все болѣе и болѣе оттѣсняется на востокъ. Уйгуры — уже жители Халхи; за ними начинаютъ играть важную роль Кидане, въ юго восточной Монголіи; ихъ смѣняютъ еще болѣе отдаленные жители востока, Чжурчжени. Хотя Чингисханъ, родившійся въ этой полосѣ центральной Азіи, и расширилъ кругъ дѣятельности ея народовъ, преслѣдуя главнымъ образомъ послѣднихъ ея выходцевъ, Киданей, но тѣмъ не менѣе это неестественное расширеніе скоро входитъ въ свои границы при одномъ изъ величайшихъ монгольскихъ государей, каковъ былъ Хубилай. Далѣе, домъ Минъ вовсе не безпокоится о судьбахъ сѣверо-запада, и мы видимъ, что его участь, часто висѣвшая на волоскѣ отъ набѣговъ Монголовъ, рѣшена была востокомъ. Только нынѣшняя династія возстановила почти во всей обширности границы, до которыхъ простиралось политическое вліяніе Китая; но и къ этому привела его судьба юго-восто-

ка Монголіи. Если бы Цзюнгары не попробовали повторить набѣги Тукюэсцевъ и Жужаней и не раздражили самолюбіе китайскихъ императоровъ, то они никогда и не подумали бы расширить такъ далеко свои владѣнія на западъ. Нынѣшняя «новая линія», или Цзюнгарія, Туркестанъ и Тибетъ, никогда не были бы въ рукахъ Китая.

Для центральной Азіи забыто было воспоминаніе о томъ, что нѣкогда номады ея владѣли самымъ Китаемъ. Но припомнимъ, что то были, въ первый разъ, Хунны, которые прежде, подъ владычествомъ дома Хань, сроднились съ китайскимъ образованіемъ и потому не дичились этой страны. Тобасцы послѣдовали ихъ примѣру. И вообще народы среднеазійскіе, въ началѣ своего политическаго зародыша, далеки были всегда отъ мысли быть обладателями Китая. Они, казалось, чувствовали свою грубость и неопрятность, чтобъ воссѣдать на тронѣ Хуанди; жившіе между ними купцы и по другимъ причинамъ, Китайцы, стараясь объ ихъ образованіи, чрезъ это самое внушали имъ уваженіе къ Китаю. Пограбить эту страну, увезти изъ нея невольниковъ — это другое дѣло; но остаться въ ней жить, обладать китайскими городами — это не укладывалось въ головѣ среднеазіятца. Очень извѣстно предложеніе нѣкоторыхъ вельможъ Чингисхану превратить китайскія провинціи въ кочевыя степи; слѣдовательно, не столько пугалъ ихъ климатъ, какъ это многолюдство, сознаніе своего нравственнаго безсилія. Не надобно думать, чтобы особенно пугала ихъ и осѣдлая жизнь. Мы видимъ, что Кидане и Кумохи не были кочевымъ народомъ, который обусловливаетъ свой образъ жизни мѣстностью. Еще менѣе были номадами обитатели Маньчжуріи: тамъ всегда, хоть, положимъ, и въ ямахъ, прикрытыхъ досками, но жили, хотя и охотничьи, но осѣдлыя поколѣнія. Но для того, чтобы владѣть Китаемъ, надобно было прежде привыкнуть къ этой

мысли Конечно, Дукюэскому хану лестно было, что съ помощію его царствуетъ въ Китаѣ Танскій императоръ, называющій себя на первыхъ порахъ его подданнымъ; но еще лестнѣе были подарки или дань, получаемая имъ отъ своего вассала. Почему же Дукюэсцы не завладѣли Китаемъ, когда это было имъ такъ легко, во время смутъ, послѣдовавшихъ при концѣ Суиской династіи? Точно такъ же и Кидане, составлявшіе сильное царство на сѣверѣ отъ Китая, вмѣшивались въ дѣла, для полученія только временныхъ выгодъ. Когда Шицзинь-танъ отдалъ имъ нѣсколько китайскихъ городовъ за то, что они помогли ему взойти на престолъ, то они приняли этотъ подарокъ какъ добычу, и не пришли во сто лѣтъ къ мысли завоевать Китай

Все это показалось намъ нужнымъ для объясненія будущихъ отношеній Цзиньской династіи къ Китаю. Чжурчжени, сдѣлавшіеся послѣ обладателями половины Китая, вовлечены были въ это обстоятельствами, и первыя ихъ дѣйствія нисколько не обнаруживаютъ подобнаго честолюбія, по крайней мѣрѣ, эта страна казалась сначала такъ нова, что они должны были приглядѣться къ ней. Такъ они вторгнулись въ Китай и завладѣли Пекиномъ для того только, чтобъ подавить своего врага; а однажды одолѣвши его, съ какой стати имъ было уступать Пекинъ Суискому двору, еслибъ они имѣли цѣль обладанія? Правда, прежде было сдѣлано условіе, что этотъ дворъ возьметъ себѣ китайскія земли, принадлежавшія Киданямъ; но онъ не могъ оказать никакой значительной помощи Чжурчженямъ· мы видимъ, что Суискія войска были разсѣяны съ перваго разу. Вскорѣ однакожъ возгорѣлась война съ бывшими друзьями, и хотя чжурчженьскія войска проникаютъ до береговъ Цзяна, однакожъ все обнаруживаетъ, что они ищутъ только добычи. Въ завоеванныхъ ими провинціяхъ они возводятъ на престолъ императора изъ Китайцевъ, это

значитъ, что они освобождаютъ себя отъ обязанности пещись о благѣ покоренныхъ и имѣютъ въ виду только брать подати. Только послѣ продолжительнаго пребыванія въ Китаѣ, они видятъ наконецъ возможность сдѣлаться сами его обладателями, и еще позднѣе перепосятъ туда свою столицу. Если бы Киданe, Чжурчжени и наконецъ Монголы считали Китай главнымъ основаніемъ своей силы, а не какъ пособіе, то они съ перваго же раза, какъ только представилась возможность, утвердили бы тамъ свою столицу. Точно такъ же и нынѣшняя Маньчжурія сначала вовсе не имѣла намѣренія владѣть Китаемъ внутри Великой стѣны, а только желала его грабить.

Посреди выполненія единственной цѣли всей своей дѣятельности, уничтожить царство Киданей, Агуда умеръ, двумя годами ранѣе взятія въ плѣнъ императора Тяньцзо. Однимъ изъ послѣднихъ его дѣйствій было возвращеніе Сунской династіи части китайскихъ земель, принадлежавшихъ Киданямъ, именно Пекина съ шестью округами, не включая Ичжоу и Чжочжоу, которые находились уже въ рукахъ Сунцевъ. За это Сунскій дворъ обязался выплачивать Цзиньскому двору, кромѣ четырехъ сотъ тысячъ связокъ, платимыхъ ими прежде Киданямъ, еще 1,000,000, посылать посланника съ поздравленіемъ императора въ новый годъ и въ день его рожденія, и назначить мѣста для взаимной торговли. Изъ китайскихъ земель остались однакожъ за Чжурчженями округи на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ горъ или области Пинъчжоу, Инъчжоу и Люаньчжоу[73]. Сверхъ того, Чжурчжени увели изъ Пекинской провинціи всѣхъ богатыхъ и знатныхъ людей.

---

[73] Почти тоже, что нынѣшній Чэнъ-де-фу'скій департаментъ въ Монголіи, по временамъ заселяемый Китайцами и потому считавшійся какъ бы собственностью Китая.

Но когда они проходили чрезъ Пиньчжоу, тамошній правитель Чжань-гу, только номинально поддавшійся Чжурчженямъ, освободилъ Китайцевъ и, дожидаясь случая соединиться съ Тяньцзо, вступилъ въ сношенія съ Сунскимъ дворомъ, которому предавался также номинально. Когда же онъ, будучи разбитъ цзиньскимъ войскомъ, бѣжалъ въ Пекинъ, голова его выдана была по требованію Цзиньцевъ, и это обстоятельство заставило опасаться какъ за себя такъ и за другихъ передавшихся Китаю генераловъ. Пиньчжоу досталась въ руки Цзиньцевъ. Такимъ образомъ Сунскій дворъ выказалъ свое двоедушіе: ему и хотѣлось владѣть всѣми китайскими землями, и онъ боялся разсориться съ Цзиньцами. Но Цзиньскій дворъ радъ былъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ; его подучали еще и прежніе киданьскіе подданные. Какъ скоро дѣло съ Тяньцзо было порѣшено, и Кидане подъ предводительствомъ Даши удалились на западъ, Укимай, братъ Агуды, наслѣдовавшій его престолъ, повелѣлъ своимъ генераламъ устремиться на Китай, и они вошли въ него по двумъ дорогамъ: Чжаньмоха (Нимаха) отправился изъ Юньчжоу, а Ханьлибу (Олабу) изъ Пиньчжоу. Первый устремился на Тай-юань, оплотъ и главный городъ провинціи Шаньси, и окружилъ его. Между тѣмъ какъ онъ встрѣтилъ здѣсь продолжительное и упорное сопротивленіе, другой генералъ былъ гораздо счастливѣе его. Бывшій киданьскій генералъ, а теперь сунскій полководецъ Гояоши предался Цзиньцамъ, и Ханьлибу могъ не только взять Пекинъ со всѣми прилежащими къ нему уѣздами, но нашелъ путеводителя для того, чтобъ углубиться далѣе внутрь китайскихъ земель. Устрашенный Сунскій императоръ Хэй-цзунъ (1101 — 1125) сзываетъ на помощь имперію и въ тоже время отказывается отъ престола въ пользу своего сына, — ясное доказательство, что онъ предчувствовалъ исходъ дѣла и не хотѣлъ, чтобы династія, или слава династіи, по-

гасла при немъ Войска Ханьлибу устремились къ столицѣ Сунской династіи Ли-яну Командовавшій китайскими войсками Лянъ-фань-ши расположился было на сѣверномъ берегу рѣки Хуанъ-хэ; но при приближеніи Цзиньцевъ, это войско разсѣялось, и хотя мостъ чрезъ Хуанъ-хэ былъ сожженъ, но это не помѣшало Цзиньцамъ переправиться въ лодкахъ черезъ рѣку, такъ что никто имъ въ этомъ и не препятствовалъ. Послѣ этого они взяли Хуа-чжоу, и старый императоръ убѣжалъ въ Бочжоу; за нимъ хотѣлъ послѣдовать и новый (Цинь цзунъ), но былъ удержанъ главнокомандующимъ Лиганомъ. Когда, однакожъ, Ханьлибу, по взятіи Хуачжоу, окружилъ Сунскую столицу Бянь (нынѣшній Кай-фынь-фу) и предложилъ миръ на тѣхъ условіяхъ, чтобъ заплатить 5,000,000 ланъ золотомъ и 50,000,000 серебромъ, 10,000 головъ коровъ и лошадей, 1,000,000 кусковъ шелковыхъ матерій, называть цзиньскаго императора дядей, а себя племянникомъ, отрѣзать отъ своихъ владѣній три чжени или пограничныхъ военныхъ вѣдомства (каковы: Чжунъ-янь, Тай-юань и Хэ-цзянь, то есть, почти вся провинція Шаньси и Чжили до Хуанъ-хэ) и дать въ заложники министра и Цинь-вана, то дворъ недолго отговаривался исполнить эти условія. Сунцы стали отыскивать золото и серебро у всѣхъ жителей столицы, даже въ публичныхъ домахъ; но отыскали всего 200,000 ланъ золота и 4,000,000 серебра. Пока шли переговоры и Цзиньцамъ, не перестававшимъ грабить, уплачивали требуемую сумму, китайскія войска собрались во множествѣ (до 200,000, а Цзиньцевъ было 60,000) для защиты своего императора, но не могли нисколько устрашить своего непріятеля, который за покушеніе противъ него потребовалъ отставить военачальниковъ, что̀ и было немедленно исполнено; такъ былъ трусливъ китайскій дворъ. Наконецъ, Ханьлибу, не дожидаясь когда выплатятъ ему вполнѣ

все требуемое количество денегъ, оставилъ Кай-фынъ-фу и повелъ свои войска въ обратный путь. Ни у кого изъ Сунцевъ не достало духу напасть на нихъ въ то время, какъ половина переправится чрезъ Хуанъ-хэ. Такимъ образомъ, развѣ только въ Китаѣ исторія можетъ представить образчикъ такого счастливаго похода Вообще мы видимъ, какъ въ этихъ, такъ и послѣдующихъ войнахъ, что китайскій дворъ, не смотря на многочисленность своихъ войскъ и на умныя предложенія своихъ генераловъ, которые постоянно держались мнѣнія, что нужно драться, а не мириться съ непріятелемъ, держался стороны гражданскихъ чиновниковъ, которые пугали его тѣмъ, что всякое сопротивленіе можетъ принести еще большее бѣдствіе, чѣмъ всякій постыдный миръ; и потому приверженцы войны, не сомнѣвавшіеся въ возможности разбить Цзиньцевъ, часто не только были наказываемы, но даже предаваемы смерти. Дворъ отпраздновалъ даже удаленіе Цзиньцевъ какъ побѣду. Впрочемъ, надобно признаться, что китайскіе генералы были храбры только на словахъ, и хотя китайская исторія часто оправдываетъ ихъ неудачи, приписывая то различнымъ интригамъ, но все доказываетъ, что воинскій духъ Китайцевъ былъ одною изъ главныхъ причинъ неудачъ. До какой степени Маньчжуры, одушевленные своими успѣхами, позволяли себѣ смотрѣть съ презрѣніемъ на сосѣднія государства, видно изъ того, что они, позволивъ сначала царству Ся завладѣть для себя нѣкоторыми китайскими городами въ Шаньси, отняли ихъ потомъ у нихъ безъ всякихъ переговоровъ; точно такъ же, когда Ханьлибу заключилъ вышесказанный уговоръ съ Сунскимъ дворомъ, Чжаньмоха, не смотря на это, хотѣлъ требовать для себя новыхъ условій, и не обращая вниманія на миръ, оставивъ Тай-юань, который онъ держалъ въ крѣпкой осадѣ, бросился на Китай. Теперь Сунскій дворъ счелъ себя въ правѣ почесть трактатъ

нарушеннымъ, тѣмъ болѣе, что начальники трехъ вышесказанныхъ воеводствъ не хотѣли покориться Чжурчженямъ. Хотя войска Чжаньмоха принуждены были отступить, но за то китайскіе генералы, посланные на помощь Тай-юаню, были разбиты и войска ихъ разсѣялись; жители Шаньси бѣжали на югъ за Хуанъ-хэ. Ханьлибу и Чжаньмохэ снова вступили въ Китай двумя дорогами; послѣдній взялъ наконецъ Тай-юань, а Ханьлибу — Чжень-динъ-фу. Это до такой степени напугало дворъ, что онъ даже запретилъ нападать на Цзиньцевъ и собираться въ столицѣ войскамъ, чтобъ не раздражать своихъ непріятелей. Между тѣмъ Нимохэ, по взятіи Тай-юаня, устремился прямо на Кай-фынъ-фу, покоряя въ дорогѣ встрѣчающіеся города и разбивая сопротивляющихся: онъ переправился снова чрезъ Хуанъ-хэ и, соединившись съ Ханьлибу, окружилъ столицу. Напрасно было всякое сопротивленіе, противоставшее имъ Сунскіе генералы были постоянно разбиваемы; наконецъ цзиньскія войска ворвались въ городъ, и новый императоръ принужденъ былъ самъ явиться въ лагерь побѣдителей и согласиться на уступку имъ всѣхъ земель на сѣверъ отъ Хуанъ-хэ. Цзиньцы, хотя сначала и отпустили императора, но потребовали еще 10 милліоновъ слитковъ (динъ) золота, 20 милліоновъ серебра, 10 милліоновъ матерій. Столица подверглась снова обыску; потомъ весь дворъ и съ старымъ императоромъ былъ переведенъ въ непріятельскій лагерь. Цзиньцы приказали избрать Китайцамъ новаго императора изъ другой фамиліи и поставили такимъ Чжанъ-банъ-чана, перемѣнивъ и самое имя династіи на *Чу*. Тогда Цзиньцы поворотили назадъ, увлекая за собой весь Сунскій дворъ и приверженныхъ къ нему вельможъ. Въ числѣ добычи они захватили все, принадлежавшее ко дворцу, какъ то: императорскія носилки, повозки, платья, знаки, музыку, жертвенные сосуды, 8 драгоцѣнностей, 9 ди-

новъ, яшмы, глобусы, мѣдный истуканъ для акупунктуры, книги изъ трехъ библіотекъ, карты всей имперіи, а также евнуховъ, мастеровыхъ и все, что̀ находилось въ кладовыхъ. Однакожъ, по уходѣ отъ столицы Цзиньцевъ, братъ послѣдняго императора[74], избѣгшій плѣна, провозгласилъ себя императоромъ (Гао-цзунъ) и тѣмъ сохранилъ Сунскую династію, которая съ этого времени обыкновенно извѣстна подъ именемъ Южной Сунской. Чжанъ-банъ-чанъ, провозглашенный Цзиньцами, добровольно или насильно сложилъ съ себя верховное званіе. Сунскій Гао-цзунъ не хотѣлъ однако возвратиться въ прежнюю столицу, такъ какъ Цзиньцамъ можно было скоро придти въ нее изъ своихъ владѣній, и съ этого времени столицей сдѣлался Нань-линъ. Между тѣмъ, уступленныя Цзиньцамъ владѣнія не предавались имъ добровольно, и такъ какъ они занялись ихъ покореніемъ, то это и дало Сунской династіи средство утвердиться. Въ это время умеръ Ханьлибу, и вся власть въ государствѣ перешла въ руки Чжаньмоха. Но вскорѣ цзиньскія войска вторгнулись въ Китай тремя дорогами. Чжаньмохэ, предводительствуя средней арміей, вышедши изъ Юньчжуна и спустясь по горамъ Тайхана, переправился чрезъ Хуанъ-хэ, и осадилъ городъ Хэнань, отрядивъ отъ себя генерала Ничухэ покорять земли на верховьѣ рѣки Хань; Ордо и Учжу, дѣти Агуды, двинулись съ восточной арміей изъ Пекина въ Шаньдунъ и отдѣлившійся отъ нихъ отрядъ пошелъ на Хуай-нань; полководцы же Лосо, Салиха и Хафу, предводительствуя западной арміей, переправились чрезъ Хуанъ-хэ у Тунъ-чжоу и бросились на Шэньси. Сунцы оказывали по временамъ удачное сопротив-

---

[74] Когда плѣнные императоры явились предъ Укимая, онъ пожаловалъ ихъ званіемъ гуна и хоу, и поселилъ ихъ въ Ханьчжоу, около Кайюаня въ Маньчжуріи, а въ послѣдствіи перевелъ въ Уго-чэнъ

леніе; но перевѣсъ главнымъ образомъ всегда оставался на сторонѣ Цзиньцевъ. Чжаньмохэ и Ордо соединились у Пучжоу и, взявъ этотъ городъ, устремились на Янь-чжоуфу, тогдашній Си-цинъ-фу, ближайшій къ родинѣ Конфуція (Чжаньмохэ не позволилъ войску разрыть его могилу). Оттуда они устремились далѣе на югъ, взяли городъ Сюй-чжоу, потомъ Хуай-янь и Сы-чжоу. Китайскій императоръ, до того жившій въ Янь-чжоу, убѣжалъ въ Чжень-цзянъ (Нанкинъ) и оттуда въ Ханъ-чжоу (въ Чжэцзянѣ). Опытъ научилъ императоровъ, что выжиданіе непріятеля для того, чтобы позволить ему окружить себя, скорѣе можетъ погубить имперію, чѣмъ присутствіе ихъ на полѣ битвъ и ободреніе воиновъ къ сраженію. Земли, зависѣвшія отъ императоровъ, были еще велики. Исторія не въ первый разъ показываетъ подобный примѣръ отступленія: династія Цзинь точно такимъ же образомъ умѣла удержаться на югѣ; династія Танъ, во время бунта Аньлушаня, спаслась точно такъ же тѣмъ, что императоръ удалился на югъ. И, въ самомъ дѣлѣ, хотя китайская исторія раздѣляетъ какъ будто мнѣніе тѣхъ, которые не совѣтовали императору бѣжать, выставляя въ благопріятномъ видѣ слова тѣхъ, которые прежде уговаривали двухъ попавшихся въ плѣнъ императоровъ остаться въ Кай-фынъфу; за всѣмъ тѣмъ, послѣдствія оправдываютъ это бѣгство. Цзиньцы сожгли Янъчжоу; но вѣроятно, по случаю приближающагося лѣта, ихъ войска, боявшіяся жаровъ больше, чѣмъ китайской арміи, отступили къ сѣверу. Напрасно Гао-цзунъ соглашался предъ Цзиньцами снять съ себя императорскій титулъ, считаться ихъ вассаломъ, употреблять въ бумагахъ ихъ лѣтосчисленіе, Цзиньцы, неутомимо преслѣдовавшіе нѣкогда Киданей, оказались столь же неумолимыми и къ Сунскому двору, который и прежде и послѣ неоднократно отправлялъ къ Цзиньскому двору посланниковъ (Хунъ-хао, Цуй-

цзинъ) съ просьбой о мирѣ: все было тщетно. Цзиньцы, по взятіи Наньцзина, однимъ отрядомъ вошли въ Цзянъ-дунъ, а другимъ въ Цзянъ-си; Гаоцзунь убѣжалъ въ Юэчжоу, оттуда въ Миньчжоу, а наконецъ на островъ Динъ-хай (Чусанъ), когда цзиньскія войска вошли въ Чжэцзянъ, чрезъ проходъ Ду-сунъ-гуань, отдѣляющій эту провинцію отъ Цзянъ-су, и взяли Линь-ань-фу. Они гнались по слѣдамъ бѣжавшаго императора, взяли Юэчжоу и Миньчжоу; императоръ убѣжалъ въ Вэнъ-чжоу. Это былъ самый крайній предѣлъ вторженія Цзиньцевъ на югъ. Они такъ надѣялись на храбрость своихъ войскъ, что углубились въ страну, покоряя только главныя мѣста на своемъ пути, тогда какъ по обѣимъ сторонамъ много было еще мѣстъ, имъ не принадлежавшихъ; но они знали, что съ именемъ императора соединено для Китайцевъ многое, и если они успѣютъ его захватить, то другія мѣста сдадутся безъ сопротивленія. Въ тоже время цзиньскій генералъ Лоео взялъ важный городъ Шань-чжоу, ведущій въ Шэньси, и бросившись въ знаменитый проходъ Тунъгуань, открылъ дорогу въ Сы-чуань. Съ другой стороны, отрядъ войскъ, покорявшихъ Цзянъ-си, вошелъ въ Хунань и взялъ городъ Тань-чжоу. Изъ этого видно, что оставалось очень немного мѣстъ, куда не проникли Маньчжуры: всѣ четыре Сунскія столицы были въ ихъ рукахъ. Но Учжу поворотилъ свои войска изъ-за Цзяна; сунскій генералъ Шаньшичжунъ долго препятствовалъ ему переправиться, имѣя подъ рукой своей морскія суда, которыя, извѣстно, могутъ ходить по этой чудной рѣкѣ; но наконецъ Учжу переправился, воспользовавшись безвѣтріемъ, при которомъ морскія суда не могутъ двигаться, и сжегъ ихъ посредствомъ огненныхъ стрѣлъ. Однакожъ, одно это сопротивленіе отбило охоту переправляться впредь черезъ Цзянъ. Сунская династія могла выйти изъ нерѣшительнаго положенія, потому что видѣ-

ла, что условіемъ мира можетъ быть только ея паденіе. Но какъ скоро представился случай къ замиренію, она будучи уже такъ запугана, несмотря на успѣхи своихъ генераловъ и на большія пожертвованія, употребила всѣ усилія къ сближенію. Отступленіе чжурчженьскихъ войскъ изъза Цзяна сопровождалось также по двумъ дорогамъ: Учжу шелъ чрезъ Цзянъ-су; здѣсь ихъ встрѣтилъ Ю-фэй; отрядъ, бывшій въ Хунань, возвращался чрезъ Хугуанъ; онъ также потерпѣлъ пораженіе.

Еще прежде (1128 г.), когда цзиньскія войска покоряли себѣ провинцію Шаньдунъ, городъ Цзинань-фу былъ сданъ имъ тамошнимъ правителемъ Лю-юй'емъ, и они отдали ему за это въ управленіе всѣ земли на югъ отъ стараго русла рѣки Хуанъ-хэ. Когда (1130 г) войска ихъ возвратились съ юга, Чжаньмохэ и Дахай предложили сдѣлать Лю-юй'я императоромъ новой династіи Ци, съ тѣмъ, чтобы онъ относился къ цзиньскому императору, какъ сынъ, и употреблялъ чжурчженскій календарь. Въ слѣдующемъ году они уступили ему и провинцію Шэньси, такъ что теперь между Маньчжурами и Цзиньцами существовала новая монархія. Политика Цзиньскаго двора была очевидна: водворяя спокойствіе въ присоединенныхъ къ нимъ китайскихъ земляхъ, они хотѣли ослабить Китай междоусобной войной. Лю-юй, имѣя до 100 тысячъ своего войска, могъ еще занимать у Маньчжуровъ войска, которыя были поселены въ Хэнанѣ, Шаньдунѣ и Шэньси, и чрезъ это былъ всегда въ ихъ рукахъ. Поставилъ въ Су-чжоу особенный приказъ, которому поручено было принимать перебѣжчиковъ изъ Сунскихъ владѣній, онъ перенесъ вскорѣ столицу изъ Дайминъ-фу въ Бянь. Сначала онъ велъ войну съ Сунцами, съ перемѣннымъ счастіемъ; ему помогала больше измѣна; потомъ, рѣшившись произвести вторженіе на югъ, выпросилъ у Цзиньцевъ 50,000

войска, состоявшаго изъ Бохайцевъ и Китайцевъ. Но тогда и китайскій императоръ осмѣлился выступить лично впередъ, чтобы возбудить мужество въ своихъ войскахъ, хотя и держался далеко отъ непріятеля. Сунскій генералъ Ханьшичжунъ разбилъ цзиньскія войска около Яньчжоу; вслѣдъ за тѣмъ были и другіе успѣхи; но обратному уходу цзиньскихъ войскъ помогло то особенно обстоятельство, что въ это время Укимай сильно заболѣлъ и скоро скончался. Лю-юй попробовалъ было напасть на югъ съ одними собственными силами и, набравъ до 300,000 войска, отправилъ своихъ сыновей за рѣку чрезъ Хуай; они были разбиты, и такая неудача навлекла на него гнѣвъ цзиньскаго императора. Въ слѣдующемъ году, когда умеръ Чжаньмохэ, покровитель Лю-юй'я, Далай и Учжу, подъ предлогомъ вторженія на югъ, прибывъ въ Бянь, захватили Лю-юй'я съ сыновьями и низложили съ престола. Владѣнія его объявлены присоединенными къ Цзинь, и въ Бянь поставленъ былъ особый совѣтъ (синъ-тай шанъшу шэнь) или провинціальное управленіе; войска Лю-юй'я обращены къ земледѣлію, а самъ онъ отвезенъ въ Маньчжурію.

На западѣ Китая, у Цзиньцевъ, происходило сильное столкновеніе въ Шэньси. Эта провинція пожертвовала собой для защиты Сы-чуаня, которая, по своему плодородію и спокойствію, стоила половины всѣхъ прочихъ владѣній Сунскаго двора. Китайцы очень хорошо понимали значеніе Шэньси и то, что они будутъ здѣсь во флангѣ цзиньскихъ войскъ, слѣдовательно послѣдніе ни въ какомъ случаѣ не могутъ всей своей тяжестью устремиться на югъ, гдѣ былъ утвержденъ тронъ; потому самыя неудачи въ Шэньси, не будучи слишкомъ чувствительны, приносили нѣкоторую пользу. Здѣсь центромъ дѣйствій выбрана была Циньчжоу; а для совокупнаго дѣйствія съ юго-восточнымъ отрядомъ войскъ (на Хуай-дунъ) отдѣльная команда сосредоточена была въ У-чанъ-фу, въ Хубэй, передовые отряды ко-

тораго простирались до Сянъ-яна и Хань. Цзиньцы, кажется, поняли это обстоятельство; Учжу, по возвращеніи изъ-за Цзяна, устремился на Шэньси, разбилъ соединенное китайское войско у Фу-нинъ-сяня и завладѣлъ почти всей провинціей; но китайскіе генералы, которыми командовалъ Чжаньцзюнь, успѣли утвердиться въ проходахъ, ведущихъ въ Сы-чуань. Въ 1131 г. Учжу напалъ на проходъ Хошаньюань, но былъ разбитъ китайскимъ генераломъ У-цзѣ и братомъ его У-линемъ; когда же потомъ Цзиньцы взяли опять перевѣсъ въ 1134 г., тѣже генералы разбили Учжу въ проходѣ Сяньжэнь-гуань. Очевидно, что Цзиньцы не привыкли еще къ горной войнѣ, и это передало въ руки Китайцевъ Фыньсянъ-фу и Циньчжоу. Борьба прекращена была здѣсь перемиріемъ между двумя государствами Когда же оно было нарушено, то въ 1141 году цзиньскій генералъ Салиха взялъ снова Фыньсянъ и завладѣлъ всей восточной частью Шэньси; но вскорѣ У-линь разбилъ чжурчженскія войска при Фуфынѣ и потомъ при Лю-цзя-ванѣ; однакожъ начавшіеся въ это время мирные переговоры побудили дворъ предписать У-линю возвратиться съ войскомъ. Когда въ 1162 году снова началась война, У-линь выступилъ изъ Ханьчжуна, овладѣлъ Шаньчжоу и другими городами; но вскорѣ былъ разбитъ, и Сунскій дворъ потерялъ три дороги, которыя до того были у него въ Шэньси: Цинь-фынъ, Си-хэ и Юнъ-синъ. Но онъ заботился только о томъ, чтобъ оградить входъ въ Сы-чуань, что̀ и удалось.

Главнымъ достойнымъ соперникомъ Цзиньцевъ Китайцы почитаютъ Ю-фэй'я, который прежде еще отличился усмиреніемъ возмутившихся разбойниковъ. Въ 1136 г. ему поручено было расположиться съ войсками въ Сянъянѣ, для того, чтобъ оттуда дѣйствовать на владѣнія Цзиньцевъ, находящіяся на югъ отъ Хуанъ-хэ, на земли, которыя собственно и называются Срединной землей (Чжунъ-юань). Въ 1140 г.

онъ назначенъ главнымъ предводителемъ (чжао-тао-ши) всѣхъ войскъ, дѣйствующихъ на сѣверѣ, одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ Цзиньцами, взялъ города Инъчанъ-фу, Хуай-нинь-фу, Чжэнъ-чжоу, Чаочжоу, западную столицу (Си-цзинъ) и Хэнань-фу. Когда же удалось ему одержать побѣду надъ Учжу, который заперся въ Бянь, Сунская династія была готова возвратить все, нѣкогда отпятое у нея Цзиньцами; духъ возмущенія отразился и на сѣверѣ отъ Хуанъ-хэ, на югъ отъ Пекина. Никто не хотѣлъ повиноваться Цзиньцамъ; передававшихся Юйфей'ю было множество даже изъ цзиньскихъ генераловъ. Но въ это время Сунскій дворъ не желалъ ничего столько, какъ мира; онъ помнилъ, что прежде онъ напрасно напѣялся на войско и теперь спѣшилъ возвратить Юфей'я, чтобъ не раздражать Цзиньцевъ. Всѣ завоеванныя провинціи были снова потеряны, и самъ Юфей, въ послѣдствіи оклеветанный, былъ казненъ.

Около того же времени (1140) Цзиньцы потерпѣли сильное пораженіе при Шунь-чанѣ отъ китайскаго генерала Люци; отозваніе войскъ по случаю мирныхъ переговоровъ снова окрилило У-чжу, однакожъ Лю-ци вторично разбилъ его при Чжегао.

Не смотря на всѣ подобнаго рода успѣхи, Сунскій дворъ только и мечталъ о томъ, чтобы помириться съ Цзиньцами, хотя бы съ уступкой всѣхъ земель по рѣку Цзянъ. Гао-цзунъ, съ самаго вступленія на престолъ, посылалъ неоднократно къ нимъ пословъ подъ различными предлогами: то, чтобы навѣстить плѣнныхъ императоровъ; то, чтобъ вывезти ихъ гробъ; то, чтобы освободить изъ плѣна собственную родную мать, а главное, чтобъ удержаться на престолѣ. Эти посланники не только не успѣвали, но даже и не возвращались. Наконецъ за переговоры взялся Цинь-хуай, нѣкогда попавшійся въ плѣнъ вмѣстѣ съ дворомъ, но послѣ убѣжавшій въ Китай.

За одно усиліе его склонить императора къ миру, онъ сдѣлался ненавистнымъ въ глазахъ Китайцевъ; однакожъ какъ желалъ этого самъ императоръ, можно видѣть изъ того, что Цинь-хуай удержался посреди всѣхъ воплей воинственной партіи и занималъ первое мѣсто въ имперіи. Цзиньскій дворъ, по низведеніи съ престола Лю-юй'я, пришелъ къ мысли, что не лучше ли отдать его владѣнія или земли на югъ отъ Хуанъхэ Китайцамъ? И дѣйствительно, они отправили къ сунскому императору посломъ, «истолкователемъ императорской воли въ Цзянъ-нани» (Цзянъ-нань чжаоюй ши[75]), Чжаньтуна, съ предложеніемъ возвратить Шэньси и Хэнань и условиться послѣ на счетъ слѣдующаго вознагражденія. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ году У-чжу сдалъ посланному отъ двора всѣ обѣщанныя земли; однакожъ Цзиньскій дворъ скоро раскаялся въ своемъ великодушіи, и Учжу съ Салиха снова вступили въ оставленныя земли, которыя имъ нетрудно было занять. Однакожъ это не привело въ отчаяніе Цинь-хуай'я, и онъ упросилъ императора отнять у пограничныхъ генераловъ право распоряжаться движеніями войскъ. Наконецъ въ 1141 г. постановленъ былъ трактатъ, по которому р. Хуай назначена границей обѣихъ владѣній; на западъ отъ истоковъ р. Хуай пограничными землями со стороны Цзиньцевъ были округи Танъ-чжоу и Дэнъ-чжоу, а въ Шэньси Да-сань-гуань, такъ что въ послѣдней провинціи оставалось у Сунцевъ только четыре округа. Си-чжоу, Хо-чжоу, Чэнъ и Фынь, или только южная часть нынѣшней провинціи Ганьсу. Сверхъ-того Сунцы обѣщались ежегодно платить 250,000 ланъ серебра и столько же кусковъ шелковыхъ матерій, которыя должны были быть доставляемы весной въ Сы-чжоу; императоръ Сунскій въ бумагахъ своихъ обязанъ называть себя предъ цзиньскимъ

[75] Сунскія владѣнія названы Цзянъ-нань.

императоромъ подданнымъ и по имени, посылать съ поздравленіями ко дню рожденія и къ новому году[76] Этотъ трактатъ объявленъ былъ при жертвоприношеніи небу и землѣ во храмахъ предковъ и державы, что̀ соотвѣтствуетъ нашей клятвѣ. Въ слѣдующемъ году Цзиньцы прислали съ шапкой, платьемъ и грамотой, т. е. инвеституроӥ на званіе великаго Сунскаго государя. Въ-слѣдъ за тѣмъ открыты были въ пограничныхъ городахъ рынки для взаимной торговли. Цзиньцы возвратили гроба умершихъ императоровъ и императрицъ, и отпустили живыхъ родственниковъ.

Эта эпоха составляетъ апогей Цзиньскаго владычества; болѣе они не расширяли своихъ владѣній почти ни съ которой стороны; но довольно и того, что̀ имъ досталось. Въ подражаніе Киданямъ, основали они также пять столицъ или дорогъ: верхнюю — Хой-нинъ-фу, восточную Ляо-янъ, среднюю Дадинъфу, западную Дай-тунъ-фу, южную Да-синъ-фу (Пекинъ). Въ послѣдствіи южная столица переименованиа была въ среднюю, а южною сдѣланъ Бянь. Сверхъ этихъ пяти столицъ, прочія владѣнія раздѣлены были на 14 дорогъ. Во всей имперіи считалось 36 чженей (цзѣ чжень), 22 военныхъ надзорныхъ округа, 72 области, управляемыхъ цы-ши, 16 армій (цзюнь, «военныхъ поселеній») и 632 уѣзда.

Мы не можемъ пропустить темнаго разсказа о враждѣ Цзиньцевъ съ Монголами или Мэнъ-гу, Мэнъ-ву, но не тѣми, которыя являются подъ владычествомъ Чингисхана. Оффиціальная Цзиньская исторія не упоминаетъ ни слова объ этомъ

---

[76] Эти поздравленія производились вдругъ заразъ только двумя отдѣльными посланниками и состояли въ золотыхъ чайныхъ приборахъ вѣсомъ въ 1000 ланъ и другихъ серебряныхъ вещахъ, въ 10,000 ланъ вѣсомъ и въ 1000 кускахъ шелковыхъ матерій. Цзиньцы съ своей стороны также посылали посланцевъ съ поздравленіемъ (*нинь*, а не *хэ*), съ новымъ годомъ, при чемъ давали 6 золотыхъ чайныхъ сосудовъ, 300 кусковъ матерій и 6 лошадей.

происшествіи; но мы думаемъ, что монгольскій или Юаньскій министръ Тото, составлявшій эту исторію, съ намѣреніемъ опустилъ это происшествіе. «Тунъ-цзянь Ганъ-му», на основаніи «Да-цзинь-гочжи», упоминаетъ объ этомъ слѣдующее: Минъ-гу, извѣстные при Танской династіи подъ именемъ Мэнъ-у или Мэнъ-гу-сы, жили на сѣверъ отъ Нючженей; они были отважны и искусны въ сраженіи, дѣлали латы изъ рыбьихъ шкуръ, которыхъ не пробивали стрѣлы. Чжурчжени сначала занимали войско у Мэнъ-гу; но когда основали государство, то не хотѣли выполнить обѣщанія, отъ чего и началась между ними вражда. Въ 1136 году цзиньскій императоръ послалъ противъ нихъ темника Хушаху; но спустя долгое время онъ долженъ былъ воротиться за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, и Мэнгу, погнавшись за нимъ, разбили его около Кайлина (1139 г.). Въ это же время въ Цзиньской династіи, подъ предлогомъ заговора, убиты были знатные вельможи и между прочими генералъ Далай. Одинъ изъ сыновей его, взбунтовавшись съ подвластными своего отца, вступилъ въ сношенія съ Мэнгу, которые отъ того сдѣлались еще сильнѣе. Учжу нѣсколько лѣтъ воевалъ съ ними, но не могъ побѣдить, и наконецъ въ 1147 г. заключенъ былъ съ ними миръ, по которому границей признана р. Си-пинъ-хэ, подъ которой хотя и разумѣютъ Китайцы Кэрулэнь, но здѣсь могло разумѣться и дальнѣйшее теченіе его, извѣстное у насъ подъ именемъ Амура. 27 остроговъ, лежавшихъ на сѣверъ отъ этой рѣки, были уступлены Мэнгу; сверхъ того Нючжени обязались ежегодно выдавать имъ положенное количество коровъ, барановъ и хлѣба. Цзиньскій императоръ пожаловалъ ихъ начальника титломъ Ао-ло Боцзилэ (Ао-ло сходно съ татарскимъ словомъ *улуг* «великій»); но онъ не принялъ этого, самъ величалъ свое владѣніе именемъ Великаго Монгускаго царства, и потомъ принялъ титло Цзу-юань Хуанди и далъ своимъ годамъ

названіе правленія Тянь-синъ. Болѣе мы не находимъ почти никакого извѣстія объ этомъ обстоятельствѣ. Но «Да-цзинь-го-чжи» утвердительно говоритъ, что народъ Мэнъву жили на сѣверо-востокъ отъ Чжурчженей, и что это совсѣмъ не тотъ, который сдѣлался послѣ извѣстенъ подъ именемъ Монголовъ, которые жили на сѣверо-западъ. Такимъ образомъ, народъ Мэньву былъ тоже маньчжурскій; онъ обиталъ на устьѣ Амура, гдѣ мы и нынѣ находимъ племя Мангуны, сколько извѣстно изъ разсказовъ путешественниковъ, говорящее маньчжурскимъ языкомъ и также независимое и при нынѣшней династіи. Слово *Мэнгу* означаетъ на ихъ языкѣ рѣку, слѣдовательно оно однородно съ настоящимъ маньчжурскимъ словомъ *Мукэ*, которымъ, какъ мы видимъ, въ древности назывались и всѣ обитатели сѣверной Маньчжуріи. Между-тѣмъ, первый изъ китайскихъ путешественниковъ пишетъ о происхожденіи названія Монголовъ при Чингисханѣ слѣдующее. «Названіе Монголовъ неизвѣстно самимъ имъ; говорятъ, что прежде былъ народъ Мэнгу, который былъ страшенъ Чжурчженямъ, и старшина которыхъ провозгласилъ себя императоромъ. Послѣ (объ этомъ мы не находимъ и слѣдовъ въ исторіи) онъ былъ истребленъ (т. е подавленъ); однакожъ, когда Чингисханъ основывалъ имперію, перебѣжавшіе къ нему Цзиньскіе подданные научили его принять названіе этого народа, чтобы навести страхъ на Цзиньцевъ »

Мы пробѣжали въ краткомъ очеркѣ главный моментъ возвышенія Цзиньскаго царства. Достигнувъ самой большей степени своего могущества, оно удержало его за собой не болѣе 60 лѣтъ, и съ этого времени шло быстро къ своему паденію, причины котораго были почти тѣже самыя, что и для Киданьской династіи. Тайцзу Агуда привлекъ къ себѣ народы чжурчженьскіе, находившіеся подъ вѣдомствомъ Ляо, какъ ихъ соотечественникъ; исторія показываетъ, что въ слѣдъ за

успѣхами его оружія, къ нему постоянно переходили изъ киланьскаго владычества отдѣльныя толпы, которыя принимали старинное устройство Маньчжуровъ, т. е. превращались въ роды, называемые Мукунь; въ военномъ отношеніи они раздѣлялись на тысячи и десятки тысячъ.

Мы видѣли выше, что еще до Агуды власть переходила отъ старшаго брата къ младшему и послѣ обращалась къ дѣтямъ старшаго. Это удержалось и по основаніи монархіи и было поводомъ къ послѣдующимъ событіямъ. По смерти Агуды вступаетъ на престолъ братъ его Укимай, извѣстный подъ именемъ Таи-цзуна (1123—1135). По смерти его престолъ перешелъ къ внуку Агуды (или сыну Шэнъ-го, втораго сына Агуды, потому что Укимай сдѣлалъ его амбань-бэйлэ), извѣстному подъ именемъ Си-цзуна[77]. Дигунай[78], другой внукъ Агуды, былъ этимъ недоволенъ, и когда онъ возвысился до званія *визиря* (чэнъ-сянъ), то составилъ партію, и вошедши съ приверженцами во дворецъ, умертвилъ Си-цзуна и провозгласилъ себя императоромъ, въ 1149 г. Онъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Хай-линъ-вана, т. е. по смерти его съ него сняли титулъ императора. Дигунай ознаменовалъ свое царствованіе жестокостями, перебилъ множество принцевъ крови, такъ что потомство Укимая и Чжаньмохэ совсѣмъ пресѣклось; родъ полководца Салиха также прекратился. Въ послѣдствіи онъ убилъ даже свою мачиху, которую сначала пожаловалъ титломъ Таи-хоу, а наконецъ истребилъ и потом-

---

[77] Это послѣдованіе принятымъ обычаямъ, нашло уже прежде недовольныхъ, потому что Билаху, старшій сынъ Укимая, задумалъ взбунтоваться и увлекъ за собой знаменитаго генерала (болго) Далан'я, оба они были казнены

[78] По общему обычаю, заимствованному вѣроятно отъ Киданей, чжурчженьскіе государи, равно какъ многія другія лица, тогда носили два имени, одно туземное или маньчжурское, другое китайское, такъ напримѣръ имя Дигуная было—Лянь, имя Си-цзуна—Тань, и т. д

ковъ Киданьскаго и Сунскаго дома. Къ жестокостямъ онъ присоединилъ и развратъ: ввелъ въ свой дворецъ множество женъ другихъ принцевъ, не смотря на то, что мужья ихъ были живы; а это въ Китаѣ почитается верхомъ позора. Наконецъ Хай-линъ-ванъ предпринялъ намѣреніе завоевать весь Китай. Съ этою цѣлью, а можетъ быть столько же и потому, что не считалъ себя въ безопасности на родинѣ, онъ перенесъ столицу изъ Шанъ-цзина, низведеннаго теперь на степень простаго департамента (Хой-нинъ-фу), въ Пекинъ, переименовавъ его въ Среднюю столицу (1153 г.). Тогда же и прежняя Сунская столица, или бянь, была переименована въ Южную; вскорѣ онъ велѣлъ въ ней отстраивать дворцы и потомъ переселился въ ней, чтобы еще ближе быть къ центру предполагаемыхъ дѣйствій, которыя и открылъ въ томъ же году (1161). Приготовленія его къ этому походу были сдѣланы въ огромныхъ размѣрахъ: онъ приказалъ построить военныя суда, набралъ всѣхъ способныхъ къ оружію людей (240,000) изъ Китайцевъ, Маньчжуровъ, а равно изъ Киданей и Си; велѣлъ во всѣхъ провинціяхъ приготовлять оружіе, а готовое уже перевезти въ Пекинъ; вытребовалъ также почти всѣхъ лошадей изъ имперіи (!). Война началась подъ тѣмъ предлогомъ, что Сунцы не выдавали часто перебѣжчиковъ и что они дѣлаютъ на границахъ приготовленія: обвиненія впрочемъ довольно справедливыя, потому что Китайцы, въ мирное время, особенно любятъ храбриться и презирать непріятеля. Впрочемъ, можетъ быть, китайская исторія постаралась нарочно преувеличить приготовленія Хай-линъ-вана, чтобы похвалиться его неудачей. Мы видимъ, что самая война открылась завладѣніемъ со стороны Сунцевъ города Хой-чжоу, лежавшаго на сѣверъ отъ Хуай (нынѣ отъ Хуанъ-хэ). Тогда Хай-линъ-ванъ вступилъ въ Китай со всѣхъ сторонъ. Войско его было раздѣлено на 32 отряда; въ тоже

время корабли отправились моремъ въ Линь-ань-фу; все войско простиралось до 600,000, но по обыкновенію разглашалось, что идетъ милліонъ Вторженія на югъ сѣверныхъ владѣній рѣдко были удачны. Мы видимъ, что такая же страшная армія дома Яо-цинь была нѣкогда собрана для завоеванія южнаго Китая и дѣло кончилось паденіемъ самой династіи. Изъ народовъ Средней Азіи, Чжурчжени первые перешли чрезъ великій Цзянъ; но только послѣ ихъ Монголы и въ новѣйшее время нынѣшняя династія утвердили тамъ свое владычество посредствомъ оружія. Сунскій императоръ объявилъ, что онъ самъ выступитъ въ походъ и призвалъ Чжань-Цзюня, отличившагося въ прежней войнѣ, и который былъ въ немилости, потому что толковалъ о приготовленіяхъ въ мирное время. Все это не помѣшало Хай-линъ-вану взять Янъчжоу и дойти до береговъ Цзяна, какъ вдругъ въ это время до него дошло извѣстіе, что въ Восточной столицѣ (Ляоянѣ), Улу, другой внукъ Тайцзу, провозгласилъ себя императоромъ, и къ нему пристало до 20,000 войска, бѣжавшаго изъ похода на югъ Скорѣе это, а не приписываемые Сунцамъ успѣхи, заставило его пуститься въ обратный путь. Но когда онъ прибылъ въ Гуа-чжоу, въ самомъ лагерѣ открылось возмущеніе и онъ былъ убитъ; въ слѣдствіе этого и всѣ другіе отряды воротились обратно. Улу (китайское имя Юнъ) или Ши-цзунъ (1161—1189), узнавъ о смерти Дигуная, прискакалъ въ Пекинъ и, приказавъ распустить войска, хотѣлъ этимъ покончить съ Сунцами; но послѣдніе не хотѣли уже оставаться на бумагѣ подданными Цзиньцевъ: по крайней мѣрѣ, такъ хотѣлъ новый императоръ, которому Гао-цзунъ (1162) передалъ престолъ, можетъ быть, не желая самъ участвовать въ войнѣ. Цзиньцы по-неволѣ должны были продолжать войну; но Ши-цзунъ приказалъ вести только оборонительную, и мира не было до 1165 г. До этого времени успѣ-

ховъ не было ни съ одной стороны значительныхъ; но когда Цзиньское войско, выведенное изъ терпѣнія, перешло въ наступательное движеніе и одержало нѣсколько побѣдъ, Сунскій императоръ тотчасъ же отправилъ посланника для заключенія мира Сунцы возвратили занятыя ими у Цзиньцевъ земли; но за то ихъ императоръ величалъ себя въ бумагахъ уже племянникомъ, и сверхъ того, ежегодные подарки были сокращены до 200,000.

Мы должны пропустить ровно сорокъ лѣтъ для того, чтобы покончить столкновеніе Сунской династіи съ Цзиньскою. Послѣдняя, въ это время, подвергалась уже нападенію со стороны Монголовъ, и китайскіе перебѣжчики изъ страны между Хуанъ-хэ и Хуай дали знать на югъ, что ихъ династія клонится къ упадку и что Сѣверный Китай готовъ присоединиться къ единоплеменнымъ государямъ. Сунскій дворъ очень хорошо помнилъ прежнія обиды, и теперь все благопріятствовало ему по-видимому отмстить за нихъ. Въ то время Сунскими дѣлами управлялъ Ханьчжоу. Предвѣстіемъ будущей войны было уже то, что онъ, для возбужденія воинственнаго духа, предложилъ почтить погибшаго невинно Ю-фей'я посмертнымъ титломъ, и разжаловать Цинь-хуай'я, заключившаго миръ. Наконецъ, въ 1206 г., когда Чингисханъ провозгласилъ себя императоромъ на берегахъ Онона, китайскія войска напали на пограничныя Цзиньскія владѣнія, но почти вездѣ были отбиты Долго Цзиньскій дворъ не вѣрилъ, чтобы Китайцы нарушили договоръ; но когда дѣло подтвердило это вѣроломство, они вторгнулись въ Китай по девяти дорогамъ, подъ главнымъ предводительствомъ Пусанькуй'я, и прежніе храбрецы были разсѣяны; воинственный жаръ тотчасъ простылъ, и Китайцы поспѣшили отправить посланника просить мира. Но Цзиньцы требовали уступки земель, увеличенія дани, перемѣны титула племянника на званіе подданнаго, и наконецъ главное — вы-

дачи головъ зачинщиковъ войны. Наконецъ все осталось попрежнему: и земли, и отношенія; но дворъ заплатилъ временно значительную сумму, увеличилъ подать (до 300,000 ланъ), чтожъ касается до головъ, то не смотря на то, что онъ очень хорошо понималъ верхъ униженія въ этомъ поступкѣ, головы главныхъ виновниковъ Ханьшичжоу и Сужитаня явились у ногъ Цзиньцевъ. Какъ твердъ былъ этотъ тронъ въ сравненіи съ югомъ Китая, и какъ слабъ оказался онъ въ отношеніи къ номадамъ сѣвера!

Кромѣ этихъ столкновеній съ Сунской династіей, Цзиньское царство было довольно спокойно внутри своихъ владѣній. Послѣ переворота, происшедшаго по случаю смерти Хай-линъ-вана, до 1208 г., на Цзиньскомъ тронѣ возсѣдаютъ два государя: Ши-цзунъ (Улу, китайское имя Юнъ, годы правленія· Дадинъ, 1161—1189) и внукъ его Чжанъ-цзунъ (китайское имя Цзинъ, 1190—1208). Ши-цзунъ старался поддержать въ Маньчжурахъ природный духъ. Онъ запретилъ имъ носить китайскія фамиліи, велѣлъ перевести на маньчжурскій языкъ классическія и историческія книги[79], хотѣлъ даже преобразовать обычаи и запретилъ чиновникамъ принимать подарки въ день рожденія. Но все это было уже поздно: продолжительный миръ далъ просторъ вліянію китайскаго духа, который, укрощая дикіе нравы, развивая въ нихъ потребности образованія, вмѣстѣ съ тѣмъ, по общему закону для всѣхъ царствъ востока, пріучаетъ къ изнѣженно-

---

[79] Природный языкъ Маньчжуровъ въ то время былъ уже въ упадкѣ. Шицзунъ, прибывши въ 1184 г. въ Шанъ-цзинъ, поетъ, при угощеніи князей своего дома, какъ рѣдкость, маньчжурскія пѣсни. Онъ укоряетъ ихъ за расточительность. Въ 1187 г. онъ запретилъ Маньчжурамъ носить китайское платье Еще при Агудѣ, въ 1119 г., для маньчжурскаго языка изобрѣтены письмена, составленныя изъ измѣненныхъ китайскихъ іероглифовъ, а въ 1128 г уже сочинена была «Чжурчженьская исторія», т е записаны преданія о дѣяніяхъ предковъ Агуды.

сти и той беззаботности, которая не идетъ далѣе выполненія предписанныхъ формъ, оставляя назади всякую предусмотрительность.

Чжурчженьское царство могло считать себя обезопасеннымъ со всѣхъ сторонъ. Удары, постоянно наносимые имъ Сунскому дому, доказывали, что югъ не только не страшенъ, но и существуетъ только по милости побѣдителей. Царство Ся, окруженное съ трехъ сторонъ его владѣніями[80], признавало себя его вассаломъ. Въ такихъ же отношеніяхъ находилась на юго-востокѣ и Корея, съ которой происходили небольшія столкновенія только въ началѣ царствованія. Въ 1126 г. она признала себя вассальной. Чжурчжени выказали даже великодушіе къ обоимъ этимъ царствамъ. Когда въ царствѣ Ся, сильный министръ Жень-дэ-цзинъ заставилъ своего государя Жень-сяо отдѣлить ему часть своихъ владѣній съ тѣмъ, чтобы основать отдѣльное царство, Ши-цзунъ не согласился на это (1170 г.). Вскорѣ послѣ этого (1175 г.) корейскій генералъ Чао-вэй-чунъ, взбунтовавшись противъ своего государя, передался Цзиньцамъ съ 40 корейскими городами; но Ши-цзунъ также не принялъ.

Царство Ся, извѣстное у Монголовъ (а чрезъ нихъ и у восточныхъ писателей) подъ именемъ Тангута (отъ тибетскаго племени Танъ-сянъ), а у Тибетцевъ Минякъ, составляетъ замѣчательное явленіе въ исторіи. Занимая незначительную часть земли въ Китаѣ, оно умѣло сохранить внутреннюю свою независимость, находясь на границахъ такихъ великихъ державъ, каковы Цзиньская и Сунская, и только одинъ мечъ Чингисхана могъ положить ей конецъ. Впрочемъ, мы знаемъ

[80] Именно съ востока, юга и юго-запада. Земли къ сѣверу отъ Ся не были, кажется, въ непосредственной зависимости отъ Цзиньцевъ, что̀ видно изъ того, что Чингисханъ напалъ на нихъ прямо изъ Монголіи, еще не задѣвая Цзиньскихъ владѣній.

одну сторону исторіи этого государства, именно сношенія его только съ Сунской и Цзиньской династіей; между тѣмъ, если бы мы имѣли полную исторію этого царства, составленную на основаніи туземныхъ источниковъ, которые были несомнѣнно, потому что здѣсь была и собственная и китайская письменность, то не были бы въ недоумѣніи насчетъ исторіи западной Монголіи, которую заслонило собой отъ Китая это царство. Мы говорили уже, что эта исторія дѣлается для насъ съ X-го по XIII-е столѣтіе гораздо неизвѣстнѣе, чѣмъ до этого времени съ двухъ столѣтій до Р. Х. Можно предположить, что границы царства Ся, во время его полной силы, простирались далеко на сѣверо-западъ отъ Хуанъ-хэ; и откуда бы иначе могли они брать многочисленныя войска, которыя китайская исторія часто возвышаетъ до 500,000? Въ такомъ пробѣлѣ мы, конечно, должны обвинять Монголовъ, которые, передавъ намъ со всей тщательностью исторію династій Сунъ, Ляо и особенно Цзинь, не позаботились о томъ же для Тангутскаго царства; и это, очевидно, произошло не отъ недостатка матеріяловъ, не отъ непониманія важности; но отъ умышленнаго желанія скрыть начало собственной своей исторіи, которая зародилась именно въ тѣхъ странахъ, которыя были въ необходимой связи съ царствомъ Ся Что Монголы были ближе къ Тангуту, чѣмъ къ прочимъ частямъ Китая, это видно уже изъ того, что западная Монголія была первымъ поприщемъ успѣховъ Чингисхана; царство Тангутское подверглось его нападенію прежде, нежели Цзиньское, потому что лежало на дорогѣ къ Китаю. И такъ, если мы видимъ въ исторіи династіи Цзинь, сочиненной Монголами, умышленное умолчаніе о всѣхъ сношеніяхъ, которыя были у этой державы съ родиной Чингисхана, то тѣмъ болѣе умысла должны видѣть и въ пренебреженіи исторіи царства Ся.

Образованіе этого царства произошло слѣдующимъ обра-

зомъ[81]. При Танской династіи нынѣшняя провинція Ганьсу почти вся была занята тибетскими племенами, которыя повиновались власти, исходящей изъ Хлассы; но это не значило однакожъ, чтобъ они вышли изъ внутренности Тибета; напротивъ, они всегда находились подлѣ сказанныхъ предѣловъ и прежде представляли (подъ именемъ Цяновъ) большія затрудненія для Китая и даже, соединясь въ одно, составляли грозныя царства (династія Яо-цинь). Но при династіи Танъ царь внутренняго Тибета, Сронъ-цзанъ-Гамбо, и его преемники, соединивъ въ одно всѣ тибетскія племена, распространили свое могущество и внѣ. Даже по однимъ китайскимъ источникамъ видно, что они подвергли своимъ нападеніямъ Индію на югѣ; на западѣ завоевали Болорское царство, и оттуда, а равно и чрезъ Хотянь, проникли въ Восточный Туркестанъ и, отторгнувъ его отъ китайскаго вліянія, пришли въ столкновеніе съ Дукюэсцами, обитателями Алтая, Цзюнгаріи и Киргизскихъ степей. Далѣе на сѣверо-востокъ, они вошли въ столкновеніе съ Хойхорцами или, лучше, Уйгурами, южныя племена которыхъ были также ими покорены. Нечего и говорить о томъ, что царство Тогоновъ, лежавшее въ нынѣшнемъ Кукэнорѣ, а равно и полу-китайскія земли, лежащія между Дунъ-хуаномъ и Лянъ-чжоу, были также въ ихъ владѣніи, потому что мы видимъ, что тибетское могущество простерлось наконецъ до нынѣшняго Ордоса, а войска его не разъ опустошали всю провинцію Шэньси и даже завладѣли на нѣкоторое время Чанъанемъ или Си-ань-фу. Въ продолжительной борьбѣ съ Китаемъ, Тибетъ не высылалъ собственныхъ войскъ: онъ находилъ ихъ достаточно въ пограничныхъ тибетскихъ племенахъ въ соединеніи съ другими инородцами (Тогоньцы, Шатосцы, Хойхоры) и наконецъ съ Китайцами изъ

[81] Мы руководимся здѣсь «Исторіей Тибета и Хухэнора», О. Іакинва

числа жившихъ въ завоеванныхъ земляхъ, или захваченныхъ въ плѣнъ. Въ числѣ покоренныхъ (въ Ганьсу) тибетскихъ племенъ находилось и племя Тансянъ, раздѣлявшееся на нѣсколько поколѣній, между которыми замѣчательнѣйшія были: Си-фынъ, Лайцинь, Фэй-этинъ, Ванъ-ли, Почосо, Ѣцы, Фандань и Тоба[82]. Когда Тибетцы начали усиливаться, то поколѣніе Тоба, не желая покоряться, просило китайское правительство перевести ихъ во внутренность своей страны, и дворъ перевелъ ихъ въ окрестности Цинъ-чжоу (Цинъянъ-фу). Это было въ 660 году; вслѣдъ за тѣмъ и другіе сѣверо-восточные роды передались Китаю (692 г.). Около 757 г. находимъ Дансянскія поколѣнія (между ними послѣ являются и Тогоньскія) разсѣянно живущими, подъ властію Китая, въ нынѣшнемъ южномъ Ордосѣ, около озера Хуамачи; они нерѣдко служатъ Тибетцамъ проводниками къ нападенію на Китай, который, сверхъ того, грабили и сами, или соединяясь съ китайскими бунтовщиками, особливо съ Пугухуай-энь. Во всякомъ случаѣ Китай успѣлъ сохранить надъ ними вліяніе, хотя они и распространились по всему Ордосу. Но когда владычество Танскаго дома стало клониться къ упадку, то провинціяльные губернаторы и военачальники не хотѣли признавать власти императора, и Тоба Сы-гуанъ, главный старѣйшина тибетскихъ поколѣній, жившихъ въ Китаѣ, вздумалъ подражать другимъ: онъ занялъ область Ся-чжоу (въ Ордосѣ) и объявилъ себя правителемъ ея. Когда же онъ показалъ свое усердіе къ престолу во время бунта Хуанъчао, то дворъ въ награду призналъ его въ этомъ достоинствѣ, въ качествѣ тангутскаго князя и военнаго губернатора (882). Это званіе, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сдѣлалось наслѣдственнымъ въ его семействѣ, и мы видимъ его наслѣд-

[82] «Исторія Тибета и Хухунора», О. Іакинѳа. I, 238

никовъ княжащихъ во всемъ нынѣшнемъ Ордосѣ, который тогда состоялъ изъ пяти областей: Линъ-чжоу[83], Ся-чжоу[84], Суй-чжоу[85], Инь-чжоу и Ю-чжоу[86]. По паденіи династіи Танъ, преемники Тоба Сы-гуана признавали, разумѣется, номинальную власть тогдашнихъ китайскихъ династій; но когда въ 933 году дворъ (династія Хоу-танъ) попробовалъ уничтожить наслѣдственность правителей и перевелъ было Тоба-И-чао правителемъ въ другое мѣсто, а въ сказанныя мѣста послалъ своего правителя, то Тоба-И-чао преспокойно отказался отъ этого подъ предлогомъ, что его не пускаютъ войска и народъ. Дворъ долженъ былъ согласиться, и потомки Тоба тѣмъ болѣе потеряли уваженіе къ двору. Когда въ 962 году, въ то время какъ царствовала въ Китаѣ уже династія Сунъ, умеръ Ся-чжоу'скій намѣстникъ Тоба-И-синъ, то дворъ почтилъ его посмертнымъ титуломъ и званіемъ тангутскаго короля, и это уполномочило его наслѣдниковъ и даже китайскихъ историковъ считать съ этого времени самостоятельность Ся. Наконецъ, когда Сунскій дворъ усилился до такой степени, что покорилъ весь Китай, дотолѣ разрозненный (978 г.), то онъ конечно не могъ допустить такого самовольства во владѣніяхъ, которыя признавали его власть. Со времени Тобы Сы-гуана ни одинъ главный старѣйшина не пріѣзжалъ лично ко двору, и Тоба-Цзинь-банъ, тогдашній намѣстникъ, въ 982 году первый явился въ столицу въ сопровожденіи своихъ родичей, и конечно понявъ желанія императора, предлагалъ присоединить его владѣнія къ имперіи, князей оставить жить въ столицѣ, а въ области (ихъ тогда показывается четыре) поставить правителя отъ двора, какимъ,

---

[83] Въ Нинъ-ся, въ 90 ли на юго-востокъ.
[84] Нинъ-ся.
[85] Суй-дэ-чжоу.
[86] Въ 650 ли на сѣверо-востокъ отъ Линъ-чжоу

разумѣется, былъ утвержденъ самъ Тоба-Цзи-банъ. Однакожъ, въ то время, какъ онъ хотѣлъ утвердить этимъ свое владычество, передавая въ руки Китая прочихъ князей, родственникъ его Тоба-Цзи-цянь бѣжалъ въ степь и началъ безпокоить границы Китая. Тангутскіе роды выказали къ нему свою привязанность, а Киданьскій домъ, чтобъ не дать Китаю усилиться съ этой стороны, поспѣшилъ утвердить его въ званіи тангутскаго вана (986 г.) надъ помянутыми пятью областями, выдалъ за него царевну. Теперь становится понятно, почему передался Китаю и самъ Тоба-Цзи-банъ: онъ встрѣтилъ въ Тоба-Цзи-цянѣ опаснаго соперника, отъ котораго хотѣлъ освободиться съ помощію Сунскаго двора. Между двумя претендентами началась вражда, въ которой, какъ видно, Тоба-Цзи-банъ долженъ былъ уступить, хотя за это, какъ измѣнникъ, и призванъ къ Сунскому двору, гдѣ его однакожъ простили. Напрасно китайскій дворъ предписывалъ пограничнымъ правителямъ и генераламъ принять всѣ мѣры, чтобъ подавить непокорнаго бунтовщика: оружіе ни къ чему не повело Наконецъ, когда въ 998 году Тоба-Цзи-цянь предложилъ признать его вассаломъ, Китай долженъ былъ уступить ему пять областей (Линъ-чжоу осталась за Китаемъ, а пятая область была Цзинъ-чжоу, лежащая на востокъ отъ Линь-чжоу; на этихъ мѣстахъ жили также тибетскіе роды) Это показываетъ, что владѣнія новаго королевства уже съ перваго раза выходили изъ предѣловъ собственнаго Ордоса. Признать себя вассаломъ, въ Китаѣ значило только опредѣлить степень дипломатическихъ отношеній Китайскій дворъ могъ почитать свою честь незапятнанною, когда въ бумагахъ независимый владѣтель или отложившійся правитель называлъ себя передъ нимъ этимъ именемъ; онъ могъ считать это даже побѣдой, не смотря на слабость всѣхъ своихъ войскъ. Вассалъ же почиталъ себя обязаннымъ отправлять къ извѣстному

времени ко двору доклады, посланные по опредѣленной формѣ и сопровождаемые подарками, на которые дворъ отплачивалъ щедро; но это не мѣшало въ тоже время производить набѣги на владѣнія верховнаго владыки, который смотрѣлъ на то сквозь пальцы, или тоже посылалъ свои войска. Это видимъ мы и въ отношеніяхъ царства Ся къ китайскому двору. Такъ въ 1002 году Тоба-Цзи-цянь отнялъ у Китайцевъ послѣднее мѣсто, остававшееся у нихъ въ Ордосѣ, т. е. Линъ-чжоу и основалъ въ ней свою столицу. Болѣе опасными врагами его являлись его единородцы Тибетцы, оставшіеся въ Ганьсу и послѣ паденія Тибетской монархіи бывшіе независимыми. Они вступили въ союзъ съ Китайцами противъ Тоба-Цзи-цяня, который хотѣлъ ихъ покорить, вторгнулся въ ихъ земли, но былъ разбитъ ихъ старшиной Пань-ло-чжи и вскорѣ умеръ. Его мѣсто заступилъ сынъ его Тоба-Дэ-минъ, который соблюлъ въ отношеніи къ китайскому двору обязанности вассала, т. е. посылалъ посольства, что̀ не помѣшало ему овладѣть Хуай-юань-сянемъ, нынѣшнимъ Нинъ-ся, въ которомъ онъ основалъ другую столицу подъ именемъ Синъ-чжоу До того времени владѣніе, основанное Тоба-Цзи-цянемъ, встрѣчало преграду и со стороны запада, въ китайскихъ городахъ; со взятіемъ Нинъ-ся рушилась препона, и вслѣдъ за тѣмъ царство Ся распространяется далѣе на западъ Въ 1028 г. Ганьчжоу, принадлежавшая Уйгурамъ, была у нихъ отнята, а черезъ два года мы видимъ владѣтеля Гуа-чжоу также покорнымъ. По смерти Тоба-Дэ-минъ наслѣдуетъ Тоба-Юань-хао (1033 г.), который является преобразователемъ своего государства. онъ издаетъ уложеніе для своего царства, заводитъ судебныя мѣста, учреждаетъ училища, какъ тангутское, такъ и китайское[87]. Хотя онъ и не имѣлъ успѣха въ совер-

[87] Ему приписываютъ изобрѣтеніе тангутскаго письма; но такъ какъ оно было уже изобрѣтено прежде, то очевидно, что здѣсь надобно разумѣть, что

шеніемъ покоренія Тибетцевъ въ нижней части Гань-су, у которыхъ является теперь собственный владѣтель Госыло, т е. Го-срай; но тѣмъ не менѣе сѣверная часть Гань-су дѣлается его добычей онъ овладѣлъ Гуа-чжоу, Ша-чжоу, Су-чжоу, Лань-чжоу, Лянь-чжоу и прочими мѣстами почти до Ди-дао-чжоу (до горы Ми-сянь-шань); у него считалось во владѣніи всего 18 областей Наконецъ въ 1039 г. Юань-хао принялъ императорскій титулъ и далъ своему царству названіе *Ся*. Въ бумагѣ, посланной имъ по этому случаю къ Сунскому двору[88], онъ называетъ себя, между прочимъ, владѣтелемъ Таташи, Чжанъ-ѣ и Цзяо-хэ[89]. Принятіе императорскаго титула равнялось объявленію войны Китаю, и она дѣйствительно началась. Хотя Юань-хао разбивалъ неоднократно китайскія войска и самъ вторгался въ китайскія земли, за всѣмъ тѣмъ дворъ рѣшился помириться съ нимъ не иначе, какъ на условіи, чтобы онъ снялъ съ себя высокій титулъ Это значило, что отнынѣ тангутскій государь будетъ называться въ своей землѣ по-прежнему императоромъ, будетъ имѣть всѣ принадлежности этого званія и храмъ предковъ и храмъ династіи (шэцзи) и будетъ приносить жертвы небу и землѣ, но въ бумагахъ къ Сунскому двору будетъ именоваться только ваномъ и вассаломъ; за то китайскій дворъ обязывался ежегодно награждать своего вассала 100,000 кусками тафты и 30,000 гиновъ чаю. Этотъ договоръ заключенъ въ 1044 году. Юань-хао былъ даже счастливъ въ войнѣ съ Киданями; но какъ Тангуты боялись этихъ

онъ ввелъ его въ своихъ владѣніяхъ. Нынѣ впрочемъ мелкій или скорописный тибетскій почеркъ называется иногда тангутскимъ На тангутскій языкъ были переведены китайскія книги «Сяо-цзинъ», «Эрѣ-я» и «Сы-янъ-цза-цзы».

[88] «Исторія Тибета и Хухэнора». II, 20.

[89] Въ бумагѣ, писанной Ся'скимъ императоромъ Тоба-Бань-чаномъ, упоминается, что на югъ отъ его владѣній лежитъ Хотянь, а на сѣверъ Кидань (Іакинеъ, II, 78).

сосѣдей, видно изъ того, что какъ теперь, такъ и послѣ, при всякомъ возможномъ случаѣ, они спѣшили заключать съ ними миръ. Съ этого времени исторія дома Ся, передаваемая китайскими писателями, совершенно незанимательна, потому что представляетъ только взаимныя сношенія чрезъ посольства и никогда не прекращавшіяся пограничныя столкновенія. Въ 1082 году китайскій дворъ задумалъ было окончательно покорить царство Ся и послалъ противъ него войска по пяти дорогамъ; но кромѣ незначительныхъ успѣховъ (отняли Лань-чжоу), они были отбиты съ урономъ. Пограничная война продолжалась послѣ того долгое время, не смотря на то, что оба двора считались въ мирѣ, посылая обычныя посольства (по случаю смерти королевъ, императрицъ, восшествія государя и пр.). Впрочемъ, вина скорѣе лежала на сторонѣ Сунскаго двора, который не возвращалъ Тангуту отнятой у него Лань-чжоу, принималъ и переманивалъ перебѣжчиковъ. Эти неудовольствія кончились только въ 1106 году и снова начались въ 1115 году. Не имѣя никакихъ послѣдствій, всѣ эти дрязги, для которыхъ Китай собиралъ значительныя арміи, стоили правительству чрезвычайныхъ издержекъ и раззорили страну Шэньси. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда выступили на сцену Чжурчжени. Мы уже видѣли выше, что принявъ сперва бѣжавшаго къ себѣ киданьскаго государя, Тангутскій дворъ вскорѣ призналъ себя вассаломъ новыхъ завоевателей, которые, уступивъ ему часть киданьскихъ земель, отняли ихъ потомъ обратно. Въ замѣнъ этого, когда Лосо завоевалъ провинцію Шаньси, онъ, при постановленіи съ ними пограничнаго трактата, уступилъ имъ нѣсколько китайскихъ земель съ этой стороны. Теперь Тангуты были совершенно отдѣлены отъ Сунскаго двора Цзиньскими владѣніями въ Шаньси. Китай однакоже не забывалъ ихъ и по всегдашней своей политикѣ старался подстрекать

ихъ къ единодушному дѣйствію противъ Чжурчженей; но Тангуты не давались въ обманъ. Какъ ни охотники были послѣдніе драться съ Китайцами, однакожъ смирно сидѣли они въ своихъ предѣлахъ, не безпокоя Чжурчженей. Изъ этого можно заключить, что придирчивость и наглость, свойственныя китайскому правительству, бывали всегда поддержкой воинственнаго духа въ племенахъ, которыя, при простотѣ нравовъ, любя справедливость больше, чѣмъ Китайцы, которые ее проповѣдуютъ, бьются за нее несравненно храбрѣе. Восьмидесятилѣтній миръ, которымъ наслаждалось Тангутское царство, въ сосѣдствѣ Цзиньскихъ владѣній, конечно положилъ конецъ его военной отвагѣ и тѣмъ облегчилъ Чингисхану завоеваніе этого царства.

Вообще, Цзиньскія владѣнія въ Шэньси и Ганьсу простирались далѣе дѣйствительнаго обладанія Сунской династіи въ этихъ мѣстахъ. Мы говорили уже выше о сильномъ могуществѣ Тибетской монархіи во время Танской династіи. Паденіе этого могущества предупредило даже паденіе современнаго ему Танскаго дома. Тогда поколѣнія и роды, жившіе въ Амдо (названіе тибетскихъ земель въ Китаѣ), сдѣлались независимы другъ отъ друга; управляясь своими старшинами, враждуя между собой и производя набѣги на Китай, они въ тоже время живились отъ него и другимъ образомъ: отправляли посольства съ данью, чтобы получить за это хорошіе отдарки. Около 1001 г. тибетскіе роды соединяются подъ предводительствомъ Паньлочжи, вѣроятно, болѣе для того, чтобъ противодѣйствовать Дансянамъ. Когда Паньлочжи былъ убитъ, то роды признали своимъ старшиной его брата Сыдоду. Вскорѣ послѣ того усилился между тибетскими поколѣніями Госыло, который, укрѣпляясь внутри, поддерживалъ Китай въ войнѣ съ Тоба-Юаньхао. Сынъ и наслѣдникъ его Дунчжень неразъ ссорился съ самимъ Китаемъ; тоже продолжалось и

далѣе; роды то отпадали отъ преемниковъ Госыло, то опять присоединялись. Китайскій дворъ только номинально считалъ себя владѣтелемъ этихъ земель, въ которыхъ онъ поставилъ провинцію (дорогу) Хэ-си; но въ 1130 году Цзиньскій полководецъ Учжу покорилъ Таочжоу, Ланьчжоу и Синьчжоу и всѣ Амдоскіе цяны перешли подъ власть Чжурчженьскаго дома.

Означимъ теперь границы Цзиньскихъ владѣній во всемъ ихъ составѣ. На самомъ отдаленномъ востокѣ они простирались до предѣловъ, занимаемыхъ дикарями Цзирамынь и Удага. На сѣверъ земли ихъ простирались на 3000 ли отъ главнаго мѣста въ дорогѣ Фу-юй, или до земель рода Холохобо Поворачивая оттуда на западъ чрезъ Тай чжоу, граница проходила по горамъ Цзинь-шань (Хинганъ? «золотыя») въ Линьхуанъ-фу, и огибая сѣверные предѣлы округовъ Цинь-чжоу, Хуань-чжоу, Фу-чжоу, Чанъ-чжоу и Цзинъ-чжоу, выходила за Тянь-шань и обнимая Дунъ-шенъ, подходила къ царству Ся. Далѣе за Хуанъ-хэ, граница шла съ послѣднимъ же царствомъ полосой, лежащей отъ Дуань-чжоу до Ми-чжи-чжай, и далѣе выходя чрезъ Линь-тао за Цзи-ши-шань до земель непокорныхъ Цяновъ, поворачивала снова на востокъ и чрезъ Тао-чжоу и Янь-чжоу шла по рѣкѣ Вэй-хэ до прохода Да-сань-гуань, откуда мы выше уже видѣли дальнѣйшія границы съ Китаемъ. Всѣ земли, заключавшіяся внутри этихъ границъ, раздѣлялись на 19 дорогъ, изъ которыхъ 5 носили названія различныхъ столицъ по примѣру киданьскому, а 14 назывались главноуправляющими департаментами (цзунъ-гуань-фу); къ нимъ причислялось еще 9 заштатныхъ (сань) департаментовъ, 9 инспекцій (чжень), 22 пограничныя вѣдомства (фанъ-юй-цзюнь), 73 правленія (цы-ши-цзюнь), 16 армій и 632 уѣзда.

Если начнемъ съ Шаньси, то самая отдаленная на западъ провинція была Линь-тао-лу, главный городъ которой, но-

сившій тоже имя, находился на мѣстѣ нынѣшняго Ди-дао-чжоу; она заключала въ себѣ земли нынѣшнихъ департаментовъ Ланьчжоу и Гунъчанъфу, а далѣе на западъ врѣзывалась въ нынѣшнія Кукэнорскія земли. Другія дороги въ Шеньси и Ганьсу были: 2) Цинь-юань-лу, съ главнымъ городомъ Цинь-янъ; здѣсь на границѣ съ царствомъ Ся расположено было 8 лагерей (цзянъ-инъ). 3) Фоу-янь-лу, съ главнымъ городомъ Янь-ань; также на границахъ царства Ся. 4) Фынъсянъ-фу, съ городомъ того же имени, и наконецъ 5) Цзинъ-чжао лу или Си-ань-фу. Это множество областей, поставленныхъ на небольшомъ пространствѣ, сомкнутомъ Сунскими и Тангутскими владѣніями, показываетъ, что Чжурчжени понимали опасность этой части своихъ земель и потому старались подкрѣпить ихъ, потому что всякая дорога имѣла свой штатъ. 6 и 7) Нынѣшняя провинція Шаньси раздѣлялась тогда на двѣ части: сѣверную и южную; послѣдняя, подъ именемъ Хэ-дунъ-нань-лу (юго-восточной отъ Хуанъ-хэ), имѣла главный городъ въ Пинъ-янѣ и занимала ближайшую къ ней часть нынѣшней провинціи Хэнань, лежащую на сѣверъ отъ Хуанъ-хэ; а первая, подъ названіемъ сѣверо-восточной, Хэдунъ-бэй-лу, имѣла правленіе въ Тай-юанѣ и занимала остальную сѣверную часть Шаньси, за исключеніемъ нынѣшняго сѣвернаго департамента Дай-тунъ-фу, лежавшаго за Великой стѣной и тогда составлявшаго Западную столицу. Отъ округа Дунъчжоу, принадлежавшаго къ этой же провинціи и лежавшаго по ту сторону Хуанъ-хэ, мы видимъ, начиналась граница съ царствомъ Ся. 8) Восьмая дорога, Дамипъ-хоу-лу, съ главнымъ городомъ того же имени, занимала южную часть нынѣшней Чжили съ прилежавшими мѣстами Шаньдунской провинціи, т. е. округами Линъ-цинъ и Пучжоу. Отсюда на югъ, по ту сторону Хуанъ-хэ, которая, не забудемъ, въ то время не впадала еще въ Хуай, лежала дорога Южной столицы (Бянь или

Кай-фынъ-фу), обнимавшая всю нынѣшнюю провинцію Хэнань до р. Хуай, съ частію земель, принадлежащихъ нынѣ къ провинціи Ань-хой, т. е. тѣхъ, которыя лежали на сѣверъ отъ пограничной рѣки Хуай. Остальная часть провинціи Цзянъсу, лежащей отъ той же рѣки къ морю, вмѣстѣ съ Шаньдуномъ, раздѣлялась на двѣ дороги: восточный и западный Шаньдунъ (Шань-дунъ-дунъ-лу и Шань-дунъ-си-лу): въ первомъ главный городъ былъ И-ду-фу, нынѣшній Цинъ-чжоу, а во второмъ Дунъ-пинъ-фу. Остальная часть Чжилійской провинціи, за исключеніемъ Дайминъфу'скаго округа, раздѣлялась еще на три дороги· двѣ Хэбэй, восточную и западную (Хэбэй дунъ-лу и Хэбэй-си-лу), и дорогу Средней столицы или Пекина (Чжунъ-ду лу), занимавшую сѣверную часть. Восточная Хэбэй имѣла главнымъ городомъ Хэ-цзянъ-фу, а западная — Чжэнь-динъ-фу; къ послѣдней причислялся и нынѣшній округъ Чжэнъ-дэ-фу, лежавшій въ Хэнань. Такимъ образомъ, изъ числа 19 дорогъ, 15 лежали внутри Китая, и это показываетъ значеніе для Цзиньскаго царства тѣхъ владѣній, которыми они перевысили своихъ предшественниковъ, Киданей. Мы не станемъ вдаваться здѣсь въ болѣе подробныя изслѣдованія касательно географіи Китая во времена Цзиньской династіи, потому что утомительная номенклатура не послужитъ ни къ чему, а подробности касательно всѣхъ измѣненій въ составѣ владѣній, которыя происходятъ во всякомъ государствѣ ежегодно, составляютъ скорѣе дѣло географической лексикографіи Итакъ мы займемся теперь лишь болѣе подробнымъ обозрѣніемъ Цзиньскихъ владѣній внѣ Китая.

Здѣсь открывается, что владѣнія Чжурчженьскія въ Маньчжуріи нисколько не выходили изъ предѣловъ земель, дѣйствительно принадлежащихъ нынѣшней династіи, т. е. восточныя земли такъ же ускользнули отъ тѣснаго сближенія, какъ и сѣверныя. Что же касается до земель въ Монголіи,

то онѣ ограничивались только юго-восточною ея частію, т. е. шли почти по прямой линіи, начиная отъ Кулунь-нора до нынѣшняго Кукэ-хото, и Гоби отдѣляла ихъ отъ сѣверо-запада своею естественной границей. Все это огромное однакожъ пространство монгольскихъ и маньчжурскихъ владѣній раздѣлялось только на 4 главныя провинціи, которыя назывались столицами. Дорога Восточной столицы обнимала нынѣшній Мугденьскій округъ безъ Цицьчжоу; главная резиденція была въ Ляо-янъ (нынѣ чжоу), пользовавшимся правомъ первенства между городами южной Маньчжуріи со временъ династіи Хань; это Ляо-дунъ-цзюнь или Ляо-янъ-го древнихъ, Аньдунъ-ду-хуфу временъ Танской династіи, Ляо-янъ-фу и Восточная столица при предшествовавшей династіи Ляо. Главное назначеніе ея было надзоръ за Кореей. Другіе округи этой провинціи были: a) Дэнъ-чжоу (нынѣ Хай-чэнъ-сянь, прежняя Ханьчжоу); b) Шэнь-чжоу, нынѣшній Мугдэнь; c) Гуй-дэ-чжоу, въ нынѣшнемъ округѣ Тѣ-линъ-сянь; d) Гай-пинъ-чжоу, нынѣ Гайпинъ-сянь; e) Фу-чжоу, въ той же мѣстности, что и нынѣ, на Ляодунскомъ полуостровѣ; f) Лай-юань-цзюнь, на юго-востокъ отъ нынѣшняго города Фынъ-хуанъ, т. е. на границахъ Кореи около устья Ялу-цзяна; это было жилище покорныхъ Чжурчженей при Ляоской династіи; g) Босо-фу, мѣстность, нынѣ не существующая, на востокъ отъ города Фынъхуанъ и во 130 ли отъ устья Ялу-цзяна. Вся сѣверная Маньчжурія, т. е. нынѣшнія Гиринское и Сахалянское воеводства, принадлежали къ одной дорогѣ тогдашней Верхней столицы, резиденціей которой былъ Хойнинъ-фу или Шанъ-цзинъ. Это не было однакожъ, какъ видно, главное мѣстопребываніе предковъ Агуды; по крайней мѣрѣ прежде она называлась Хойнинъ-чжоу, и только Тайцзунъ основалъ здѣсь столицу, возвысивъ его въ званіе фу. Обыкновенно, китайскія и маньчжурскія преданія полагаютъ, что Верхняя столица находи-

лась на мѣстности древней Нингуты, т. е. на развалинахъ, существующихъ и понынѣ недалеко отъ этого города на югъ, между тѣмъ, показанія Цзиньской исторіи (въ отдѣлѣ географическомъ), а еще болѣе путешествія Китайцевъ, посылавшихъ отъ Сунскаго двора къ повелителямъ Маньчжуріи, очевидно противорѣчатъ этому Въ первой сказано, что Хойнинъ-фу лежитъ на западъ отъ Хулхаской дороги, т. е. отъ главнаго города этого вѣдомства въ 630 ли; а извѣстно, что подъ этимъ главнымъ городомъ разумѣлась самая Нингута. Путешественники также говорятъ («Сунъ мо-цзи-вэнь»), что отъ Пекина до Шанъ-цзина считалось 2700 ли и дорога шла чрезъ р. Лалинь, отъ которой до него оставалось 145 ли, или (по «Бэй-мэнъ-хой-нянь»), что отъ р. Лалиньхэ всего два дня пути до Цзиньской столицы. Всѣ путешественники равно согласны въ томъ, что за рѣкой Лалинь, служившей прежней границей между Киданями и Маньчжурами, начинались собственныя земли послѣднихъ. Изъ этого очевидно, что Хойнинъ-фу поставленъ былъ на самомъ рубежѣ древнихъ маньчжурскихъ земель, для того, чтобъ удобнѣе было надзирать надъ вновь завоеванными киданьскими землями; а что близость этого города не мѣшала ему быть разсадникомъ будущаго величія, видно изъ того, что настоящая династія жила прежде въ Хэтуала или Синъ-цзинѣ, который стоялъ на рубежѣ Ляодунскаго Мугденя, тогда принадлежавшаго Минской династіи. Когда Цзиньскій Агуда сталъ давать названіе своей династіи, то онъ выбралъ *золото*, какъ по превосходству его надъ другими металлами, такъ и потому, что р. Аньчунь (нынѣшняя Альчука) брала свое начало въ его первоначальной родинѣ. Нынѣшнихъ Маньчжуровъ вводитъ въ недоумѣніе, что золото называется нынѣ по-маньчжурски *айжинь*, а не *аньчунь*, какъ бы можно было заключить изъ текста; но, кромѣ того, что въ то время переписка иностранныхъ словъ китайскими

іероглифами не была отчетлива, нѣтъ необходимости допускать, чтобы тогдашній языкъ сохранился безъ всякой перемѣны до нынѣшняго времени. Мы видѣли примѣръ этого уже въ словѣ *бэцзи-лэ*, перешедшемъ послѣ въ *бэйлэ*; здѣсь также, *чэ* переходитъ въ *й* Почему не допустить, что между тѣмъ, какъ слово *аньчунь*, въ смыслѣ «золото», перешло въ *айжинь*, рѣка Аньчунь сохранила свое древнее названіе *Альчукъ*. Городъ Хой-нинъ-фу стоялъ вѣроятно у истока этой рѣки[90]. Географія Шэнъ-цзина полагаетъ, что эта столица находилась въ нынѣшнемъ урочищѣ Сэци-воцзи, гдѣ есть развалины древняго города; но отсюда на востокъ до Нингуты считается только 390 ли, и притомъ гора Лалинь, изъ которой вытекаетъ рѣка того же имени, находится отъ того же мѣста въ 245 ли на сѣверо-востокъ, между тѣмъ какъ истоки р. Альчуки изъ горы Сунъ находятся на сѣверо-востокъ въ 305 ли, слѣдовательно гораздо южнѣе того мѣста, которое полагаютъ, и притомъ не слѣдовало бы, кажется, переѣзжать чрезъ р. Лалинь путешествующимъ изъ Китая въ Хой-нинъ-фу. Сверхъ того, ясное указаніе географіи, что Хой-нинъ-фу находился именно въ 630 ли отъ Нингуты, ясно противорѣчитъ мѣстности Сэци-воцзи, тогда какъ мы видимъ, что отсюда до г. Сунъ разстояніе очень соотвѣтствуетъ показанію. Чтожъ касается до того, что можетъ быть не находятъ никакихъ слѣдовъ въ сказанномъ мѣстѣ (хотя, можетъ быть, тамъ ихъ и не ищутъ), то припомнимъ, что маньчжурскія постройки были частію деревянныя. Хой-нинъ-фу переименованъ окончательно въ Верхнюю столицу (Шанъ-цзинъ) только уже при Си-цзунѣ въ 1138 г. (въ 1153 г.); чрезъ 15 лѣтъ послѣ этого столица перенесена Хайлинъ-ваномъ въ Пекинъ;

---

[90] Географическій отдѣлъ въ «Цзинь-ши», перечисляя зданія этого города, говоритъ положительно, что они были на берегу рѣки Аньчунь

слѣдовательно Хойнинъ-фу не могъ въ такое короткое время отстроиться прочнымъ образомъ. Въ 1160 г велѣно было, (вѣроятно, чтобъ отнять у маньчжурскихъ переселенцевъ въ Пекинѣ всякую мысль о возвращеніи на родину) нарочно разрушить не только дворцы, храмы, но и частныя лучшія жилища и присутственныя мѣста, и чтобъ не осталось слѣдовъ, даже вспахать землю. Хотя послѣ этого, при Ши-цзунѣ, и старались снова построить дворцы; но понятно, что когда столица была уже въ Пекинѣ, то немного прилагали къ тому старанія. Впрочемъ, мы не имѣемъ точнаго свѣдѣнія, гдѣ именно жили предки Агуды и самъ этотъ государь; очень немудрено, что Нингута, въ которой до того была верхняя столица Бохайскаго царства, была также на время и столицей Агуды, какъ это подтверждаютъ другія извѣстія. Но Нингута оказалась неудобною при расширеніи Цзиньскаго могущества, такъ какъ она находилась въ центрѣ только Маньчжуріи. Цзиньцы не желали прежде владѣть Китаемъ; Бохай или южная Маньчжурія были къ нимъ расположены; оставались опасными только Кидане; потому-то и естественно, что Укимай перенесъ сюда столицу. Хой-нинъ-фу приходится противъ Линь-хуанъ-фу, то есть противъ центра собственно киданьскихъ земель. Но такъ какъ исторія упустила изъ виду это обстоятельство перенесенія столицъ, то и вышла путаница въ извѣстіяхъ, по которымъ столица Маньчжуріи является то на мѣстѣ Нингуты, то при истокахъ Альчука. Сверхъ того, на западномъ берегу Альчуки, на юго-востокъ отъ нынѣшняго Бэдунэ, въ 340 ли отъ Гирина, находятся и нынѣ развалины, которыя маньчжурская географія принимаетъ однакожъ за Чжао-чжоу, особливый округъ, принадлежавшій къ разсматриваемой нами провинціи. Слово *чжао* есть китайское и значитъ «начало». Исторія говоритъ что здѣсь возведенъ былъ въ послѣдствіи городъ и дано

ему такое названіе въ ознаменованіе первыхъ успѣховъ Агуды, когда у него собралось до 10,000 войска и онъ разбилъ киданьское войско на берегахъ р. Я-цы-хэ, у мѣстечка Чжуходянь, которое и было переименовано въ Чжао-чжоу. Но это сраженіе не могло быть далеко отъ тогдашней киданьской границы, слѣдовательно очень близко къ берегамъ р. Лалинь (на востокъ отъ нея, потому что сказано въ слѣдъ за этимъ Агуда разбиваетъ дутуновъ четырехъ дорогъ: Лалинь, Хуанъ-лунъ-фу, Сянь-чжоу и проч.). Географія говоритъ, что Чжао-чжоу лежала на древнихъ земляхъ Бу-юй'скихъ, слѣдовательно, выступала на сѣверъ по ту сторону Амура. Далѣе отъ Чжао-чжоу, на западъ къ Монголіи, былъ округъ Лунъ-чжоу: это Хуанъ-лунъ-фу Киданей. Посланникъ Сунскаго двора, Сюй-юань-цзунъ, посланный поздравить Тайцзу Укимая съ восшествіемъ на престолъ[91], пишетъ, что этотъ городъ служитъ восточной заставой киданьской и что въ окрестностяхъ его поселены различные, взятые въ плѣнъ, народы. Тутъ (на югъ) встрѣтите вы и Бохайцевъ и (на сѣверъ) Тѣли и Тугухунцевъ; (на юго-востокъ) увидите и Корейцевъ и Мохэсцевъ; (на востокъ) Нюй-чженей и Шивэй; (на сѣверъ) Ушэ (Унѣ); (на сѣверо-востокъ) Киданей, Хой-хэ, Танъ-сяновъ, и (на юго-востокъ) Си (Кумохи) Поэтому, въ этомъ мѣстѣ смѣшаны были нравы всѣхъ народовъ; но во взаимныхъ сношеніяхъ, такъ какъ языки были несходны, общимъ языкомъ для всѣхъ служилъ китайскій. Хуанъ-лунъ-фу отстоялъ, по дорожнику того же путешественника, въ 280 ли на сѣверъ отъ нынѣшняго Кай-юань-сяня[92]. На западъ (юго-западъ) отсюда находились Сишь-чжоу (въ 100 ли отъ Кай-юань-сяня). Всѣ эти мѣст-

---

[91] Дорожникъ его помѣщенъ въ «Да-цзинь-го-чжи», кн. XL, подъ именемъ «Сюй фынь-ши-синъ-чэпъ-лу»

[92] Выше уже было замѣчено, что это нынѣшній Бэдунэ.

ности или отдѣльныя вѣдомства, заключавшіяся не болѣе какъ въ одномъ городѣ[93], расположенныя на границѣ собственно киданьскихъ земель, показываетъ ясно, что Цзиньцы наблюдали надъ порабощеннымъ ими владѣніемъ и сторожили его[94]. Къ сѣверу отъ Чжао-чжоу, по ту сторону, всѣ мѣста принадлежали къ дорогѣ Бу-юй, въ которой новѣйшая географія видитъ древнее слово Фу-юй, но котораго память, по нашему мнѣнію, сохранилась въ нынѣшнемъ названіи озера Боиръ. Самъ округъ Чжао-чжоу, говоритъ таже географія, былъ на земляхъ Фу-юй'скихъ. Округъ Боюйскій (т. е. главное его правленіе), лежавшій на мѣстѣ нынѣшняго Цицикарскаго воеводства, какъ видно, находился въ 600 ли на сѣверъ отъ Шань-цзина, въ 1400 ли отъ Хулха (Нингуты), а на сѣверъ отъ него считалось только 30 ли до Хорхотунь-мукунь (деревня и родъ Хорхо), который находился уже на сѣверной границѣ Подъ именемъ послѣдней разумѣлись, вѣроятно, земли, вполнѣ внесенныя въ китайскія карты, потому что мы видѣли выше, что на сѣверъ до границы отъ Буюй считалось 3000 ли, а восточная граница простиралась до дикарей Чжираминь и Уди (изъ котораго новая географія сдѣлала Удаха). Послѣднее названіе, очень немудрено, удержалось въ нынѣшнемъ Удинскомъ острогѣ. Что вліяніе Чжурчженей, во время ихъ могущества, могло простираться такъ далеко, это очень вѣроятно; но вмѣстѣ съ тѣмъ можно думать, что оно было поминальное еще болѣе, чѣмъ нынѣ. Опасенія со стороны Россіи вызвали въ сѣверной Маньчжуріи постройку городовъ, каковы Мэргэнь, Сахалянь, Цицикаръ и проч. Въ то время не

---

[93] Болѣе населенности представляла область Сянъ-нинъ-лу, лежавшая между Хой-юанемъ и Тѣ-линь-сянемъ Въ ней считалось восемь уѣздныхъ городовъ

[94] Въ географіи Цзиньской исторіи, неизвѣстно почему, эта область поставлена на ряду съ провинціями.

кого было опасаться; поэтому страна сохранилась въ дикомъ состояніи, и мы не видимъ на этомъ огромномъ пространствѣ ни одной мѣстности, ни одного города. Сверхъ того, географія Цзиньской династіи, показавъ пространство владѣній въ этой мѣстности, не даетъ никакого положительнаго извѣстія, составляли ли они какое нибудь вѣдомство Вотъ почему еще болѣе пріобрѣтаютъ достовѣрности показанія «Да-цзинь-го-чжи» объ усиленіи народа Мэнгу въ сѣверовосточной Маньчжуріи и объ уступкѣ имъ земли за р. Амуромъ (Си-пинъ-хэ), такъ что показаніе маньчжурскихъ границъ, сдѣланное нами въ началѣ (на основаніи географіи Цзиньской), вѣроятно, показано прежнее. По близости съ Буюй, но гдѣ именно, не упоминается, находилось воеводство (тунъцзюнь-сы) Угу Ди-лэ; но, какъ видно изъ Ляоской исторіи, это было названіе двухъ народовъ Угу и Ди-лэ, которые при Киданяхъ считались вассальными, и то были спокоіны, то бунтовали. Ди-лэ'скихъ племенъ, какъ видно, считалось восемь. Гораздо далѣе простирались земли дороги Шанъ-цзинъ'ской на востокъ и на юго-востокъ. Мы упомянули уже, что тамъ въ 600 ли лежала Хулхаская или Нингутская область; она простиралась на сѣверъ до тысячничества (цянь-ху) Хэ-ли биньбао-тэ (Хара-бумбату?) на 1500 ли. Далѣе на востокъ лежала дорога Сюэ-пинь или Шуай-пинь, извѣстная уже подъ этимъ именемъ при Ляо; она находилась въ 1570 ли на юговостокъ отъ Шанъ-цзиня (въ 1100 отъ Хулха), а на сѣверъ отсюда до границъ считалось 2000 ли. Слѣдовательно, мѣстность эта приходится около р. Усури и такимъ образомъ выходитъ изъ предѣловъ нынѣшняго дѣйствительнаго владычества маньчжурской династіи. До предѣловъ этой области уже простеръ свои владѣнія Чжа-цзу. При Муцзунѣ, Тумышскій (отъ названія рѣки) старшина, соединившись съ Сюэбишскимъ (названіе рѣки), возсталъ войной, въ городѣ Мурумисхань, на

Тайцзу. Агуда разбилъ ихъ, и дорога Фушская вошла въ прежнее положеніе, т. е. покорилась. Изъ этого видно, что область Сюэ-бинь простиралась до р. Тумынь, т. е. на югъ до границъ Кореи, и что, сверхъ того, общее названіе этой мѣстности было Фунинь. Исторія упоминаетъ еще, что при Укимаѣ сюда переселенъ былъ Чжаласкій бэйлэ (разумѣется, съ подвластными ему), такъ какъ его собственная земля была скудная. На юго-западъ отсюда въ 1200 ли и 1800 на сѣверо-западъ отъ Шанъ-цзина, тоже вдоль корейской границы, лежала область Хайланьская, названная такъ по рѣкѣ, которая и понынѣ сохранила это названіе; отсюда считалось 500 ли до корейской границы.

Не менѣе обширную мѣстность занимала дорога Сѣверной столицы. Сюда включалась не только вся восточная Монголія при династіи Ляо, состоявшая изъ двухъ столицъ сѣверной и средней Монголіи, но и часть округа Цзинь-чжоу фу, причисляемая нынѣ къ Маньчжуріи. Центромъ этихъ земель сдѣланъ былъ Дадинъ-фу, средняя столица Киданей или Кумохи: это нынѣшній Пинъ-цюань-сянь, въ округѣ Чэнъ-дэ-фу. Понятно, что когда столица Цзиньской династіи перенесена была въ Пекинъ, то императоръ передвинулъ къ ней ближе и центральное управленіе Монголіи, тогда какъ до того центромъ служилъ Линь-хуанъ-фу или Сѣверная столица, которая пользовалась этимъ именемъ и при началѣ Цзиньской династіи. Отдѣльныя области Сѣверной дороги были: Ли-чжоу, нынѣшній Цзянь-чанъ-сянь, И-чжоу, Цзинь-чжоу, Жуй-чжоу, Гуанъ-нинъ-фу, Ай-чжоу (всѣ въ Маньчжуріи), Сипъ-чжунъ-фу, нынѣшній Чао-янъ-сянь, древняя Ба-чжоу киданьскаго тайцзу Абаоцзи, заселенная имъ плѣнными Китайцами, Цюань-чжоу.

Линь-хуанъ-фу, по просту Западная башня (Си-лоу), верхняя столица при династіи Ляо, пользовавшаяся этимъ име-

немъ сначала и при Цзиньской династіи, но потомъ въ 1138 г. переименованная въ Сѣверную столицу, а потомъ уступившая этотъ титулъ Дадинъ-фу, къ которому и сама причислена послѣ. Онъ лежалъ при р. Лай-лю, которая окружала его съ трехъ сторонъ и потомъ съ сѣверо-запада поворотивъ на востокъ, впадала въ Цюй-цзянь[95]. Отъ принадлежавшаго къ Линь-хуанъ-фу уѣзду Чанъ-тай считалось слишкомъ 1000 ли на сѣверъ до р. Лупъ-цзюй (по-маньчжурски Дахань-бира), принимаемой за Кэрулэнь. Къ дорогѣ Сѣверной столицы принадлежали еще: 1) область Цинь-чжоу, лежавшая въ 160 ли на западъ отъ Линь-хуанъ-фу; здѣсь были кладбища киданьскихъ императоровъ; отсюда на сѣверъ до границы считалось всего 20 ли (?), а на западъ до Хуань-чжоу 900 ли. 2) Область Синъ-чжоу или Нинъ-шо-цзюнь, съ уѣздомъ Лиминьсянь; она завѣдывала тремя тысячничествами: a) Тумэнь, b) Бихань-нинъ на рѣкѣ Мюй-гянь (Мэргэнь), и c) Сумала на р. Нинъ-цзянъ. 3) Тайчжоу, пограничная область, на которой, при Ляоской династіи, кочевали 20 поколѣній киданьскихъ. Она приходилась на сѣверъ отъ Айчжоу въ 800 ли, лежала на западъ отъ Чжао-чжоу въ 350, и отъ нея до границы на сѣверъ считалось 400 ли. Намъ кажется, что названіе Тай-чжоу въ связи съ Тайчжутами временъ Чингисхана.

Изъ распоряженія, сдѣланнаго въ 1181 году, касательно распредѣленія пограничныхъ пикетовъ (пу), находящихся подъ вѣдомствомъ сѣверо-восточнаго правленія (чжао-тао-сы), видно, что эти пикеты (въ числѣ 43) находились въ Линь-хуанъ-фу и Тайчжоу. Изъ этого понятно, какъ далеко простирались здѣсь Цзиньскія земли.

Наконецъ, остается обозрѣть послѣднюю дорогу, занимавшую самую юго-западную часть маньчжурскихъ владѣній въ

---

[95] Шэнъ-цзинъ-тукъ-чжи: это рѣка Урса, впадающая въ Сунъ хуа-цзянъ.

Монголіи. Это дорога Западной столицы (Си-цзинъ), обнимавшая собой нынѣшнюю часть китайской провинціи Шаньси и Сюань-ху-фускій округъ въ Чжили и сопредѣльныя монгольскія земли въ Чахарскихъ земляхъ. Главное управленіе сосредоточено было въ первой, т. е. въ Дай-Тунъ-фу, который и нынѣ сохранилъ это названіе.

Въ Монголіи, подъ зависимостью отъ этой дороги, находились области: 1) Хуань-чжоу, древній Шанъ-гу, мѣстопребываніе Ухуаньцевъ. Остатки этого древняго города существуютъ и понынѣ подъ названіемъ Курту (Култу)-балгасунъ, на сѣверо-востокъ отъ Душикоу въ 186 ли. Отсюда до старой границы оставалось всего только полторы ли, и такъ какъ рѣка Люань-шуй протекала на югъ отъ него, то можно понять, что она служила и въ дальнѣйшемъ теченіи своемъ границей Цзиньскихъ владѣній. — 2) Фу-чжоу, нынѣшній Хара-балгасунъ, лежащій въ 100 ли на сѣверъ отъ Халгана въ развалинахъ, былъ основанъ одной Ляосской принцессой (Циньго Дачанъ Гунчжу). На западъ отсюда въ 150 ли лежалъ городъ Цзи-нинъ-сянь, откуда до сѣверной границы считалось 200 ли[96]. — 3) Фынъ-чжоу или Тянь-дэ-цзюнь, гдѣ было прежде поставлено пограничное управленіе (чжао-таосы) Сѣверо-западной дороги, отъ котораго зависѣли поколѣнія и конное управленіе; все это было послѣ передано въ вѣдомство управленія Юго-западной дороги. — 4) Цзинъ-чжоу, отъ которой на сѣверъ до границы считалось 80 ли. Какъ увидимъ ниже, сюда пріѣзжалъ Чингисханъ для представленія дани. — 5) Чанъ-чжоу, зависѣвшая нѣкогда отъ Хуань-чжоу; отсюда на сѣверъ въ 500 ли лежали горы Пара-

---

[96] Фу-чжоу подчинены были четыре тысячничества. Мицихянь бира, Вандунъ бира, Нарынь Чжухугсу (Чжогосъ) и Сунгэ-клэхунь.

сара (вѣроятно тѣ самыя, которыя и нынѣ встрѣчаются въ Монголіи подъ этимъ именемъ).

Изъ этого видно, что съ этой стороны граница владѣній еще менѣе удалялась отъ Великой стѣны. Такимъ образомъ, огромное пространство земель не только Халхи, но и Гоби, совершенно ускользнуло отъ владычества Чжурчженей, которые, будучи довольны своими завоеваніями въ Китаѣ болѣе прибыльными, не хотѣли принимать на себя тяжкаго труда, не обѣщавшаго особенныхъ выгодъ, завоевать кочевые народы сѣверо-запада, которые, какъ мы видимъ по намекамъ китайской исторіи, сверхъ того, находились на первыхъ порахъ подъ властію западнаго Ляо. Однакожъ, нельзя забывать, что номинальное владычество простиралось гораздо далѣе. Мы видимъ, что въ нынѣшней Халхѣ отдѣльные владѣтели получали отъ Цзиньскаго двора титулы, что Чингисханъ самъ платилъ дань и ѣздилъ ко двору Но подробности этого ускользнули отъ исторіи, или, лучше, съ памѣреніемъ опущены были монгольскими историками.

Не должно упускать изъ виду того обстоятельства, что Чжурчженьскія владѣнія подверглись нападенію Монголовъ при Чингисханѣ не со стороны Сѣверной столицы, какъ бы этого надобно было ожидать, судя потому, что кореннымъ мѣстопребываніемъ Чингисхана была р. Ононь, но со стороны Дайтунфуской, и началось тогда уже, когда ослаблено было царство Ся. Такимъ образомъ, сѣверо-западная Монголія, ускользнувшая отъ вниманія исторіи, играетъ по-прежнему важную роль въ судьбахъ народовъ и отъ соединенія ея подъ одно владычество зависѣло преобладаніе Чингисхана.

Относительно этихъ западныхъ сосѣдей мы напрасно ищемъ свѣдѣній въ Цзиньской исторіи; мы узнаемъ изъ нея едва ли не менѣе, чѣмъ даже объ отдаленныхъ временахъ Киданьской исторіи. Мусульманскіе писатели въ этомъ случаѣ имѣютъ

неоспоримый перевѣсъ. Но мы взялись здѣсь представить лишь извлеченіе изъ китайскихъ матеріяловъ, и изъ нихъ можемъ сообщить только перечень племенъ (бу-цзу), принадлежавшихъ, какъ видно, къ вѣдомству одной Западной столицы. Хотя текстъ исторіи и не выражается положительно, но мы должны, по соображенію, заключить, что здѣсь разумѣются инородцы, находившіеся только въ вассальныхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что каждому изъ этихъ племенъ приложенъ эпитетъ цзѣ-ду-ши т. е. титулъ, носимый старшиной племени. Присоединяя списокъ этихъ племенъ, мы вовсе не беремся обозначить ни мѣстностей, ими занимаемыхъ, ни рѣшать, какія были это племена, потому что этого не сообщаетъ исторія. Перечисляются цзѣдуши слѣдующихъ племенъ: 1) Укунь-шэнь-лу (Уксура[97]); 2) Укури (Ухэри) еще встрѣчается подъ именемъ Угулунь; слѣдовательно, это можетъ быть тѣ, которыхъ мы встрѣтили выше подъ именемъ Юй-цюэ-ли; 3) Чжули (Чжуру); 4) Цзи-лу (Цируˉ-кэрэ?); 5) Тангу, переименованное послѣ въ Булохо-Чжашаха (Болго-Чжасакъ); въ статьѣ о податяхъ сказано, что Тангу несли прежде подати наравнѣ съ Монгу и Мукунями; 6) Дѣ-ла или Ди-лэ (Дэрэлъ[98]) Мэнгу, переименованный въ Тулухунь Чжашиха (Тэригунь Чжасакъ).[99] Кромѣ этихъ цзѣдуши, пересчитываются еще 9 сяньгунь (или сянь-инь и еще также сянь-вэнь): это слово, по замѣчанію ученаго комитета, есть солонское, и означаетъ чиновника, завѣдывающаго дѣлами. Мы думаемъ, что въ немъ можно видѣть искаженіе нынѣшняго слова чжанъгинь,

---

[97] Въ другомъ мѣстѣ китайскій ученый комитетъ дѣлаетъ Дара.

[98] Слова въ скобкахъ суть предполагаемыя комитетомъ настоящія названія

[99] Еще встрѣчается названіе Ди-лѣди, изъ котораго новая географія сдѣлала Далудъ. Для насъ важнѣе всего, что древніе Мэнгу, давшіе имя новѣйшимъ Монголамъ, поставлены здѣсь за одно съ именемъ Дилэ, т. е. какъ бы хотятъ сказать, что это одно и тоже племя. Дилэ же жили, какъ мы видѣли, въ сѣверо-западной Маньчжуріи.

которое очень извѣстно Монголамъ и Маньчжурамъ, и хотя обличаетъ свое китайское происхожденіе, но неизвѣстно почему считается маньчжурскимъ. Сверхъ того, впереди каждаго названія сяньинь, мы находимъ непоказанный въ лексиконахъ іероглифъ, который по перепискѣ въ другихъ мѣстахъ иностранныхъ словъ, читается *чжа*[100]; въ Цзиньской исторіи встрѣчается еще *чжа-ъ*, чинъ, который новѣйшій комитетъ за одно съ чжангинь: *чжа-ъ* назывался помощникъ военнаго и вмѣстѣ гражданскаго правителя; очевидно, что это маньчжурское слово *чжай* («еще, вторый»). Такимъ образомъ чжа-сянь-гунь должно принимать за чинъ, даваемый главамъ инородцевъ, и вмѣстѣ за названіе управляемаго ими рода; то есть, въ связи съ предыдущими племенами, управлявшимися цзѣ-души, мы должны разумѣть подъ словомъ *чжа* поколѣнія не такой значительной важности или второстепенныя. Чжа-сянь-гунь были, въ сравненіи съ маньчжурскими чинами, тысячники (мингань) и сотники (мукунь), тогда какъ цзѣдуши уподоблялись темникамъ[101]. Эти 9 чжа-сянь-гунь были слѣдующіе: 1) *Мао* (Му-Магу; не отсюда ли Магу-Мингань?); этотъ чжа-сянь-гунь, въ послѣдствіи (1216 г.), переименованъ въ Гэѣ-алинь мингань, «тысячничество горы Гэѣ (Эѣ)» 2) *Мудянь* (Мотэнь) переименованъ въ родъ. Мукунь горы Хангъ (Хэнгэ, Хангойскихъ?). 3) *Гудянь* (Гулдунь), переименованный въ родъ рѣки Саханянь (Сахалянь)-бира. 4) Танъ-гу (чжа); 5) Ѣладу (Илэту); 6) Идянь (Ильдунь[102]);

---

100 Мы отыскали его только въ прибавленіи къ лексикону «Канъ-сяо-цзыдэнь», гдѣ сказано, что читается *чжа*, но значенія не имѣетъ.

101 Иногда слово *чжа*, встрѣчаемое и одно, какъ названіе чина, есть только сокращеніе изъ чжа-сянь-гунь.

102 Въ другомъ мѣстѣ (Шп го чжи) видно, что 1000 семействъ въ дорогѣ Сянь-нинъ-фу говорили о себѣ въ 1177 г., что они потомки Маньчжуровъ Чаньбошанскихъ, Сисяньскихъ и Чанътунскихъ, но во время Киданьской династіи переселены были сюда въ видѣ охотниковъ и прозвались *Игедунь*.

7) Су-мудянь (Субутъ), былъ близокъ къ Сѣверной столицѣ (Дадишъ-фу или Линь-хуанъ-фу?); 8) Худу (Худунь), и 9) Сяма (Хамаръ).

Въ отдѣлѣ чиновъ въ Цзиньской исторіи (LVII, 22) мы видимъ, что существовало три пограничныхъ управленія подъ именемъ Чжао-тао-сы, именно сѣверо-западное, юго-западное и сѣверо-восточное. Имъ придавалось извѣстное количество переводчиковъ (тупъ-ши); имъ были подчинены всѣ тысячничества и мукунь, которыя управлялись тысячниками и мукунями (старшинами рода): вѣроятно, это были только вполнѣ зависѣвшіе чины (первый четвертой, а второй пятой степени). Но сверхъ того, сюда же относились и начальники улусовъ (бу-цзу), вѣроятно, независимыхъ: они назвались цзѣдуши (третьей степени) и чжа-сянь-гунь (пятой степени), эркимъ и тули. Улусный цзѣдуши завѣдывалъ управленіемъ улуса и войсками надъ ними приставленными; чжа-сянь-гунь завѣдывалъ пограничными пикетами; эркимъ завѣдывалъ отдѣльными деревнями; тули (монгол. туру «правленіе»?) разбиралъ тяжбы и уголовныя преступленія[103].

Чтобы прослѣдить всѣ свѣдѣнія, какія Цзиньская исторія сообщаетъ намъ объ этихъ инородцахъ, и вмѣстѣ объяснить названія цзѣ-души, мингань, бу-цзу (поколѣнія), чжа и проч., мы позволяли себѣ коснуться на этотъ счетъ Цзиньскихъ учрежденій вообще. Въ первое время Цзиньской династіи народъ не облагался податями и повинностями; здоровые всѣ считались солдатами и въ мирное время занимались земледѣліемъ, звѣриной и рыбной ловлей, пріучаясь къ трудамъ; во

и что они были изъ первыхъ, покорившихся династіи. Можетъ быть, часть ихъ была въ послѣдствіи переселена сюда.

[103] Изъ этого должно заключить, что инородческіе улусы и Чжа находились внутри собственныхъ границъ Цзиньской имперіи, расположенныхъ вдоль ихъ для защиты и какъ видно, съ примѣсью маньчжурскихъ поколѣній.

время же опасности разсылались приказанія въ подвластныхъ (императору) земляхъ и посланники къ боцзилэ о собраніи войска; оружіе и провіантъ, какъ для пѣхоты, такъ и конницы, были приготовляемы ими прежде. Старшины племенъ (бу) назывались бэцзилэ, начальники же войска назывались, смотря по количеству отряда, мингань и мукунь. Первый былъ глава тысячи, а второй ста человѣкъ. Помощникъ мукуня назывался фулэхунь, а помощники солдата фу-цзунъ (вѣроятно тоже, что нынѣ кутулэ, потому что и простой солдатъ могъ представляться не иначе, какъ рыцаремъ, который имѣлъ своего оруженосца), илхи (второй). Сначала не было опредѣленнаго количества душъ для поколѣнія (бу-цзу). Только Тайцзу Агуда, на второй годъ вступленія на престолъ, приказалъ, чтобъ 300 домовъ (ху) составляли одинъ мукунь, а 10 мукуней одну мингань (тысячу). Когда, въ слѣдъ за тѣмъ, стали ему передаваться различные роды, то онъ раздавалъ титла мингань и мукунь ихъ старшинамъ, а подвластныхъ ихъ причислялъ къ войску. Когда же, по присоединеніи народовъ (минь), живущихъ по рѣкамъ Лалинь и Я-шуй, и народовъ Тѣ-ли и Байгэ, покорена была и Восточная столица (Ляо-янъ или южная Маньчжурія), то у него, съ одной стороны, очутились въ арміи покорившіяся войска изъ Киданей и Китайцевъ, съ другой—записанные въ списки солдаты изъ Чжурчженей и здоровые люди изъ инородцевъ (бу-цзу). Въ это время, хотя Киданямъ и Китайцамъ и раздавались титла минганей и мукуней, но количество подвластныхъ не было опредѣлено. Наконецъ, Укимай, послѣ покоренія (въ 1124 г.) Пинъ-чжоу, отмѣнилъ обычай ставить покорившихся на военную ногу и поставилъ надъ ними чиновниковъ съ китайскими наименованіями. Въ 1127 г., во время похода противъ Сунской династіи, командированные солдаты и народъ изъ восьми дорогъ, распредѣлены были на тем-

ничества (десятитысячничества, вань-ху); изъ нихъ въ нѣкоторыхъ находились исключительно только одни китайскія войска (Хань-цзюнь). При Си-цзунѣ, у Ляодунскихъ, Бохайскихъ и Киданьскихъ минганей и мукуней отнято было наслѣдственное право на эти званія и военная власть мало по малу стала переходить къ однимъ Маньчжурамъ, и въ томъ числѣ принцы считались первостепенными минганями и мукунями. Въ 1150 году (при Хайлинѣ), положено было по прежнему черезъ годъ производить наборъ (чжэнъ-фа) для замѣщенія устарѣвшихъ, больныхъ и умершихъ. Когда въ 1153 г. перенесена была столица въ Пекинъ, то переселены были туда и нѣкоторые мингани, мукуни и поколѣнія, принадлежавшія извѣстнымъ князьямъ и вельможамъ; сверхъ того, 8 минганей поселены въ Шаньдунѣ (за то одно поколѣніе переведено въ самый Шанъ-цзинъ, или бывшую столицу Маньчжуріи) Въ слѣдующемъ году всѣ старыя войска распредѣлены по провинціямъ и подчинены главнымъ правленіямъ (цзунъ-гуань-фу) и цзѣдуши, и имъ отведены земли, даны быки для занятія хлѣбопашествомъ. Въ 1161 году, когда назначенъ былъ походъ на югъ, командующіе тремя дорогами (арміями) названы ду-тунами (нынѣ шефы знамени). Въ это время Кидане, опасаясь, что если они всѣ уйдутъ въ походъ, то ихъ домашніе подвергнутся разбойническому нападенію сосѣдей[104], взбунтовались; когда же они были усмирены (при Шицзунѣ), то всѣхъ ихъ разсѣяли и расписали по минганямъ и мукунямъ. Въ 1172 г. китайскія войска, расположенныя въ пограничныхъ гарнизонахъ въ сѣверо-восточной и другихъ дорогахъ, переселены во внутреннія земли. Въ 1175 году отправлены были императоромъ по всему государству особые

---

[104] Изъ этого ясно видно, что и тогда уже на маньчжурскихъ границахъ не было спокойно.

вельможи для повѣрки минганей и мукуней; въ каждомъ мукунѣ позволялось быть не болѣе 300 семействъ и въ одномъ минганѣ считалось отъ 7 до 10 мукуней. Въ 1177 г., изъ опасенія, чтобы оставшіеся приверженцы Киданей въ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ пограничныхъ вѣдомствахъ (чжао-тао-сы) не произвели какого переворота или не отложились, велѣно было переселить ихъ на земли улусовъ Угули (Укура) и Шилэй[105] (Широй) и въ провинцію Верхней столицы. Въ это время границы въ Монголіи были оберегаемы поселенными гарнизонами, командируемыми временно; императоръ хотѣлъ завести здѣсь постоянныя войска, поселивъ бѣдныхъ солдатъ; но въ слѣдующемъ году нашли за лучшее предоставить *защищеніе границъ поколѣніямъ* (бу-цзу) и *чжа* (конечно, это была одна изъ причинъ успѣховъ Чингисхана). Въ 1184 г. одинъ минганъ Собинцевъ и два минганя Хулхасцевъ (въ 24 мукуня), отличившіеся храбростію, переселены въ урочище Шахурунь (?) въ Шанъ-цзинѣ, потому что хотѣли, чтобъ тамъ было какъ можно болѣе войска, для того, чтобъ имѣть на всякій случай помощь. По всему видно, что въ то время уже предчувствовано было, какимъ образомъ можетъ пасть династія, почему и старались поддержать воинскій духъ, давая князьямъ титла минганей, предписывая имъ учиться воинскому искусству; сдѣланы были богатыя запасы провіанта. Въ это время княжескихъ (цзунъ-ши) семействъ считалось 170, минганей 202, мукуней 1878 и въ нихъ 615,624 семействъ[106]. Въ двухъ улусахъ (бу-цзу) Дилэ и Тангу, принадлежавшихъ къ сѣверо восточной дорогѣ,

---

[105] Первое имя мы видѣли выше между инородческими племенами, второе же тамъ не было упомянуто.

[106] 6,158,636 душъ; между ними 1,345,967 рабовъ; они владѣли 1,690,380 цзиновъ земли.

считалось 5 чжа съ 5585 семействами[107]; въ соразмѣрности съ этимъ были и другіе улусы, каковы. Чжули, Улугу (или Угу, Ургу), Широй, Мынгу (Мэнгу), Цилу, Ботэбэнь или Будибу (бутабу-бутха «въ сѣть ловить рыбу»[108]). Въ сѣверо-западной и юго-западной дорогахъ было 9 корпусовъ *чжа:* Сумодянь, Ѣладу, Гудянь, Тангу, Сяма, Мудянь, Мынгу, Мао и Худунь[109]. Эти роды (вѣроятно, поколѣнія) занимали дороги: Хай-лань, Фу-юй, Босо, Сюэпинь, Хулха и Илань, которыя всѣ причислялись къ провинціи Верхней столицы, находясь на ея границѣ, и въ нихъ поставлены были всѣ главныя управленія (цзунъ-гуань-фу) или цзѣдуши[110]. Въ послѣднее время династіи, она стала давать военно-ученые титулы по экзамену.

Кромѣ этого общаго обзора, мы находимъ еще упоминаніе и о другихъ войскахъ (цзюнь): 1) войско Бохайское, состоявшее изъ 8 минганей; 2) войско Си изъ 9 минганей, оно въ послѣдствіи переселено было въ Хэдунъ; 3) китайское войско (Хань-цзюнь) имѣло различныя названія, смотря по своему назначенію: одно (юнъ-гу-цзюнь) было помѣщено въ Пекинѣ, другое пограничное (чжэнь-фанъ-цзюнь), избиралось изъ всѣхъ войскъ для очередной защиты границъ; на сѣверо-западныя границы нѣкоторыя войска командировались для за-

---

107 Не забудемъ, что инородческіе улусы всегда ускользаютъ отъ оффиціальнаго счета, и число ихъ обыкновенно показывается меньше; и нынѣ въ Монголіи въ иномъ хошуни считается не болѣе полуроты, тогда какъ истинное народонаселеніе далеко превышаетъ его; въ 5585 семействахъ считалось 137,540 душъ, изъ нихъ 18,081 рабовъ; земли было 46,024 цина.

108 Слѣдовательно, они принадлежали къ сѣверо восточной дорогѣ.

109 Такъ какъ между этими Чжа встрѣчаются названія общія съ вышепоказанными улусами, которыхъ они составляли часть, то можно думать, что они были переселены сюда.

110 Очевидно, что въ этомъ темномъ выраженіи текста заключается тотъ смыслъ, что всѣ эти поколѣнія, управляясь своими начальниками, по общепринятому обычаю раздѣлены были номинально на дороги.

нятія гарнизоновъ и колоній, нужныхъ для ихъ прокормленія; впрочемъ, были и постоянныя колоніи. Въ Тайчжоу (на монгольской границѣ, см. выше) было особое войско, названное «освобожденнымъ» (цюй-цзюнь); при началѣ династіи оно составлено было изъ освобожденныхъ отъ Киданей рабовъ, которые и поселены въ Тайчжоу колоніями; пограничныя войска въ самомъ Китаѣ также носили другія названія, равно какъ и въ столицѣ. Китайскія войска набирались изъ народа, смотря по надобности, и по минованіи нужды иногда отпускались; всего пограничныхъ округовъ (чжоу) считалось 38[111].

Все это относится къ тому времени, когда династія была еще въ силѣ; когда же, при Сюань-цзунѣ, дворъ удалился на югъ (т. е. въ Кайфынъ-фу) и войска Чжа-цзюнь разсѣялись, то всѣ мингани съ стариками и молодыми уведены были на югъ и имъ недоставало ни оружія, ни провіанта. Сначала туда перешло до 300,000 войска, но въ послѣдствіи изъ 25 человѣкъ стали дѣлать мукунь и изъ четырехъ мукуней мингань. Равнымъ образомъ, по общепринятому обычаю, потерянныя области и провинціи остались на бумагѣ, и оставшимся за династіей землямъ, не имѣвшимъ округовъ, даны титла прежнихъ городовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, можно себѣ представить, какія были притѣсненія при наборѣ солдатъ изъ простолюдиновъ, когда уполномоченные, посланные для этого, не вникали въ положеніе семействъ; когда въ одномъ было нѣсколько способныхъ носить оружіе, то ихъ забирали всѣхъ; видали изъ нихъ и 60-лѣтнихъ стариковъ, которымъ давали армейскіе чины. Все это, разумѣется, мало приносило пользы.

---

111 Изъ нихъ въ Монголіи, начиная отъ царства Ся Дунъ-шэнъ-чжоу, Цзинъ-чжоу, Цинь-чжоу, Ланьюань, Хуань-чжоу, Хаилань, Босо, Фуюй, Сюэ-нинь и Хулха Здѣсь перебитъ порядокъ

Особенность устройства войска, хотя и въ этомъ случаѣ въ послѣдствіи рѣзко выказалось вліяніе китайской организаціи, составляетъ едва ли не исключительное отличіе династіи отъ обыкновеннаго устройства китайскаго государства. Бѣдная историческимъ развитіемъ народа, вдругъ соединеннаго въ одно владѣніе, не имѣя никакого самостоятельнаго образованія, Цзиньская династія, конечно, во всемъ должна была сообразоваться съ своими предшественниками и современниками, и если она ввела кое-какія перемѣны, то это вовсе не значитъ, чтобъ они принадлежали произведенію чисто-маньчжурскаго генія; напротивъ, такъ точно поступило бы и всякое другое государство, которое всегда хочетъ отличить себя какими нибудь особенностями, относящимися болѣе къ формѣ. Сверхъ того, въ устройствѣ государства, въ постановленіи церемоній, въ финансахъ и т. п., Маньчжуры, какъ нынѣшніе, такъ и тогдашніе, равно какъ и Монголы Чингисхана, отдались совершенно въ руки китайскихъ ученыхъ, которые за нихъ обдумывали какъ главный планъ, такъ и частности выполненія; а эти ученые находили источникъ для перемѣнъ или въ опытахъ, представляемыхъ китайской исторіей, или въ обращеніи къ своимъ классическимъ книгамъ, въ которыхъ всегда отыскивались спорные пункты. Это-то и составляетъ матеріялъ для устройства организаціи новаго государства.

Маньчжуры, въ своей землѣ, знали немного чиновъ, и всѣ они были скорѣе военные, чѣмъ гражданскіе. Высшіе чины, которые намъ извѣстны, это бэцзилэ или бэйлэ, съ различными эпитетами впереди, какъ то: да (амбань) бэйлэ; это были, какъ мы видимъ, титулы, носимые Агудой и Укимаемъ, до вступленія на престолъ. За тѣмъ слѣдовали гурунь ухэри бэйлэ, гурунь бэйлэ: это былъ родъ визирей (цзайсяновъ). За ними слѣдовали: йѣнши ухэри, илаци, айманъ-

асхань, вэнь и дэту-бэйлэ, которые давались князьямъ и отличившимся подвигами вельможамъ. Но со времени Си-цзуна все это оставлено, и старыя названія чиновъ остались только въ пограничныхъ крѣпостяхъ. Тамъ были: ту-ли (туру, комитетъ дѣлаетъ тури «горохъ»), улугу; за ними слѣдовали: сао-инь (саочунь), тодо (туйда, начальникъ знамени), сяньгунь; ниже ихъ были: маху (мицзихэ), синикунь (шинэхунъ); эти названія, какъ видно, были заимствованы отъ Киданей. Перемѣны въ названіяхъ дѣлались уже и прежде по частямъ; наконецъ, при Сицзунѣ, издано цѣлое уложеніе о чинахъ и присутственныхъ мѣстахъ, въ которомъ соображались главнымъ образомъ съ положеніями Киданьскаго и Сунскаго двора. Съ того времени являются названія сената (шанъ-шушэнъ), министерства, департамента (юань), приказа, правленія, экспедицій, суда, управы, конторы, палаты и отдѣленія. Равнымъ образомъ являются разнообразныя названія въ чинахъ и должностяхъ; число чиновъ было очень значительно при Цзиньской династіи; въ 1188 году всѣхъ чиновъ считалось 19,700, а въ 1207 г. число это возрасло до 47,000 слишкомъ Чины раздѣлялись на классы.

Главнымъ средоточіемъ правленія всего государства, сенатомъ, совѣтомъ или канцлерствомъ, какъ угодно назовите, былъ шанъ-шу-шэнъ, въ немъ первое управляющее лице былъ шань-шу-линъ. Ниже его были уже лѣвый и правый визири: чэнъ-сянъ; наравнѣ съ ними были два директора: пинъ-чжанъ чженъ-ши; два правителя, лѣвый и правый, и помощники визирей. Это были высшіе титулы въ государствѣ, принадлежавшіе къ первымъ двумъ классамъ. За тѣмъ слѣдовали шесть министерствъ, которыя сначала были сосредоточены въ двухъ экспедиціяхъ (цзо-ю-сы) и отдѣлены только въ 1140 г. Названія министерствъ и главныхъ въ нихъ чиновъ были общія всему Китаю, какъ прежде, такъ и послѣ. Это министерства чи-

новъ, финансовъ, церемоній, военное, работъ и уголовное. Составъ ихъ: шанъ-шу, шиланъ, ланьчжунъ и юань-вай-ланъ.

Военный совѣтъ (ду-юань-шуай-фу или шу-ми-юань) назначался собственно временно, когда наступала война, и по окончаніи ея закрывался. Въ немъ предсѣдательствовалъ главнокомандующій (ду-юань-шуай), два помощника (лѣвый и правый, фу-юань-шуай), два инспектора (цзянь-цзюнь), два пристава (ду-цзянь) и проч. Въ послѣдствіи, когда названіе военнаго совѣта изъ ду-юань-шуай измѣнено въ шуми-юань, измѣнены и самые чины въ шуми-ши, шуми-фу-ши и проч. Были еще: княжеское правленіе (да-цзунъ-чженъ-фу), цензорскій, прокурорскій приказъ (юй-ши-тай), департаменты государственной исторіи (гоши-юань), хань-линь-юань, называемый китайской академіей, жертвенный приказъ (тай-чанъ-сы) и другія различныя присутственныя мѣста, которыя болѣе или менѣе измѣнялись при различныхъ династіяхъ только въ названіяхъ, а лишь изрѣдка по объему ихъ власти или важности, придаваемой имъ.

Штатъ императрицы (потому что всѣ прочія наложницы представляются не иначе, какъ ея чиновницами) состоялъ изъ пяти фэй перваго класса, которыя носили титулы «главной, дорогой (гуй-фэй), чистой, добродѣтельной и праведной»; 9 наложницъ (пинь) второй степени, каждая съ особеннымъ названіемъ; 27 дамъ слѣдующихъ трехъ степеней и 81 фрейлина (послѣднихъ трехъ степеней). У всѣхъ этихъ женъ императорскихъ, какъ водится, былъ свой штатъ. За тѣмъ слѣдуетъ штатъ восточнаго дворца (дунъ-гунъ), т. е. наслѣдника престола, дворцы цинь-вановъ, и такъ далѣе.

Въ столицѣ Пекинской главнымъ правителемъ былъ фуинь; въ другихъ столицахъ правители назывались лю-шоу, ниже которыхъ былъ уже фуинь; въ иныхъ провинціяхъ генералъ-губернаторы назывались ду-цзунъ-гуань; ему при-

давались помощники (тунъ-чжи); департаменты управлялись фуинями. Пограничныя вѣдомства назывались *цзьчжень*, управлявшіяся цзѣдуши, завѣдывавшими всѣми войсками и лошадьми; имъ подчинялись и гражданскіе чиновники. Ниже этихъ вѣдомствъ были сторожевые округи (фанъ-юй-чжоу), начальники которыхъ назывались фанъюй-ши, съ помощниками. Самостоятельныя области, т. е. ниже департаментовъ *фу*, назывались цы-ши-чжоу, а правители ихъ просто цы-ши. Столичные уѣзды назывались красными (чисянь), а правители уѣздовъ назывались *линъ*. Казенныя палаты, завѣдывавшія сборомъ податей, суммами, мѣрами и вѣсами провіантовъ назывались *ду-чжу-ань-юнь-сы*. Сверхъ того, въ Шанъдунѣ было главное соляное управленіе и управленіе для перевозки провіанта (цао-юань-сы). Кромѣ того, было множество другихъ управленій, сообразно съ потребностями края.

Замѣтимъ одну прекрасную черту Цзиньскаго управленія: принцы крови очень часто занимаютъ государственныя должности; послѣ Агуды всѣ государи, до вступленія на престолъ, занимали различные посты, равняясь въ должностяхъ.

Самое большое народонаселеніе при Цзиньской династіи было въ 1207 году; тогда считалось 7,684,438 семействъ съ 45,816,079 душами. Подати собирались съ обработываемой земли хлѣбомъ, и около 1162 г., изъ доклада государственнаго совѣта видно, что по всей имперіи въ магазинахъ находилось 20,790,000 слишкомъ мѣшковъ; вообще же годовой сборъ простирался до 9 милліоновъ, изъ которыхъ не добиралось около одного милліона, по случаю различныхъ бѣдствій, за тѣмъ 7 милліоновъ вступало въ расходъ, а одинъ милліонъ былъ въ остаткѣ. Кромѣ того собирали денежные сборы съ богатствъ, какъ-то жилищъ, людей и т. п. Это называлось *ули*, и поступало въ замѣнъ повинностей; отъ этого налога не избавлялся никто. Съ мань-

чжурскихъ семействъ собиралась вмѣсто того подать хлѣбомъ съ сохи или съ быка. Этотъ хлѣбъ поступалъ въ запасные магазины, которые долженъ былъ имѣть каждый мукунь.

Изъ косвенныхъ налоговъ, какъ и всегда въ Китаѣ, главнѣйшимъ былъ доходъ съ соли; въ 1092 г. онъ простирался до 17,774,512 связокъ мѣдной монеты. За тѣмъ слѣдуютъ налоги винные: они простирались только до 450,000; налоги съ уксусу, постановленные въ 1162 г., то возобновлялись, то снимались. Чай не родился въ Цзиньскихъ владѣніяхъ въ Китаѣ, но употребленіе его было уже распространено въ то время; по докладу въ 1222 г., въ Хэнани и Шаньси 50 цзюней выпивали каждый день по 20 мѣшковъ чаю, и каждый мѣшокъ въ одинъ фунтъ вѣсу, стоилъ 2 ланы серебра, что̀ въ то время составляло большую цѣну. Правительству казалось это большимъ ущербомъ для государства, потому что чай вымѣнивался на шелкъ (который нынѣ въ изобиліи въ южномъ Китаѣ), и потому принимали всевозможныя мѣры къ удержанію народа отъ этого безполезнаго напитка. Оно открывало казенные чайные дома, не позволяя варить другимъ, позволяло пить только извѣстнаго класса чиновникамъ; наконецъ, облагало податью въ 300 и 600 чоховъ каждый мѣшокъ; но все это нисколько не помогало, и напротивъ, усиливало контрабанду.

Мы приведемъ здѣсь слова Цзиньской исторіи:

Тайцзу Агуда сократилъ подати, установленныя Киданьскимъ правительствомъ. При Укимаѣ и Хайлинъ-ванѣ, съ развитіемъ потребностей и для осуществленія различныхъ предначертаній, чиновники обращали все главное вниманіе на финансовыя учрежденія, которыя не забывались и при Шицзунѣ и далѣе. Всѣ они относятся къ тремъ главнымъ разрядамъ: податямъ, монетамъ и ассигнаціямъ. Къ податямъ, кромѣ сбора съ казенныхъ и частныхъ полей, относились сборы съ огоро-

довъ, жилищъ, магазиновъ, лошадей, коровъ, овецъ, фабрикъ или плантацій и съ богатства (доходовъ?). Эти сборы назывались *ули*; отъ него не избавлялись ни князья, ни вельможи. Отправляемый въ иностранное государство посланникъ, по возвращеніи, также непремѣнно вносилъ ули, потому что онъ получалъ тамъ подарки. Кромѣ того, были налоги для почты, военныхъ издержекъ, рѣчныхъ работъ и проч.; всего нельзя въ подробности перечислить. Семейства, въ отношеніи къ податямъ, имѣли различныя названія: повинныя, неповинныя, казенныя, рабскія, двойныя и проч. У правительства было намѣреніе доставить удобство народу и себѣ, между тѣмъ какъ не было ни того, ни другаго. Но самое главное злоупотребленіе заключалось въ мѣдной монетѣ и ассигнаціяхъ; сначала довольствовались Киданьской и Сунской старой монетой, и даже монета, отлитая Лю-юй'емъ, была въ ходу. При Хайлинъ-ванѣ, въ первый разъ начали отливать монету и потому запретили въ народѣ употребленіе мѣди и даже мѣдные сосуды продавались отъ казны; во всѣ мѣста, откуда добывалась мѣдь, посланы для надзора чиновники. Въ послѣдствіи позволили народу выработывать мѣдь, но съ пошлиной; что же касается до отливаемой монеты, то сначала, опасаясь какъ бы монеты не накопилось много въ казнѣ, постановили за правило, чтобы она переходила въ народъ; потомъ, боясь, что народъ припрятываетъ деньги, назначили срокъ, въ который можно держать при себѣ монету, подвергая за нарушеніе строгому наказанію. Между тѣмъ, въ народѣ стали лить частную монету, отъ чего вышло большое отягощеніе, такъ что казна стала мѣнять 1000 монетъ на 500; потомъ она начала отливать большую монету ниже внутренней цѣнности, хотя и это не принесло пользы; выпустили еще желѣзную монету; когда же оказалось, что ее нельзя употреблять, стали выпускать ассигнаціи; отъ этого цѣны на предметы весь-

ма поднялись; мѣсто ассигнацій заступило серебро; но и серебро произвело злоупотребленіе, а за недостаткомъ другихъ источниковъ, уничтожили совсѣмъ мѣдную монету и ввели въ употребленіе однѣ ассигнаціи и серебро. Чиновники находили выгоду въ выпускѣ крупныхъ ассигнацій, а народъ хотѣлъ мелкихъ. Опасаясь, что народъ станетъ употреблять серебро, а не ассигнаціи, приказано вносить въ казну ассигнаціями. Ассигнаціи часто перемѣняли свои названія. Вообще говоря, ни въ какое время государственная казна не находилась въ такомъ затрудненіи, какъ при Цзиньской династіи. Правительство имѣло въ виду облегченіе народа, а вмѣсто того, еще болѣе отяготило его; на него пало обвиненіе въ томъ, что оно запасаетъ, между тѣмъ какъ оно вовсе не было богато.

VII.

Паденіе Цзиньской династіи.

Изъ представленнаго очерка дѣйствительныхъ границъ Цзиньской династіи, мы видѣли, какъ недалеко простирались ея владѣнія въ Монголіи. Поэтому, въ остальной огромной части этой страны, легко могъ образоваться страшный непріятель, котораго она и не предвидѣла, не смотря на то, что собственный примѣръ ея возвышенія могъ бы навести ее преспокойно на мысль о возможности опасности. По той же самой причинѣ, напрасно будемъ мы отыскивать въ китайскихъ источникахъ подробныхъ извѣстій о странахъ, которыя были до столкновенія съ Цзиньской имперіей первымъ, уже обширнымъ поприщемъ Чингисхана. Древняя исторія сѣверо-западной Монголіи намъ гораздо знакомѣе, чѣмъ со вре-

менъ X-го вѣка до этого завоевателя, даже можно сказать, чѣмъ при немъ и его преемникахъ. Не говоря уже о періодѣ Хунновъ, мы видимъ, что съ IV вѣка сѣверный Китай находился почти до времени Танской династіи подъ одной державой, которая господствовала надъ южной Монголіей и постоянно была въ сношеніяхъ съ сѣверной. Затѣмъ, съ началомъ Танской династіи, умѣвшей ласками привлечь къ себѣ сѣверныхъ, сѣверо-восточныхъ и сѣверо-западныхъ инородцевъ и удержать надъ ними вліяніе, исторія, хотя записывала только одни представленія дани ко двору изъ различныхъ странъ, но все таки мы можемъ слѣдить чрезъ эти упоминанія за существованіемъ и продолженіемъ существованія націй, можемъ составить хоть нѣкоторое понятіе о внутреннихъ перемѣнахъ. Но съ паденіемъ Танской династіи и съ тѣмъ вмѣстѣ съ разрушеніемъ обычныхъ отношеній Китая съ окружавшими его странами, исторія представляетъ невольный пропускъ и вычеркиваетъ изъ своихъ страницъ карту сѣверо-западной Монголіи. Мы видимъ, что съ одной стороны загородило ее отъ китайскаго пера царство Ся, съ другой царство Киданей, смѣненное Цзиньцами. Сунскіе ученые, которые одни могли бы передать, какъ представители истиннаго китайскаго образованія, которое не чуждается собирать свѣдѣнія объ иностранцахъ, не могли проникнуть за эту мѣстную преграду, а киданьскіе и чжурчженьскіе писатели или не считали это дѣломъ важности, или ихъ сочиненія были утрачены во время смутъ, сопровождавшихъ паденіе этихъ царствъ, или, наконецъ, монгольскіе ученые, которымъ суждено было сдѣлаться бытописателями своихъ предшественниковъ, исключили изъ круга дѣйствитедьныхъ владѣній всякія другія свѣдѣнія, по той ли мысли, чтобъ скрыть начало собственной династіи, или, можетъ быть, не почитая нужнымъ говорить объ этомъ, какъ неумѣстномъ предметѣ,

предоставляя его собственной исторіи. Къ несчастію, эта послѣдняя исторія составлена была съ удивительной поспѣшностью ихъ преемниками, и изъ нея ускользнуло особенно все то, что̀ не касается собственно Китая. Монголы не могли быть чужды желанію передать свѣту собственную свою исторію, покрытую славой, до которой не достигалъ ни одинъ завоевательный народъ ни въ древнія, ни въ новыя времена. На отдаленномъ западѣ, который въ первый и единственный разъ пришелъ въ столкновеніе съ востокомъ и былъ соединенъ на нѣкоторое время подъ одной державой, родившейся въ юртахъ, раскидываемыхъ на берегахъ Онона и Селенги, въ Персіи, которая управлялась потомками Чингисхана, составлена была исторія Монголовъ знаменитымъ Рашидъ-Эддиномъ. Хотя этотъ писатель не избѣжалъ сбивчивости, потому что писалъ о странахъ и народахъ, которые были до того неизвѣстны на его родинѣ, все таки его исторія можетъ служить большимъ пособіемъ для дополненія недостаточности свѣдѣній, прерывающихся у китайскихъ писателей. По крайней мѣрѣ, онъ представляетъ намъ довольно подробную картину всѣхъ племенъ, населявшихъ около времени появленія Чингисхана сѣверо-западную Монголію и нынѣшнюю Сибирь: именно тѣ мѣста, которыя ускользнули отъ географіи Цзиньской династіи. Конечно, при большей отчетливости составленія Юаньской исторіи, мы не нуждались бы въ авторитетѣ Рашидъ-Эддина и не стали бы прибѣгать къ персидскому автору для изученія странъ, описаніе которыхъ всегда было дѣломъ китайскихъ ученыхъ. Да и теперь еще ученые издатели Рашидъ-Эддина не могутъ ничего сдѣлать для поясненія его сочиненія, если не прибѣгнутъ къ китайской исторіи; только съ помощію ея можно возстановить собственныя имена поколѣній, лицъ и земель, которыя еще болѣе, чѣмъ на китайскомъ языкѣ, уродуются въ мусульманской письменности отъ

недостаточности ея алфавита или отъ пропуска или ошибки въ пунктуаціи, которою варируется азбука. Только взаимное сличеніе имѣющихся на двухъ языкахъ свѣдѣній и пополненіе однихъ другими можетъ достаточно объяснить темный періодъ, въ который зародился плодущій будущностью вѣкъ Чингисхана.

Мы говорили уже, что съ X-го столѣтія сѣверо-западъ Монголіи ускользнулъ отъ вліянія сильныхъ послѣ того въ Китаѣ династій. Очевидно, что это не препятствовало народамъ, тамъ жившимъ, продолжать обычную имъ методу внутреннихъ раздоровъ и образованія независимыхъ владѣній, которыя могли дробиться и перемѣняться постоянно. Мы видѣли уже въ началѣ, при обозрѣніи границъ Киданьской династіи, что тамъ жили многія племена. Теперь исчезаетъ ихъ названіе, но это вовсе не значитъ, чтобы тѣ народы не существовали. измѣнились только властители поколѣній, которые и дали имена осиленнымъ ими. Такъ точно въ Китаѣ, династія, перемѣняющая названіе страны, вовсе не перемѣняетъ народа и даже, говоря вообще, прежняго состава государства. Нѣтъ сомнѣнія, что во все время отъ X-го вѣка до XIII-го столѣтія, всѣ эти земли ни разу не соединялись подъ одну власть, исключая развѣ темнаго и кратковременнаго владычества западныхъ Киданей (Си-ляо), которыхъ главное господство было, кажется, только въ Туркестанѣ. Даже изъ событій, которыя совершались еще во время слабости Чингисхана, видно, что поколѣнія не только враждовали между собою, но и составляли союзы для противодѣйствія опаснымъ врагамъ (Чжамхакъ) Это лучше всего показываетъ, что нечего и надѣяться встрѣтить въ поколѣніяхъ этого времени старыя названія, сообщаемыя китайскою исторіей, потому что перевѣсъ одного племени означался всего болѣе затмѣніемъ прежняго названія и появленіемъ новаго. Притомъ, нѣтъ обя-

занности думать, что Китайцы передали намъ именно тѣ названія, которыя носили самыя племена. Нѣтъ сомнѣнія, что инородческія племена, которыя мы видѣли выше расположенными вдоль границъ Цзиньской династіи, начиная съ Дайтунъ-фу до Маньчжуріи, имѣли сродство съ дальнѣйшими обитателями пустынь Монголіи. Такъ какъ они первые сдѣлались добычей Чингисхана, то очевидно, что въ біографіяхъ его сподвижниковъ мы встрѣтили бы хоть кого нибудь изъ происходящихъ отсюда; а между тѣмъ, ни у Рашидъ-Эддина, ни въ Юаньской исторіи на китайскомъ языкѣ, не встрѣчаемъ никакого напоминанія (если только Дилэ не есть Дарлиганъ, и Цзилу — Кэрэ). Было бы долго распространяться въ изслѣдованіяхъ о происхожденіи племенъ и поколѣній, которыя выступаютъ на историческое поприще со временъ Чингисхана; но мы позволяемъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе касательно того языка, которымъ говорили въ то время въ Монголіи. Западные авторы толкуютъ много о различіи Турокъ отъ Монголовъ; китайскіе источники ясно указываютъ на маньчжурское происхожденіе Татаръ[112]. Но изъ этого еще далеко отъ вывода, чтобы во время Чингисхана и послѣ его на всемъ почти пространствѣ нынѣшней Монголіи говорили различными этими языками, потому что происхожденіе рода или поколѣнія относится только къ происхожденію управлявшей имъ фамиліи. Когда одинъ народъ пріобрѣталъ перевѣсъ надъ другимъ, то очевидно, что надъ родами послѣдняго старались поставить родственниковъ или знаменитыхъ лицъ изъ числа завоевателей, и имена этихъ старшинъ были поводомъ къ перемѣнѣ названія всего поколѣнія. Такимъ образомъ, показанія Рашидъ-Эддина, у котораго большая часть названій

112 Сверхъ того, Кидане и Кумохи говорили особенными языками, т. е. принадлежали къ другимъ племенамъ

произведена отъ собственныхъ именъ, довольно вѣроятно Но старшина или нѣсколько лицъ не могли такъ же легко измѣнить и языка у побѣжденныхъ народовъ: онъ зависѣлъ отъ мѣстностей и численности побѣжденныхъ и побѣдителей. Мы видимъ, что между тремя главными народами, поселившимися въ Средней Азіи, начиная отъ Восточнаго океана до Каспійскаго моря, встрѣчаются и нынѣ сходныя названія въ поколѣніяхъ и родахъ, говорящихъ однакожъ различными языками. Что же это значитъ, какъ не то, что народы, колыхаясь на этомъ огромномъ пространствѣ, подобно волнамъ моря, оставили повсюду слѣды своего появленія. Если бы монгольскій языкъ появился только съ народомъ, въ главѣ котораго сталъ Чингисханъ въ самомъ началѣ, то возможно ли было бы допустить, чтобъ этотъ языкъ могъ сдѣлаться общимъ для племенъ, кочевавшихъ отъ Боиръ-нора до Иртыша, отъ береговъ Байкала до Великой стѣны? Уже во времена династій Ляо и Цзинь, мы встрѣчаемъ въ исторіи множество словъ, принадлежащихъ нынѣшнему монгольскому языку; между тѣмъ, Цзиньская династія, какъ извѣстно, говорила маньчжурскимъ языкомъ. Въ названіяхъ поколѣній Наймань, Ойратъ, Тумэнь, Дэрбэтъ и проч., предшествовавшихъ великому завоевателю, не видимъ ли мы чисто монгольскія названія, такъ что скорѣе можемъ допустить, что самъ Чингисханъ не говорилъ языкомъ, который мы нынѣ называемъ монгольскимъ (такъ, напримѣръ, многія собственныя имена: Чингисъ, Угэдэй, Тэмучэнь, Мухури и другія, принадлежатъ къ неизвѣстному языку); но давъ имя и своимъ подданнымъ и ихъ языку, перемѣнилъ свой языкъ на языкъ большинства. Однимъ словомъ, мы полагаемъ, что огромныя пространства Средней Азіи издревле говорили языками близкими къ нынѣшнимъ, т. е. на востокѣ маньчжурскимъ, въ центрѣ монгольскимъ и на западѣ турецкимъ.

что и востоку и западу доставалось быть владѣтелемъ центра, равно какъ и этому удавалось господствовать надъ сопредѣльными пунктами; но это производило только нѣкоторые оттѣнки въ нарѣчіяхъ одного языка[113] и оставило слѣды въ общности конструкціи и сходствѣ множества наименованій Не забудемъ еще болѣе важнаго и замѣчательнаго факта исторія постоянно упоминаетъ о множествѣ китайскихъ выходцевъ и плѣнныхъ, увлеченныхъ во внутренность Монголіи во всѣ времена, начиная отъ нашествія Гунновъ до поселеній, заведенныхъ Киданями и продолжавшихся далѣе при всей династіи Юаньской, а между тѣмъ языкъ китайскій, при всемъ превосходствѣ этой націи надъ номадами, не могъ сдѣлаться господствующимъ. При всемъ преобладаніи одного племени надъ другимъ, при всѣхъ показаніяхъ исторіи, что такое-то поколѣніе было уничтожено другимъ, вовсе не надобно допускать, чтобъ главные обитатели извѣстной мѣстности составились изъ пришельцевъ и побѣдителей, и тѣмъ болѣе это относится къ языку[114] Если бы, напримѣръ, въ южную или юго-восточную Россію вторглись Монголы или Маньчжуры, то можно сказать навѣрное, что мы все таки имѣли бы тамъ дѣло съ нынѣшними Татарами, потому что племя и языкъ не такъ легко могутъ быть занесены въ степи между Ураломъ и Крымомъ съ береговъ Онона. Конечно, существованіе Калмыковъ въ нашей Астраханской губерніи служитъ опроверженіемъ этого; но удержались ли бы Калмыки безъ нашей поддержки посреди Тюркскихъ народовъ? это сомнительно. Итакъ, под-

---

[113] Языкъ Дахуровъ и Солоновъ составляетъ средину между монгольскимъ и маньчжурскимъ Калмыцкій такъ отличенъ по звукамъ (а не по корнямъ), что его не понимаютъ Монголы

[114] Кочевые народы знали цѣну народонаселенія и любили скорѣе порабощать другихъ для того, чтобъ имѣть работниковъ и богатства, чѣмъ убивать.

вержено сомнѣнію, говорили ли Киргизы, обитатели Сибири, тѣмъ же языкомъ, какъ и нынѣшніе Буруты, переселившіеся изъ Сибири на берега Тэмурту-нора. Уйгуры, жившіе на берегахъ Селенги, легко могли превратиться въ Турокъ, когда они заняли владѣнія Туркестана, точно такъ же Татане, выходцы Маньчжуріи, сдѣлались Монголами въ новой своей отчизнѣ Какъ бы то ни было, мы имѣемъ всѣ причины думать, что языкъ монгольскій существовалъ уже съ давняго времени, только не назывался этимъ именемъ.

Передъ выступленіемъ въ свѣтъ Чингисхана, или, лучше, до принятія имъ императорскаго титула, мы находимъ, что всѣ земли внѣ предѣловъ Цзиньской и Сяской династіи, были раздѣлены между различными поколѣніями, управляемыми старшинами и въ постоянной враждѣ между собою. Но между ними видны взаимные сеймы, власть надъ которыми переходила изъ рукъ въ руки. Ближайшій къ Цзиньскимъ владѣніямъ сеймъ былъ Кэрэ или Кэраитовъ, а на сѣверо-западъ отъ него Найманьскій, хотя часть Найманей и осталась, кажется, на востокѣ у озера Боиръ-нора, откуда они происходили Что Кэрэскій сеймъ огибалъ владѣнія Цзиньскія съ сѣвера и запада, видно изъ того, что Ванъ-ханъ, находившійся въ нѣкоторой вассальной зависимости отъ Китая, потому что получилъ этотъ титулъ вана отъ китайскаго правительства, убѣгаетъ, какъ нѣкогда и его дядя Чжуръ, во время несчастія, въ царство Ся: слѣдовательно, оно было на его границахъ. Сверхъ того, какъ самъ онъ въ другой разъ убѣжалъ къ Уйгурамъ, такъ и сынъ его Ильха бѣжитъ изъ Ся въ Кучэ: этимъ указывается, что Туркестанъ былъ подъ рукою. Что сеймъ Кэрэ или Кэраитовъ простирался на сѣверъ, видно изъ того, что Чингисханъ и отецъ его Эсукэй, кочевавшій на берегахъ Онона, находились подъ зависимостію Ванъ-хана; онъ, въ видѣ милости, жалуетъ Эсукэю, который

возвратилъ ему владѣніе, отнятое дядей Чжуромъ, титулъ аньды. Не смотря на подобныя же услуги Чингисхана, онъ почиталъ себя счастливымъ тѣмъ, что именуется его сыномъ, т. е. что признанъ вассаломъ Такимъ образомъ, можно понять, что вассальныя отношенія, по китайскимъ понятіямъ, были уже извѣстны въ монгольскихъ степяхъ. Съ другой стороны, изъ того, что взбунтовавшійся противъ Чжурчженей татарскій старшина (Могуцзинъ Сооритy), преслѣдуемый Вань-янъ-сяномъ, бѣжитъ на сѣверъ, а Чингисханъ идетъ ему на встрѣчу съ Онона[115], для содѣйствія Цзиньскому генералу, видны какъ границы номадовъ, такъ и отношенія ихъ къ Китаю. Упоминовеніе, что Чингисханъ, во время своей незначительности, пріѣзжалъ въ Цзинь-чжоу[116] для представленія дани, еще болѣе уясняетъ эти отношенія. И прежде, во времена Танской династіи, Китай не владѣлъ непосредственно заграничными странами, хотя по бумагамъ тутъ и были провинціи съ губернаторами, областными и уѣздными начальниками. Дѣло въ томъ, что цѣлый аймакъ или сеймъ, составившійся даже независимо отъ китайскаго правительства, получалъ названіе губерніи, а значительность старшинъ облекала ихъ въ болѣе высшія и низшія титла начальниковъ. Самое большое вліяніе Китая уже выражалось въ томъ, если оно опредѣляло своего пристава. Для народовъ ничего не значило такое подданство, потому что они управлялись внутри независимо и старшины ихъ, своими сношеніями со дворомъ, сохраняли вліяніе и на народъ. Что же имъ стоило принимать, и то иногда не предъ своими подчиненными, а для Китая, титулъ, которымъ хотѣлъ онъ, чтобъ они назывались.

---

115 Іакинѳа, «Исторія четырехъ хановъ», стр 13

116 См выше при описаніи географическихъ мѣстностей Цзиньской династіи.

Нельзя предполагать, чтобы и въ это время край былъ совершенно отдѣленъ и не имѣлъ никакихъ сношеній; одно то уже указаніе Цзиньской исторіи, что на сѣверо-западной границѣ были рынки, показываетъ, что инородцы посѣщали эти границы для торговли, необходимой для номадовъ, а это самое, знакомя ихъ съ величіемъ династіи, позволяло ей до нѣкоторой степени имѣть на нихъ вліяніе.

Что Найманьскій сеймъ находился за Кэраитскимъ къ западу и въ сосѣдствѣ съ нимъ, видно изъ того, что начальникъ его Діянъ-ханъ, находясь во враждѣ съ Ванъ-ханомъ, по умерщвленіи послѣдняго, вступаетъ во вражду съ Чингисханомъ, и приходитъ отъ Алтая къ Хангаю. Въ послѣдствіи, когда Чингисханъ принялъ титулъ императора, онъ преслѣдуетъ другаго Найманьскаго хана въ горахъ Улу-тагъ, а дѣтей Даянъ-хана до рѣки Иртыша Конечно, это только главное указаніе на тогдашнее положеніе Монголовъ· поколѣнія соединялись между собой только по необходимости или въ слѣдствіе угрожающей опасности извнѣ, или покоряясь вліянію сильнаго; но и въ это время роды приставали то къ той, то къ другой сторонѣ.

Къ какому поколѣнію принадлежалъ самъ Чингисханъ? По всѣмъ свѣдѣніямъ видно, что онъ жилъ въ сосѣдствѣ съ Тайчжутами (Тайчжугутами) и можно заключить, что онъ и самъ былъ Тайчжутъ[117]. Но и Тайчжуты, въ тоже время, являются представителями другихъ поколѣній, жившихъ въ сосѣдствѣ, каковы Хатагинь (или Хатачжинь), Сальчжигутъ, Дурбэнь, Татаръ и Хункиратъ. По смерти Эсукея, сказано, подвластные его стали передаваться Тайчжутамъ. Союзъ перечислен-

---

117 Сличи выше замѣчанія Цзиньской династіи о Тай-чжоу Если дѣйствительно производить отсюда имя Тайчжутовъ, то нѣтъ надобности въ послѣднихъ видѣть одно какое-нибудь поколѣніе.

ныхъ здѣсь поколѣній возстаетъ противъ соединенныхъ силъ Чингисхана и Ванъ-хана во время ихъ дружбы, а по разбитіи силъ ихъ образуется новый оплотъ изъ соединенныхъ поколѣній Дурбэнь, Ікилосъ, Хатачжинь, Хорлосъ, Татаръ и Сальчжутовъ, которые, соединясь на берегахъ р. Цзянь (т. е. Кэмъ или Енисей), избираютъ главой сейма Хункиратскаго Чжамхака[118]. Но Чингисханъ одерживаетъ новую побѣду, Хункираты[119] ему покоряются; и теперь можно допустить, что его владѣнія простираются уже отъ Онони до вершинъ Енисея. По Юаньской исторіи можемъ заключать, что Чингисханъ принадлежалъ къ племени или поколѣнію Монголовъ, которое уже существовало до него: но все удостовѣряетъ насъ согласиться съ китайскимъ писателемъ Мэнъ-хуномъ, современникомъ Чингисхана, который утвердительно говоритъ, что это имя сначала было неизвѣстно его подданнымъ и выдумано только во времена принятія имъ императорскаго титула, и что во всемъ этомъ участвовали киданьскіе перебѣжчики, которые внушили этому завоевателю китайскія понятія о названіяхъ царства, о годахъ правленія и т. п. По этимъ понятіямъ, когда кто принимаетъ императорскій титулъ, то онъ назначаетъ наименованіе и своей династіи. Тэмучэнь принимаетъ титулъ Чингисхана, что̀ соотвѣтствуетъ китайскому понятію о годахъ правленія, и даетъ своей державѣ имя Монголовъ. Китайскій писатель именно говоритъ, что послѣднее названіе выбрано было по воспоминанію о храбрыхъ Мынъву, которые, какъ мы видѣли выше, заставили Цзиньскій дворъ уступить себѣ часть земель и платить дань; онъ оспариваетъ тожде-

---

[118] Слово *Чжамхакъ* не то ли же самое что̀ встрѣченное нами въ инородческихъ поколѣніяхъ названіе *Чжамиха*, передѣлываемое комитетомъ въ *Чжасакъ*?

[119] Не то ли же, что выше Укуньшеньлу или Укури, названіе инородческихъ племенъ при Цзиньской династіи?

ство этихъ Мынъву съ новыми Монголами, что̀ совершенно справедливо[120]. Еслибъ эти Мынъву были соплеменники Чингисхана, то представила ли бы исторія этого завоевателя его и его отца въ такомъ ничтожномъ значеніи? Напротивъ, тотъ же писатель говоритъ, что онъ принадлежалъ къ поколѣнію Татаръ или Татань. Европейскимъ оріенталистамъ, давно знакомымъ съ этимъ именемъ, не знаю почему-то захотѣлось отдѣлить слово Татаръ отъ Татань. Первое, говорятъ они, было названіе одного только поколѣнія, которое было покорено Чингисханомъ (какъ мы видѣли и выше), второе было общее всѣмъ народамъ Монголіи. Но Мэнъ-хунъ пишетъ Татаръ также Татань, потому что китайскій языкъ всегда искажаетъ иностранныя названія; по его словамъ, татаньское поколѣніе раздѣлялось на три рода: черное, бѣлое и непокорное (Субутай принадлежитъ къ бѣлому). Въ Юаньской исторіи упоминается два рода Татаръ: Чахань (бѣлый) и Анги-Татаръ; послѣднее, вѣроятно, тоже самое, что и непокорное; но нигдѣ не упоминается о Черныхъ Татарахъ, и это покажется весьма естественнымъ, когда узнаемъ, что самъ Чингисханъ принадлежалъ къ этому поколѣнію, какъ говоритъ Мэнъ-хунъ, и потому что оффиціяльный языкъ вездѣ словомъ Монголъ замѣнилъ прежнее названіе поколѣнія. Да и возможно ли допустить, чтобы слово Татаръ, сдѣлавшись общимъ для названія и другихъ поколѣній, сперва покоренныхъ Чингисханомъ, потомъ выступившихъ подъ его знаменами, явилось какимъ-то уродливымъ искаженіемъ Татаній? Китайское слово Татань никогда не было исключительнымъ общимъ названіемъ

---

[120] Выше, при перечисленіи племенъ, мы два раза встрѣчаемъ названіе Мынву или Мынгу одно какъ тождественное съ Дилэ, другое какъ названіе одного рода Чжа-сянгунь Не забудемъ, что это перечисленіе могло относиться къ временамъ раньше Чингисхана, и имя Мынъву до него могло исчезнуть уже.

всѣхъ племенъ, жившихъ въ Монголіи. Это было названіе только одного племени, которое занесено было къ горамъ Иньшань изъ внутренностей Маньчжуріи, и потомъ, можетъ быть, оттѣснено далѣе на сѣверъ. Во время владычества Киданей, исторія застаетъ ихъ на сѣверо-западѣ отъ Дансяновъ, Тугухунцевъ и Тукюэ. При Цзиньской династіи, это имя неизвѣстно въ исторіи; потомъ снова возникаетъ при Чингисханѣ, какъ частное для нѣкоторыхъ поколѣній. Мы уже выше сказали, что происхожденіе изъ страны ничего не значитъ для языка: Татани, окружавшіе Шамо [121], для того, чтобъ приблизиться снова къ первобытной родинѣ, конечно, на этомъ пути не могли сохранить своей національности. Конечно, мы могли бы допустить, что Татары Чингисхана не дѣлали этого круга, и что они прямо перешли съ береговъ Амура на Ононь; но вотъ что̀ подкрѣпляетъ прежнее мнѣніе о ихъ круговомъ вращеніи· Мэнъ-хунъ причисляетъ ихъ къ Шатоскому поколѣнію, т. е. тогда какъ Татань должны бъ были двигаться, по своему имени, отъ востока на западъ, Мэнъ-хунъ ведетъ ихъ, напротивъ, съ запада на востокъ. Исторія говоритъ намъ, что Тукюэсцы, прозванные Шатосцами отъ степи Шато, находящейся на западъ отъ Баркюля, въ послѣдствіи (794 г.) были переведены Тибетцами (конечно, не всѣ) въ Ганьчжоу (въ Ганьсу); потомъ, убѣгая отъ Тибетцевъ, поддались китайскому правительству и были переведены на сѣверную сторону хребта Иньшань. Къ этому же времени исторія относитъ и появленіе въ этой мѣстности Татаней маньчжурскихъ. Въ IX-мъ вѣкѣ исторія не упоминаетъ уже, при концѣ Танской династіи, о Шатосцахъ въ этихъ мѣстахъ; напротивъ, при Киданьской династіи являются здѣсь Дадане. Слѣдовательно,

---

[121] См. Іакинѳа, «Исторія народовъ Средней Азіи». I, 453 и далѣе

очень легко допустить, что оба рода смѣшались другъ съ другомъ, и оттѣснены, натискомъ Киданей и Тангутовъ царства Ся, далѣе на сѣверъ. Впрочемъ, мы готовы и не настаивать на тождествѣ Даданей IX-го вѣка съ поколѣніемъ Татаръ, между которыми родился Чингисханъ; можетъ быть, между ними не было ничего и общаго, потому что по отдѣльнымъ и отрывистымъ указаніямъ можно составить только предположенія и теоріи, но отнюдь не добыть несомнѣнные факты. Слово Татаръ можно бы уже видѣть и въ Тѣдапяхъ, упоминаемыхъ у Ху-цяо. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ необходимости думать, что имя Татаръ или Татань было прежде Чингисхана общимъ для всѣхъ тогдашнихъ племенъ, которыя послѣ прозвались Монголами. Довольно того, что поколѣніе Татаръ при Чингисханѣ стало царственнымъ (какъ прежде Ойхоръ, Тукюэ и т. д.) и дало названіе для всѣхъ другихъ въ смыслѣ царства. Мэнъ-хунъ ясно говоритъ, что Татары даже не знали, откуда взялось названіе Монголовъ. Мухури, при свиданіи съ китайскими чиновниками, постоянно называлъ себя татарскимъ человѣкомъ. Слѣдовательно, названіе Монголъ, на первыхъ порахъ, было, можно сказать, чисто ученое или оффиціяльное, и такимъ образомъ, эти два названія (изъ которыхъ послѣднее переспило въ слѣдствіе той же оффиціяльности) ввели въ недоумѣніе не только европейскихъ ученыхъ, но и Рашидъ-Эддина и, можетъ быть, его современниковъ, которымъ показалось, что названію Монголъ должно или нужно было существовать съ давняго времени.

Впрочемъ, здѣсь не мѣсто вдаваться въ эти подробности. Чингисханъ, помощникъ Ванъ-хана[122], не упускаетъ очевид-

---

122 Съ перваго раза кажется немного страннымъ, какимъ образомъ Чингисханъ воюетъ съ Найманами и Мэркитами, которые жили на западъ; но когда мы представимъ его не болѣе какъ вассаломъ и генераломъ Ванъ-

но своихъ выгодъ; онъ имѣетъ уже своихъ полководцевъ Хотя поводомъ къ неудовольствіямъ на Ванъ-хана и выставляется, что этотъ не дѣлился съ нимъ въ добычѣ; но, конечно, Чингисханъ не имѣлъ бы и силы возстать противъ своего повелителя, еслибъ онъ только даромъ трудился. Даже въ послѣдствіи и самъ Чингисханъ не могъ вознаградить подвиги своихъ генераловъ ничѣмъ другимъ, какъ увеличивая собственно имъ принадлежащій удѣлъ (аймакъ); очевидно, что это не могло быть иначе въ сеймовомъ правленіи. При первомъ своемъ историческомъ появленіи, Чингисханъ постоянно является генераломъ Ванъ-хана; исторія не хотѣла сказать этого прямо и потому сдѣлала изъ него какого-то союзника. Только послѣ побѣды надъ Чжамхакомъ, въ 1202 году, онъ кажется, начинаетъ дѣйствовать и отъ себя, потому что исторія говоритъ прямо, что онъ послалъ войско напасть на Аньги-Татаръ и Чагань-Татаръ (жившихъ на р Улухуй Шиляньчжань). Тогда только онъ почувствовалъ свою силу: вступилъ въ борьбу съ прежнимъ своимъ повелителемъ и отнялъ у него, одно за другимъ, поколѣнія Чжуличжинь (Чжульгэнь[123]), Тунго (Дунга[124]), Холиши-лэ-мынь (Хорьширя-мынь) и Кирэй. Возвратившись для отдыха на озеро Дунго-норъ, онъ снова потомъ подался впередъ, и дошедъ до рѣки Баньчжуръ-голъ, принимая на пути передававшихся, разбилъ Ванъ-ханово войско при урочищѣ Харакчинь-Шату. Тогда Ванъ-ханъ долженъ былъ уже укрываться отъ Чингисхана, вмѣстѣ съ своимъ собственнымъ поколѣніемъ Кэрэ; но Чингисханъ обманомъ узналъ, гдѣ они скрываются, и по-

---

хана, который могъ его командировать куда угодно, то все это становится ясно.

[123] Не одно ли и тоже съ племенемъ *Чжу-ли* въ Цзиньской исторіи?

[124] Не *Тангу* ли въ той же исторіи?

колѣніе было покорено, а Ванъ-ханъ спасся бѣгствомъ и на дорогѣ былъ убитъ Найманьцами, а сынъ его бѣжалъ въ Кучэ.

Съ этого времени Чингисханъ, которому тогда было уже 50 лѣтъ, вдругъ переходитъ отъ завоеванія къ завоеванію. Успѣхи его внутри Монголіи неудивительны, потому что, съ одной стороны, онъ привыкъ къ сраженіямъ въ войнахъ, веденныхъ имъ вмѣстѣ съ Ванъ-ханомъ, а, съ другой, присоединившіяся къ нему поколѣнія не могли терять многаго, перемѣняя только главу аймака. Мы находимъ въ показаніяхъ, какъ китайскихъ, такъ и мусульманскихъ, что знаменитыя лица, его окружавшія и бывшія послѣ сподвижниками его потомковъ, принадлежали къ различнымъ поколѣніямъ, имъ завоеваннымъ, слѣдовательно, онъ давалъ просторъ всѣмъ дарованіямъ. Очевидно, что въ послѣдствіи и добыча дѣлилась по существовавшимъ обычаямъ. За то, хотя роды и стали переходить въ руки князей царствующаго дома, но народъ не терялъ отъ этого. Послѣ побѣды надъ Ванъ-ханомъ, оставался еще сильный врагъ въ лицѣ Даянъ-хана, предводителя Найманьскаго сейма. Онъ является въ главѣ Мэркэтовъ (Моричи), Кэрэ, Вэй-ла (Ойраты), Дурбэтовъ, Татаръ[125], Хатагинь и Саль-

---

125 Передъ этимъ сказано, что Даянъ-ханъ привлекаетъ къ себѣ Аруши, главу поколѣнія Бодалда (Iак, 31) Мнѣ кажется, что названіе поколѣнія Бодалда, которое хочетъ привлечь Даянъ-ханъ къ войнѣ съ Чингисомъ, составлено изъ двухъ словъ: *бо* «бѣлый» и *Далда* тоже, что Татаръ, такъ точно Юаньская исторія упоминаетъ въ Маньчжуріи о *Шуй далда* «водяныхъ Татарахъ», и такъ *Бодалда* значитъ Чагань-Татаръ Впрочемъ, въ этомъ же *Далда* еще скорѣе можно видѣть сродство съ древнимъ названіемъ народа *Ди ль*, и потому послѣдующее появленіе этого имени (Далда) въ Маньчжуріи не есть новость. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаемъ сличеніе: Цзиньская исторія говоритъ о Ди-лѣ-мынъву, а Юаньская о Шуи-Далда, если слово Далда тождественно съ Ди-лѣ по предположенію, то это тождество болѣе, чѣмъ вѣроятно въ словахъ Шуй и Мангу, первое есть китайскій переводъ мѣстнаго маньчжурскаго слова *Мангу* или *Мукэ* «вода» Народъ рѣчной *Мангу* намъ уже давно знакомъ по исторіи: это *Мохэ*.

чжутъ. Противъ четырехъ послѣднихъ поколѣній еще прежде Чингисханъ велъ войну вмѣстѣ съ Ванъ-ханомъ, и хотя сказано, что онъ ихъ разбилъ, но говорится, что покорены были только одни Хункираты. Прочія были покорены окончательно только теперь, по разбитіи Даянъ-хана, который прійдя отъ Алтая, расположился у Хангая, гдѣ и присоединились къ нему эти племена, можетъ быть, возставшія противъ Чингисхана. Затѣмъ онъ отправилъ двухъ полководцевъ для приведенія къ покорности Мэргэтовъ. Тогда въ Монголіи не стало для него соперниковъ, и потому онъ принимаетъ черезъ годъ, на берегахъ Онона, близъ урочища Дэлюнь-булдакъ, которое не измѣнило своего имени понынѣ[126], титулъ императора, даетъ своему народу названіе *Монголъ*, а годамъ правленія *Тянь-цы* «небомъ пожалованный»· таково, предполагаетъ Мэшъ-хунъ, значеніе слова Чингисъ. И въ самомъ дѣлѣ, если припомнимъ, что нынѣшніе Монголы, да и всѣ Европейцы, годы правленія принимаютъ за собственное имя царствующаго императора, то что̀ иное могло значить и *Чингисъ?* Мусульманскіе авторы, а можетъ быть и сами Монголы, не понимая настоящаго происхожденія и значенія, несвойственнаго понятіямъ всѣхъ другихъ народовъ, кромѣ употребляющихъ китайскую письменность, очевидно, должны были прибѣгать къ баснямъ для объясненія этого слова.

До сихъ поръ, въ исторіи, мы не видимъ еще Чингисхана въ столкновеніи съ Китайцами; но могло ли это быть на самомъ дѣлѣ? Уже самое руководство въ провозглашеніи себя

---

126 Г. Юренскій представилъ въ Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества извѣстіе объ отысканіи имъ, по указанію Банзарова урочища Дэлюнь-Булдакъ, родины Чингисхана Она находится въ 230 верстахъ отъ Нерчинска на правомъ берегу Онона, въ 8 верстахъ отъ китайской границы, въ 5 верстахъ отъ Кочуевскаго караула и въ 27 отъ Чиндантской крѣпости См. «Труды Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества». II, 154.

императоромъ, несомнѣнно принадлежитъ Китайцамъ, которые, очевидно, могли находиться между номадами, какъ торгаши, или захваченные въ плѣнъ, или, наконецъ, какъ перебѣжчики. О существованіи-то этихъ послѣднихъ положительно говоритъ Мэпъ-хунъ: то были Кидане, которые не могли простить Чжурчженямъ ихъ славы и собственнаго порабощенія. Кидане оказались ревностными совѣтниками Чингисхана въ дѣлѣ уничтоженія Цзиньской династіи; они же захватываютъ въ свои руки его корреспонденцію, въ которую вводятъ тонкости китайской политики, о которой сами Монголы и не заботились. Остальное покореніе Монголіи было уже болѣе легкимъ дѣломъ Чингисханъ, въ томъ же году, идетъ на Найманьскаго Боро-хана (вступившаго послѣ Даянъ-хана) и производитъ облаву у горы Улу тагъ. Сыновья Даянъ-хана бѣгутъ на Иртышъ. Въ слѣдующемъ году (1207) достаточно того, чтобы отправить посланника съ приглашеніемъ, и киргизскіе роды (Эдэй-нали и Алигіеръ) приносятъ въ дань соколовъ. Въ 1208 г., зимой, Чингисханъ идетъ противъ Кучума, сына Даянъ-ханова, и ему покоряются безъ боя Ойраты и проводятъ на рѣку Иртышъ, въ слѣдствіе чего племя Мэркитовъ было также уничтожено. Изъ этого мы можемъ судить и о географическомъ мѣстоположеніи, а именно, что Ойраты въ то время жили на мѣстахъ, въ которыхъ встрѣчаемъ ихъ и въ послѣдствіи, т. е. въ Цзюнгаріи, а Мэркиты, вѣроятно, около Кобдо и Улясутая. Теперь владѣнія Чингисхана простерлись вплоть до Туркестана, и мы видимъ, что Уйгуры, жившіе тамъ въ это время, ему покорились; самъ же царь ихъ (Идуху) является лично къ Чингисхану.

Мы не будемъ выходить изъ принятыхъ границъ и разсказывать о судьбѣ завоеваній Чингисхана и его преемниковъ на отдаленномъ западѣ онѣ слишкомъ извѣстны каждому и притомъ передаются съ большею подробностію мѣстными писа-

телями Птакъ, остается обратиться къ востоку нашей восточной половины, который былъ еще не тронутъ. Замѣтимъ, при этомъ, что тогда какъ Чингисханъ, при жизни своей, разрушилъ на отдаленномъ западѣ, куда ему все таки было труднѣе достигать, въ самое короткое время, столько царствъ, на востокѣ онъ успѣлъ только совсѣмъ уничтожить одно царство Ся, и то послѣ продолжительныхъ нападеній. Не доказываетъ ли это превосходства въ то время восточной организаціи передъ западною?

Еще прежде принятія императорскаго титула, Чингисханъ, послѣ разбитія Даянъ-хана, дѣлаетъ первое свое вторженіе въ предѣлы царства Ся (Си-ся), беретъ укрѣпленіе Лига-ли (Лаира), и пройдя городъ Лосы, грабитъ жителей, захватываетъ народъ и верблюдовъ, и возвращается назадъ. Хотя эти мѣстности пока не изслѣдованы; но понятно, что съ покореніемъ владѣній Ванъ-хана и Даянъ-хана, владѣнія Чингисхана распространились далеко на югъ и онъ пришелъ въ соприкосновеніе съ Сяскими владѣніями. Черезъ годъ послѣ того онъ беретъ въ томъ же царствѣ г. Олохой (Уйрака); далѣе онъ (1209 г.) нападаетъ на Хэ-си, т. е. западныя владѣнія царства Ся, и оттуда, разбивая полководцевъ тангутскаго государя, проходитъ до Чжунъ-синъ (Линъ-чжоу), мѣстопребываніе короля, и принуждаетъ его къ миру, взявъ царскую дочь. Только послѣ этого, т. е. послѣ ослабленія Сяскаго могущества, которое долго было оплотомъ Китая со стороны сѣверо-запада, Чингисханъ вступаетъ въ предѣлы Цзиньскаго царства. Но мы окончимъ здѣсь дальнѣйшія дѣла его съ царствомъ Ся. Монголы, занятые войной съ Цзиньцами, оставили на нѣкоторое время въ покоѣ царство Ся; но когда они покорили земли на сѣверъ отъ Хуанъ-хэ, проникли чрезъ Тунъ-гуань въ Шэньси, то существованіе Ся, съ трехъ сторонъ окруженнаго монгольскими владѣніями, было уже не-

умѣстно. Въ 1217 г. Монголы окружаютъ Синъ чжоу, вторую тангутскую столицу, и тогдашній король бѣжитъ въ Силянъ (т. е. Лянъ-чжоу). Однакоже Тангуты не предвидѣли своего близкаго конца, и освободившись отъ Монголовъ, хотѣли даже воспользоваться побѣдами ихъ надъ Цзиньцами, чтобы поживиться насчетъ послѣднихъ Для этого они даже вступили въ союзъ съ Сунскимъ дворомъ, но Цзиньцевъ могли разбивать только Монголы, они отразили это нападеніе[127]. Между тѣмъ, въ 1221 г., Мухури переправляется (вплавь) чрезъ Желтую рѣку изъ Шаньси (при Дунъ-шэнъ-чжоу) и заставляетъ тангутскія войска присоединиться къ себѣ. Однакожъ, тангутскій государь навлекъ на себя гнѣвъ Чингисхана чрезъ принятіе къ себѣ врага его (Шилгласакъ-хопи, о которомъ мы однакожъ, кажется, ничего не знаемъ) и тѣмъ, что не хотѣлъ дать своего сына въ заложники. Этотъ завоеватель въ 1225 г. самъ повелъ свою армію съ западной стороны Тангута, чрезъ Гань-чжоу и Лянъ-чжоу, взялъ Линъ-чжоу, и войско его забирало города и мѣстечки въ Тангутѣ. Наконецъ, въ 1227 г., тангутскій государь Тобаши принужденъ былъ выйти изъ своей столицы, отвезенъ плѣнникомъ въ Монголію, и царство его пало.

Обратимся теперь къ царству Цзинь. Мы уже видѣли выше, что послѣ своевольнаго царствованія Хайлинъ-вана, наступила для Цзиньской державы пора успокоенія подъ продолжительнымъ правленіемъ Ши-цзуна. Этотъ государь царствуетъ съ 1161 года по 1189. Такъ какъ мы видѣли, что онъ вступилъ на престолъ изъ правителей провинціи, то очень понятно, что онъ лучше другихъ понималъ потребности сво-

---

[127] Китайская исторія замѣчаетъ, что во взаимной враждѣ Нюйчженцевъ съ Тангутами, оба народа потеряли лучшія свои войска.

его государства, зналъ причины безпорядковъ и недостатки правленія; потому-то, по заключеніи мира съ Сунскимъ дворомъ, онъ обратилъ вниманіе на поддержаніе гражданскихъ доблестей, развивалъ благосостояніе народа, покровительствуя землепашеству, строго слѣдилъ за наградами и наказаніемъ чиновниковъ. Однимъ словомъ, исторія почтила его именами младшаго *Яо* и *Шунь*, что на языкѣ китайскомъ значитъ тоже, что у насъ великій императоръ. Отъ того-то онъ и прозванъ Ши-цзуномъ. Послѣ него вступилъ внукъ его Мадагэ (есть и гора этого имени), извѣстный въ исторіи подъ именемъ Чжанъ-цзуна[128]. Онъ закончилъ собой блистательный вѣкъ маньчжурскаго царства, потому что умеръ въ 1208 году. Царствованіе его не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ того развѣ, что онъ попался въ руки визиря Сюй-чао, который, соединившись съ наложницей императорской Ли-фэй, распоряжался дѣлами, сверхъ того, подъ конецъ его царствованія, Сунскій дворъ началъ было войну въ надеждѣ отмстить за прежнія неудачи, но, какъ уже упомянуто выше, жестоко ошибся. Вообще царствованіе Чжанъ-цзуна можно считать продолженіемъ прежняго: онъ заботился о внутреннемъ устройствѣ, далъ окончательныя рѣшенія на счетъ церемоній, уголовныхъ законовъ, поощренія ученыхъ въ экзаменахъ, которые дотого были основаны по образцу Киданьскихъ и Сунскихъ, онъ старался превзойти ихъ, и для того обратился къ изслѣдованію мѣръ, существовавшихъ при Ханьской и Танской династіяхъ. Послѣ него, за неимѣніемъ

---

[128] Хотя у Ши-цзуна и было много дѣтей, но только одинъ отъ императрицы, который умеръ еще при жизни Ши-цзуна Мадагэ былъ его сыномъ и снискалъ любовь своего дѣда тѣмъ, что лучше всѣхъ зналъ маньчжурскій языкъ. Ши-цзунъ сдѣлалъ его сперва министромъ (шанъ-шу), а потомъ далъ титулъ императорскаго внука (хуань-тай-сунь), что равнялось признанію его наслѣдникомъ

наслѣдниковъ, вступилъ на престолъ одинъ изъ дядей или сыновей Ши-цзуна, извѣстный въ исторіи только подъ именемъ Вэй-шао-вана. При немъ-то произошло вторженіе Чингисхана, и навѣрно, скорѣе по этому событію, чѣмъ за неспособность, въ которой его обвиняютъ, исторія лишила его императорскаго титула. Мы не можемъ пропустить безъ вниманія одного обстоятельства. всѣ династіи, разсказывающія исторію первопачальнаго своего возвышенія, сопровождаемаго нападеніемъ на другую державу, всегда выставляютъ благовидный предлогъ къ началу войны: такъ основатель нынѣшней маньчжурской династіи насчитываетъ въ своей молитвѣ семь обвинительныхъ пунктовъ противъ Минской державы, тоже самое дѣлалъ Агуда, когда возсталъ противъ Киданей, наконецъ, и самому Чингисхану, когда онъ возстаетъ противъ Ванъ-хана, влагаются въ уста различныя обвиненія. Цзиньская исторія сочинена Монголами; слѣдовательно, если бъ былъ какой нибудь предлогъ къ началу войны, исторія непремѣнно упомянула бы объ этомъ обстоятельствѣ. Но мы видимъ даже, что когда поражаемый Монголами Тангутъ проситъ помощи у Цзиньскаго двора, дворъ этотъ отказываетъ въ ней, очевидно, не желая вступать въ борьбу съ страшнымъ врагомъ; слѣдовательно, война начата была Чингисханомъ безъ всякихъ церемоній, по праву сильнаго; короче сказать, принимая императорскій титулъ, онъ уже тѣмъ самымъ хорошо выразилъ чисто-китайскія понятія, что какъ на небѣ существуетъ одно солнце, такъ на землѣ долженъ быть одинъ императоръ, и всѣ другіе, носящіе этотъ титулъ, всякое государство, имѣющее притязаніе на самостоятельное существованіе, оскорбляютъ тѣмъ волю неба и требуютъ наказанія. Какъ часто видимъ мы, что чисто китайскія идеи проявляются со всей силой и энергіей между иностранцами и обращаются во вредъ страны, которая ихъ произвела!

Впрочемъ, не смотря на краткость свѣдѣній касательно событій, совершившихся на сѣверо-западныхъ границахъ Цзинь-ской династіи, мы видимъ изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ упоминаній, что это государство уже заранѣе предчувствовало угрожавшую ему опасность и заранѣе принимало мѣры для возстановленія прежняго спокойствія въ вышесказанныхъ мѣстахъ. На сѣверныхъ границахъ, какъ мы видѣли выше, стояли постоянно гарнизоны, командированные на опредѣленное время извнутри; сверхъ того, тамъ были колоніи, занимавшіяся хлѣбопашествомъ. При Чжанъ-цзунѣ, въ 1194 году, приказано было въ слѣдующемъ году войскамъ собираться въ Линь-хуань-фу и отправить туда до 30,000 отборнаго войска изъ девяти дорогъ, также изъ Мао и изъ Чжа; въ 1195 г. для доставленія на сѣверную границу провіанта взято 5000 верблюдовъ, какъ изъ казенныхъ табуновъ, такъ и изъ минганей и мукуней Чжа, Дѣ-ла, Тангу и др. Казна выдала въ награжденіе (вѣроятно, собравшимся въ Линь-хуанъ войскамъ) 50,000 ланъ серебра, золотыхъ кубковъ въ 2800 ланъ, золотыхъ значковъ (пай) въ 100 ланъ, 50,000 кусковъ камки, 446 платьевъ и проч.; сверхъ того, на расходъ употреблено 500,000 ланъ сер. и 236,900 связокъ Министръ (Цзо-чэнъ-сянъ) отправленъ въ Линь-хуанъ-фу; въ тоже время велѣно было всѣмъ минганямъ и мукунямъ, въ свободное отъ хлѣбопашества время, упражняться въ военномъ искусствѣ. Далѣе, находимъ упоминаніе (подъ 1196 г.), что смотритель надъ стадами, И-ладу, былъ убитъ войскомъ племени *Гуанъ-ги-ла*, которое, конечно, было одно и тоже, что̀ и Хункираты Въ тоже время одинъ ученый представлялъ императору проектъ объ успокоеніи границъ; далѣе упоминается, что императоръ приказалъ собрать кости убитыхъ въ сѣверо-западной дорогѣ и похоронить. Императоръ приказываетъ выбрать изъ собственныхъ войскъ 800 че-

ловѣкъ и составить изъ нихъ гарнизонъ въ Фучжоу, гдѣ по ставлено военное управленіе (Шу-ми-юань, послѣ Чжанъ-шиъ цзюнь); въ томъ же году взбунтовался Киданецъ Тосо, управлявшій Тэманьскими табунами. Императоръ посылаетъ чиновника съ наградами за услуги къ войскамъ сѣверной границы, причемъ даны чины 11,000 человѣкъ, а получили награду 20,000; истрачено серебра 2,000,000 лапъ, матерій 50,000 и связокъ 320,000. Въ 1197 г., государственный совѣтъ представляетъ, что такъ какъ сѣверная граница требуетъ большихъ издержекъ, то должно брать съ Хешановъ и Даосовъ подати на военныя издержки; главное управленіе сѣверной столицы перенесено въ Линь-хуанъ-фу; по случаю безпокойствъ на границѣ собраны были въ государственный совѣтъ всѣ чины выше шестой степени и на ихъ обсужденіе представленъ былъ вопросъ, дѣйствовать ли наступательно или только защищаться; отправлены чиновники въ подвластную Монголію и Маньчжурію для набранія войскъ изъ Китайцевъ. Въ 1198 г., придворный адъютантъ Шихо-шэнъ отправленъ съ 800 гвардіи и 1600 другихъ войскъ для охраненія сѣверо-западной дороги. Въ томъ же году покорился Сочу (племя или предводитель, неизвѣстно) и Шуми-юань представилъ, по просьбѣ его, открыть пограничный рынокъ на Сяли-нянь (Селенгѣ?). Въ 1201 г., Шанъ-шушэнъ докладываетъ, что пограничный правитель (Чжао-таоши) сѣверо-западной дороги, Тупъцзы-сычжунъ, возвелъ укрѣпленія и окопы вокругъ редутовъ, расположенныхъ на пространствѣ 600 ли, начиная отъ Таньшэ (Тамсэ) на западѣ до Хулэгунь (Хургэнь) на востокъ.

Всѣ эти отрывочныя извѣстія, на которыя впрочемъ трудно отыскать подробныя толкованія, достаточно показываютъ, что Цзиньское правительство слѣдило за событіями, совершавшимися на сѣверѣ, и такъ какъ они относятся не къ Чингисхану, который въ это время былъ еще подъ властью

Ванъ-хана, то можно предполагать, что этотъ завоеватель осуществилъ только планы, которые уже предначертывались его предшественниками, или что независимые Монголы обнаруживали уже заранѣе стремленіе смѣстить своихъ сосѣдей, и имъ мѣшало только внутреннее разъединеніе Вотъ почему явленіе Чингисхана не было, вѣроятно, дѣломъ случайности и неожиданности; различныя поколѣнія, которыя онъ присоединилъ къ себѣ, мирятся съ нимъ на томъ негласномъ условіи, что онъ поведетъ ихъ отъ побѣды къ побѣдѣ. И еще одно замѣчаніе· мы видѣли, что сѣверная граница была оберегаема тщательно; очень вѣроятно, что Чингисханъ видѣлъ трудность успѣха при нападеніи на укрѣпленные редуты, которые истощили бы его на первыхъ порахъ, сверхъ того, съ сѣверной стороны чрезъ Линь-хуанъ-фу, путь къ центру или богатому краю былъ довольно далекъ, и потому походъ съ этой стороны не представлялъ удобства. Вотъ почему мы видимъ его съ перваго разу вторгающимся неподалеку отъ Дайтунъ-фу, т. е. онъ ударилъ почти въ средину владѣній. Первая побѣда открыла ему путь къ Пекину, и когда онъ нанесъ имперіи рану въ самое сердце, тогда распались ея члены, и сѣверныя части имперіи, или вся Монголія, очутилась въ его рукахъ почти безъ всякаго сопротивленія.

Мы не знаемъ, до какой степени справедливъ разсказъ Юаньской исторіи[129], что Чингисханъ ежегодно представлялъ Цзиньскому двору дары или дань. Если это справедливо, то должно думать, что онъ, завоевавъ владѣнія Кэрэскаго и Найманьскаго сейма, оставался въ прежнихъ вассальныхъ отношеніяхъ къ Цзиньской имперіи и даже пріѣзжалъ ко двору съ данью. Со вступленіемъ на престолъ Вэй-шао-

---

[129] Отселѣ мы будемъ руководствоваться переводомъ О Іакинва, въ его «Исторіи четырехъ хановъ»

вана, по имени Юнь-цзи, Чингисханъ не только прекращаетъ эту дань, но даже въ 1210 г. дѣлаетъ первое вторженіе въ предѣлы имперіи. «Ганъ-му» говоритъ, что онъ дѣлалъ неоднократно вторженія въ сѣверо-западные предѣлы, но неизвѣстно, чѣмъ это кончилось. Изъ той же исторіи видно, что Чингисханъ даже боится нападенія со стороны Цзиньцевъ и потому принимаетъ мѣры предосторожности и усиливаетъ свои войска. Цзиньскій дворъ построилъ, въ предосторожность отъ Чингисхана, редутъ Ву-ша-пу, который первый подвергнулся нападенію въ слѣдующемъ 1211 году. Чингисханъ самъ вступаетъ въ Цзиньскія владѣнія, разбиваетъ цзиньскаго полководца Даши при горѣ Ѣху-линъ и завоевываетъ уѣзды Дашуй-ло и Фынъ-ли. Чэпэ или Чжэбэ, знаменитый генералъ Чингисхана, беретъ Ву-ша-пу и лагерь Ву-юаня, онъ проникаетъ за Великую стѣну, и такъ какъ испуганный комендантъ бросаетъ знаменитый проходъ Цзюй-юнъ-гуань, выводящій изъ горъ, отдѣляющихъ Китай отъ Монголіи, на знаменитую Пекинскую равнину, то Чэпэ проникаетъ до средней столицы, Пекина. Между тѣмъ пораженіе, нанесенное самимъ Чингисханомъ Цзиньскимъ войскамъ при р. Хой-хэ-чуань, въ Сюань-пинѣ, предаетъ въ руки его департаментъ Дэсинъ-фу, цзиньскія стада попадаются въ руки Монголовъ, и между тѣмъ какъ отрядъ войскъ завоевываетъ города вокругъ западной столицы, генералы, стоявшіе на сѣверныхъ предѣлахъ, гдѣ они, кажется, напрасно ждали непріятеля спереди, тогда какъ онъ очутился позади ихъ, покоряются Чингисхану. Вся Монголія, бывшая подъ властію Цзиньцевъ, въ одинъ годъ, послѣ одного сраженія, досталась побѣдителю. Таковъ былъ результатъ самаго перваго натиска Монголовъ, совершившійся въ одинъ годъ.

Киданьцы, всегда памятовавшіе прежнее свое величіе, поспѣшили воспользоваться разстройствомъ Цзиньской монар-

хіи, и потому, между тѣмъ какъ одни изъ нихъ уже давно служили руководителями Монголовъ, другіе думали возстановить прежнее свое царство. Ёлюй-Люгэ, собравъ войско въ Лунъ-ань, овладѣваетъ всѣмъ Ляодуномъ, провозглашаетъ себя главнокомандующимъ, а потомъ и ваномъ, и проситъ Чингисхана признать его своимъ вассаломъ. Маньчжуры теряютъ такимъ образомъ даже сообщеніе съ своей первоначальной родиной, которая, по всему видно, тогда перешла въ руки Монголовъ. Между тѣмъ, войска Чингисхана продолжали дѣйствовать въ сѣверной части Чжили, въ нынѣшнемъ Сюаньхуа-фу'скомъ департаментѣ; взяли Сюань-дэ-фу, проходы Губэйкоу и наконецъ Цзюй-юнъ-гуань. Затѣмъ монгольская армія раздѣлилась на три части. одна, подъ предводительствомъ Чучи, Чагатая и Угэдэя, разоряла Шаньси, другая земли на востокѣ, лежащія около моря въ Ляо-си, и средняя, подъ предводительствомъ самого Чингисхана, устремилась на Шаньдунъ и завоевала всю эту провинцію. Такимъ образомъ, на другой годъ, Монголы очутились обладателями почти всѣхъ земель, лежавшихъ въ Китаѣ на сѣверъ отъ Желтой рѣки (Хуанъ-хэ). за исключеніемъ десяти укрѣпленныхъ мѣстъ, каковы Пекинъ и проч. Кромѣ того, они находятъ отличнаго помощника въ передавшемся имъ цзиньскомъ подданномъ Ши-тянь-ни, который сталъ посредникомъ между китайскимъ народомъ и Монголами; онъ опредѣлилъ темникомъ (вань-ху-фу), слово въ первый разъ занесенное на западъ Монголами, но какъ мы видѣли выше, уже извѣстное Цзиньцамъ (слѣдовательно, когда и въ военномъ распоряженіи Монголы ничего не могли придумать отъ себя, то чего было ожидать отъ нихъ въ гражданскомъ[1]). Въ это время Монголы уже набирали войска изъ Китайцевъ; въ завоеваніи Хэбэй и Хэдунъ участвовали 46 китайскихъ дивизій. Въ самомъ монгольскомъ войскѣ виднѣе всѣхъ выдается Мухуу-

ри. Въ это время цзиньскій полководецъ Хушаху, бѣжавшій предъ тѣмъ изъ западной столицы (Дай-тунъ-фу), убиваетъ своего государя Юньцзи (Вэй-шао-вана) и возводитъ Удабу, извѣстнаго подъ именемъ Сюань-цзуна. Другой главнокомандующій Гао-ци убилъ Хушаху, но императоръ остался тотъ же. И конечно, это внутреннее неустройство еще болѣе помогло Монголамъ въ ихъ успѣхахъ.

Исторія постоянно и во всѣхъ краяхъ видитъ въ Монголахъ бичъ народовъ: разрушительны были ихъ набѣги на Персію, на Россію; такими же являются они и въ Китаѣ. Исторія говоритъ, что въ провинціяхъ Хэ-бэй, Хэ-нэй и Шаньдунъ, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ ли, всѣ жители были побиты. Когда представимъ себѣ и тогда уже густую массу китайскаго народонаселенія, то должно считать погибшими нѣсколько милліоновъ; впрочемъ, здѣсь едва ли можно вѣрить на слово историкамъ: вѣдь говорятъ же они, что Ксеркъ шелъ съ 3,000,000 войска противъ столь незначительной страны, какъ Греція! О временахъ или о странахъ отдаленныхъ мы привыкли вѣрить на слово сохранившимся разсказамъ или преданіямъ, и далеки отъ мысли повѣрить ихъ собственнымъ бытомъ или соображеніемъ. Конечно, Монголы смотрѣли на войну съ другой точки зрѣнія, но неужели они такіе кровожадные убійцы, что убивали всякаго встрѣчнаго? Правда, городъ, оказавшій сопротивленіе, могъ быть вырѣзанъ, по тогдашнимъ понятіямъ о войнѣ; этого даже требовала политика войны, чтобъ отбить у другихъ охоту къ сопротивленію. Но какимъ образомъ включить въ число истребленныхъ всѣ деревни и селенія? Китайцы, всегда трусливые, разумѣется, разбѣгались при приближеніи непріятеля, а разсѣявшись, они съ трудомъ возвращаются на старое пепелище; армія, привыкшая къ порядку, будучи разбита однажды, не скоро можетъ соединиться, тѣмъ больше

народъ. Мы видимъ, что Цзиньское правительство призвало поселянъ въ ополченіе и поставило ихъ на городскихъ стѣнахъ Монголы, успѣвшіе захватить остальныхъ, послали ихъ брать эти города; изъ тѣхъ и другихъ, при этомъ случаѣ, могли погибнуть многіе, но не всѣ. Вотъ все, что̀ можемъ сказать о картинѣ разрушенія, повторявшейся у всѣхъ завоевательныхъ народовъ и, можетъ быть, только въ бо̀льшихъ размѣрахъ развитой Чингисханомъ. Хотя Монголамъ и не приписывается сначала намѣреніе удержать за собой завоеванныя мѣста; но мы не видимъ однакоже, чтобы они разставались съ тѣми, которыя подчиняли своей власти. Они захватывали золото, ткани, скотъ и людей, но не могли же захватить все у покоренныхъ. Мы видимъ, что Шитянь-ни передается имъ въ главѣ народонаселенія, потому что узнаетъ, что покоряющіеся пользуются безопасностью; слѣдовательно, жестоко поступалось только съ сопротивлявшимися, а ихъ, благодаря китайской трусости и паденію воинственнаго духа самихъ Чжурчженей, было немного, и то только въ городахъ. Такимъ образомъ, предавались огню селенія пустыя, можетъ быть, въ наказаніе за то, что были оставлены жителями. Исторія («Ганъ-му») разсказываетъ, что Чингисханъ, по отступленіи своемъ отъ Пекина, перебилъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ молодыхъ мужчинъ и женщинъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Чжили и Шаньдунѣ. Возможно ли допустить такое кровопролитіе, когда у всѣхъ народовъ плѣнный есть также добыча и обращаясь въ раба, все таки цѣнится полезнѣе скота, никогда не убиваемаго понапрасну?

Съ наступленіемъ 4-й луны 1214 г., Чингисханъ спѣшитъ оставить Пекинъ, котораго не можетъ взять съ разу, потому что столица была снабжена значительными войсками, ободренными, кромѣ присутствія цзиньскаго государя, высокими и толстыми стѣнами. Онъ требуетъ отъ Чжурчженей возна-

гражденія за то, что оставляетъ ихъ въ покоѣ, тогда какъ это дѣлалъ изъ необходимости Извѣстно, что и въ нынѣшнее время обитатели Монголіи болѣе образованные (напримѣръ ламы) не могутъ выносить лѣтнихъ жаровъ, неизвѣстныхъ на ихъ родинѣ. Мы замѣчаемъ, что и Чжурчжени, не привыкши къ Китаю, также удалялись изъ него на лѣто въ первые годы: тоже самое значило и отступленіе Чингисхана; но онъ хочетъ изъ этого извлечь выгоды. Цзиньскій дворъ считаетъ это перемиріемъ и выдаетъ за Чингисхана царевну съ богатымъ приданымъ, состоявшемъ въ золотѣ, серебрѣ, прислугѣ (500 мальчиковъ и дѣвочекъ) и скотѣ (3000 лошадей). Цзиньскій дворъ, помнившій, какъ онъ захватилъ нѣкогда двухъ Сунскихъ императоровъ и какъ спасся южный Китай удаленіемъ императора отъ враговъ, слѣдуетъ ихъ примѣру Сюань-цзунъ, тотчасъ по удаленіи Чингисхана, оставляетъ Пекинъ и переноситъ столицу въ Бянь, то роковое мѣсто, гдѣ были захвачены Сунскіе императоры; въ Пекинѣ оставленъ наслѣдникъ престола (Шоу-чжунъ) и министры для защиты. Но между тѣмъ войско, провожавшее императора при переселеніи, вѣрно не желая разстаться съ родиной, возмущается, идетъ назадъ и потомъ передается Чингисхану, который отправляетъ ему подкрѣпленіе, чтобы взять Пекинъ Осада длится до слѣдующаго года. Въ это время Цзиньскій императоръ напрасно посылалъ войска для вспомоществованія Пекину: онѣ были разбиты (у Бачжоу), и Пекинъ наконецъ сдался (1215 г.); къ Чингисхану отправлены были найденныя сокровища и оставшіяся царицы Монголы устремились тогда къ новой резиденціи маньчжурскихъ императоровъ, за которыми остались только земли на югъ отъ Хуанъ-хэ и провинція Шэньси. Не рѣшившись переправиться чрезъ Хуанъ-хэ, Монголы воспользовались перевѣсомъ, пріобрѣтеннымъ ими въ Тангутѣ; они устремились на Тунь-гуань изъ Ся чрезъ

Шаньси, и не могши взять сначала этой крѣпости, имѣвшей еще большее значеніе, чѣмъ Цзюй-юнъ-гуань, ведущій къ Пекину, вторгнулись въ Хэнань окольными дорогами (черезъ Супъ-шань) на Жу-чжоу и доходили до Бянь-цзина; вскорѣ взятъ былъ и Тунъ-гуань. Но хотя Монголамъ и открылся чрезъ это прямой путь къ столицѣ, однакожъ дальнѣйшія нападенія ихъ съ этой стороны были отложены на долгое время Первое нападеніе Монголовъ было сдѣлано почти въ видѣ опыта: они не могли серіозно думать о завоеваніи всѣхъ Цзиньскихъ владѣній, не утвердившись напередъ въ Тангутѣ, не завоевавши окончательно всѣхъ земель по сѣверную сторону р. Хуанъ-хэ; мы видѣли также, что Ляодунъ, отложившись отъ Цзиньцевъ, составлялъ особое владѣніе. Эта задача, не говоря уже объ извѣстныхъ войнахъ на западѣ, заняла все остальное царствованіе Чингисхана.

По возвращеніи Чингисхана изъ окрестностей Пекина, Мухури занялъ сѣверную столицу и съ тѣмъ вмѣстѣ покорилъ Ляо-си, а другой его генералъ (Ши-цзинъ-дао) занялъ Гуанъ-фу. На слѣдующій годъ покорился имъ вполнѣ и Ѣлюй-Люгэ. Такъ какъ сѣверная столица, родина Кумохи, не могла считаться слишкомъ привязанною къ Цзиньцамъ, то Чингисханъ не усомнился отправить оттуда для завоеваніе юга, 10 полковъ сѣверной столицы, подъ предводительствомъ Чжанъ-цзина. Но можетъ быть, по той же причинѣ, по которой Цзиньскія войска не хотѣли слѣдовать за своимъ государемъ изъ Пекина въ Бянь, Чжанъ-цзинъ задумалъ взбунтоваться, и хотя былъ казненъ, но братъ его Чжанъ-чжи, убивъ монгольскаго пристава, занялъ Цзинь-чжоу и принялъ титулъ вана. Мухури успѣлъ укротить это возмущеніе и казнилъ Чжанъ-чжи. Вскорѣ послѣ того (1217 года), Мухури назначенъ былъ съ титуломъ вана, визиремъ и полномочнымъ правителемъ Китая, ему предоставлена тамъ полная свобода дѣ-

лать завоеванія, въ распоряженіе его даны, какъ инородческія, такъ и китайскія войска. Мухури предпринялъ окончательное завоеваніе земель, еще остававшихся непокоренными въ Чжили и Шаньдунѣ, онъ взялъ Дайминъ-фу и простеръ на востокъ власть свою до Дэнъчжоу и Лайчжоу Въ Шаньси Монголамъ до того принадлежалъ только округъ западной столицы или страна Юньнэй; Мухури вступилъ туда съ войскомъ, покорилъ главные города Хэдунъ, каковы Тай-юань, Пинъ-янъ, Лу-чжоу и другіе. Въ слѣдующемъ (1219) году онъ продолжалъ отбирать тутъ же остальные города[130], въ тоже время, передавшійся Монголамъ цзиньскій генералъ Чжанъ-чжоу отбиралъ для нихъ остальные города въ Чжили, за Цзиньцами здѣсь оставался еще крѣпкій городъ Чженьдинъ-фу, въ которомъ засѣлъ ихъ генералъ Вушань· онъ долго защищался, но наконецъ, будучи разбитъ неоднократно, долженъ былъ покориться. Помощникомъ Мухури былъ Шитянь-ни, сдѣланный тогда губернаторомъ въ Хэбэй и главнокомандующимъ, а Вунинь опредѣленъ его помощникомъ. Чжурчженьскій генералъ Яньши передается добровольно Монголамъ съ округами Чжанъ-дэ, Дайминъ, Хуа-чжоу и пр., гдѣ считалось всего 300,000 жителей. Исторія ясно говоритъ, что Мухури, по совѣту Шитянь-ни, запретилъ своей арміи производить своевольства въ проходимыхъ ей мѣстахъ; даже плѣнные старики и дѣти были отпущены на свободу. Въ это время выступаетъ на поприще историческое и знаменитый Ѣлюй-Чуцай, потомокъ Киданьскаго дома, явившійся ревностнымъ заступникомъ интересовъ китайской націи.

Монголы тяготѣли надъ Цзиньской державой съ востока изъ Шань-дуна; оставалось имъ обойти ихъ съ запада.

---

[130] У Цзиньцевъ оставался тутъ городъ Тунь-чжоу, лежащій насупротивъ Тунь-гуанъ; онъ взятъ былъ только въ 1222 г

Хотя мы и видѣли выше, что знаменитый проходъ Тунъ-гуань находился въ ихъ рукахъ, но провинція Шэньси не была еще имъ подвластна. Мухури, присоединивши къ себѣ и тангутскія войска, обратился сюда (въ 1221 году) и проникъ до Яньань, котораго не могъ взять. Онъ продолжалъ воевать эту провинцію и въ слѣдующемъ году, и прошелъ до Фынъ-сяня, приводя въ покорность проходимыя имъ страны Выше мы видѣли, что Маньчжуры Агуды и Укимая еще недоумѣвали, оставаться ли имъ въ Китаѣ, и оставляли сначала подъ своей зависимостью природныхъ императоровъ; Монголы же изъ ихъ примѣра увидѣли, что можно сдѣлаться и прямо полными обладателями и потому не слишкомъ церемонились

Смерть не дала Мухури кончить своихъ завоеваній въ Шэньси, она сопровождалась одновременной кончиной и Цзиньскаго императора Сюань-цзуна. Ему наслѣдовалъ Шоу-сюй или Ниньясу, послѣдній государь изъ дома Агуды и потому, по обыкновенно-принятому выраженію, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Ай-цзуна, т. е. «жалкаго» (1224–1234). Въ это время Чингисханъ занятъ былъ завоеваніемъ западныхъ странъ и потому естественно было ожидать перемѣнъ со смертію Мухури. Дѣйствительно, Вушань взбунтовался въ Чжэнъ-динъ-фу, а Лицюань, предводитель разбойниковъ, передававшійся то тѣмъ, то другимъ, отложился въ Чжунъ-шань-фу. Вушань умертвилъ даже Шитянь-ни, который управлялъ въ Хэдунѣ, соединился съ Сунскимъ генераломъ Пынь-и-бинемъ; но на мѣсто Шитянь-ни является братъ его Ши-чянь-цзэ: разбивъ Вушаня, онъ возвращаетъ Монголамъ Чжэнъ-динъ-фу. Вушань долгое время послѣ того держится въ западныхъ горахъ и дѣлаетъ оттуда нападенія. Яньши, разбивъ Пынь-и-биня, который одержалъ было верхъ въ Шаньдунѣ, при одинилъ къ себѣ войска Ли-цзюаня и осадилъ Дунъ-пинъ. Вѣроятно, Чингисханъ взялъ бы на себя докончить предначертанія Мухури.

Мы видимъ, что рѣшившись окончательно завоевать царство Ся, онъ въ тоже время завоевываетъ отдаленные города, находившіеся у Цзиньцевъ за Желтой рѣкой въ Шэньси, какъ то Си-нинъ, Тао-хэ, Линь-тао-фу и Дэнинь-чжоу; съ другой стороны, войска его вступили въ Чанъ-ань и даже въ руки Монголовъ достался проходъ Дасань гуань, бывшій въ рукахъ Сунскихъ и ведущій въ Сычуань. Но смерть застала и Чингисхана въ этихъ подвигахъ, хотя у него уже былъ сформированъ планъ завоеванія остальныхъ Цзиньскихъ земель.

Чжурчженьскій дворъ, кажется, не имѣлъ намѣренія воспользоваться смертію Чингисхана, или предчувствовалъ, что его преемники не оставятъ своихъ завоевательныхъ намѣреній. Съ своей стороны, онъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобъ заключить миръ; неоднократно отправлялъ посланниковъ къ Чингисхану, который всегда требовалъ болѣе, чѣмъ они могли дать: ему платили ежегодную дань, но въ тоже время видѣли, что все больше и больше лишаются своихъ владѣній. Теперь была одна только цѣль—удержать за собой земли на югъ отъ Хуанъ-хэ до Хуай-хэ; они оберегали доступъ сюда 200,000 отборнаго войска, и такъ какъ всего болѣе опасались натиска со стороны Тунъ-гуань, то и сторожили бдительно это мѣсто, сосредоточивъ въ немъ главную часть своихъ силъ. Это не мѣшало однакожъ двору отправить посланника съ приношеніями ко гробу Чингисхана; но оно не было принято. Угэдэй, преемникъ великаго завоевателя, предпочелъ продолжать войну, онъ возложилъ на Ѣлюй-Чуцая финансовое управленіе завоеванныхъ въ Китаѣ земель, а военно-гражданское правленіе надъ этими землями поручилъ тремъ темникамъ: Ши-тянь-цзэ, Лю-хэ-ма и Сяо-чжала. Высшимъ главнокомандующимъ назначенъ Субутай, а затѣмъ и самъ Угэдэй съ братомъ Тулэемъ и сыномъ его Мункэ, отправился

на югъ (1230 г.). Цѣлію ихъ была провинція Шэньси, въ которой еще держались города Фынъ-сянъ и Цинъянъ; первый взятъ только въ слѣдующемъ году. Монгольскія войска прошли отсюда въ Сычуань и разграбили часть этой провинціи; въ тоже время взятъ былъ городъ Хэчжунъ-фу, считавшійся оплотомъ Цзиньскихъ владѣній съ сѣвера. Теперь Монголы рѣшились попытать счастія въ Хэнани. Тулэй прошелъ чрезъ Жао-фынъ-гуань къ р. Хань-цзянъ и началъ забирать окрестные города, разбилъ Цзиньское войско въ Цзюнь-чжоу у горы Сань-фынъ, а Субутаю предписано было осадить Бянь. Это принудило призвать на помощь столицы войска, охранявшія Тунъ-гуань и державшіяся въ Шэньси, тогда открылся Монголамъ болѣе свободный путь въ Хэнань: они разбили и разсѣяли большую часть удалявшихся войскъ, воспользовались ихъ запасами, однакожъ встрѣтили большое сопротивленіе подъ стѣнами Ло-яна и Бяня, и потому Субутай, послѣ жаркой осады, долженъ былъ отступить, удовольствовавшись приличнымъ угощеніемъ и подарками со стороны Цзиньцевъ (1232). Въ это время Монголы добились давно желаннаго ими союза съ Сунскимъ дворомъ, чтобъ съ двухъ сторонъ напасть на небольшую страну, которая находилась въ рукахъ Цзиньцевъ, и конечно, этотъ союзъ дѣлаетъ болѣе чести тому, противъ кого онъ былъ направленъ. Монголы, повелѣвавшіе отъ береговъ Средиземнаго моря до Желтаго, не могутъ одни сладить съ горстью хотя и переродившихся, но все еще сохранившихъ воинскій духъ, выходцевъ Маньчжуріи. Однакожъ, по отступленіи отъ Бяня Субутая, Цзиньскій императоръ не остался въ столицѣ, лишенной вспоможенія и съѣстныхъ припасовъ; онъ ушелъ въ Гуй-дэ-фу; но не считая и тамъ себя въ безопасности, перебрался оттуда въ Цай-чжоу, а столица затѣмъ перешла въ руки Монголовъ. Тогда монгольскія войска (въ 12-й лунѣ 1233 года), подъ началь-

ствомъ Тацира, осадили убѣжище Цзиньскаго императора Цай-чжоу, и между тѣмъ, какъ эта осада длилась до слѣдующаго года, Монголы подбирали остальные Цзиньскіе города Бо-чжоу, Сюй-чжоу. Наконецъ, Шао-сюй, видя неизбѣжную погибель, не хотѣлъ сдаться врагамъ своимъ и потому повѣсился, завѣщавъ сжечь себя. Цай-чжоу былъ взятъ приступомъ (въ 1-ій лунѣ 1234 г.) и династія Цзинь погибла. Домъ Сунъ и Монголы дѣлили между собою добычу. Въ другомъ мѣстѣ исторія покажетъ, на чью часть выпала лучшая доля!

Мнѣніе наше о происхожденіи названія ***Монголъ*** разнится отъ толкованій, принятыхъ другими. Мы полагаемъ, что имя это не носили дѣйствительные подданные Чингисхана до принятія имъ императорскаго титула (въ 1206 г.), и что не только тотъ улусъ, въ которомъ онъ родился, но и единоплеменныя съ нимъ поколѣнія, если и имѣли только общее названіе, то оно было не иное, какъ ***Татаръ***. Названіе ***Монголъ***, или созвучное съ этимъ, существовало дѣйствительно съ давняго времени; если даже оно и занесено было къ нѣкоторымъ изъ обитателей нынѣшней Монголіи прежде Чингисхана, то не было до него общимъ національнымъ именемъ нынѣшняго монгольскаго племени. Начала этого названія (какъ и ***Татань***) слѣдуетъ искать во внутренности сѣверной Маньчжуріи, въ низовьяхъ Амура, гдѣ и нынѣ обитаетъ племя Мангу'ны, что̀ значитъ «рѣчные», потому что рѣка или вода на ихъ языкѣ называется ***мангу***. Слово это тождественно съ ***мукэ*** («вода»), на собственномъ или южно-маньчжурскомъ нарѣчіи, корни словъ котораго вполнѣ сохранились и въ мангунскомъ языкѣ, по словамъ всѣхъ посѣщавшихъ, въ послѣднее время, эту страну русскихъ путешественниковъ. Это маньчжурское

названіе, какъ общее всѣмъ обитателямъ средней и сѣверной Маньчжуріи, является еще ранѣе, въ искаженномъ у Китайцевъ словѣ *Мо-хэ*, вѣроятно потому, что каждый родъ назывался по имени какой нибудь рѣчки. Въ послѣдствіи имя *Мохэ* исчезаетъ, какъ общее названіе всѣхъ Маньчжуровъ, по крайней мѣрѣ въ китайской исторіи, и на мѣсто его является уже Нюйчжень или Чжурчжень. Но имя *Мохэ*, превратившись или обратившись въ первоначальное названіе *Монгу*, сохраняется и въ это время за жителями Амура, которые, сначала дѣйствуя за одно съ Чжурчженями или помогая имъ, потомъ начинаютъ вражду, которая намъ исторически извѣстна. Чжурчжени должны были уступить этимъ Мангу часть своихъ (номинальныхъ) владѣній на сѣверѣ; платили имъ даже дань или подарки; старшина ихъ принимаетъ даже названіе императора. Но дальнѣйшая судьба этой династіи *Мангу* (Цзуюань) неизвѣстна: вѣроятно, она пала или сама собой, или усиліями Чжурчженей. Имя Мангу, послѣ того, появляется какъ названіе подвластнаго послѣднимъ племени (бу-цзу) и тождественно съ древнимъ именемъ *Ди-лѣ*. Часть или родъ этого племени даже могъ быть переселенъ Чжурчженями въ Монголію, потому что мы видимъ названіе *Мынгу* и между родами, называемыми *Чжа*. Чингисханъ принялъ это названіе *Монгу* «Монголъ», по свидѣтельству Мэнъ-хуна, потому, что хотѣлъ возстановленіемъ этого названія, грознаго нѣкогда Чжурчженямъ, устрашить послѣднихъ. Онъ не могъ быть прямымъ продолжателемъ исчезнувшей династіи Мангу уже потому, что, какъ самъ онъ, такъ и отецъ его Ѣсукэй, жившій, по всей вѣроятности, во время силы этихъ Мангу, былъ простой десятскій и офицеръ сеймоваго начальника Ванъхана; онъ не могъ быть даже чжасянгунь, тѣмъ менѣе цзѣдуши племени Мэнгу, находившагося въ непосредственной зависимости отъ Цзиньцевъ. Іероглифы, которыми стали пи-

сать названіе *Монголъ*, отличны отъ тѣхъ, которыми писалось имя племени при Цзиньской династіи; они буквально значатъ: «получить древнее», что мы считаемъ столько же знаменательнымъ, какъ и названіе *Манъчжоу* («полная область»). Всѣ основатели династій въ Средней Азіи знакомы съ китайскимъ обычаемъ—вмѣстѣ съ принятіемъ императорскаго титула давать названіе и царству. Такъ сдѣлали Амбагянь, Агуда и Дайцинскій Тайцзу или Нурхачи. Гдѣ же имя династіи или государства, принятое Чингисханомъ, если это не *Мэнъ-гу* («получившій древнее»)? Мы сказали уже, что въ этомъ имени другіе іероглифы, а не тѣ, которыми писали имя прежнихъ *Минь-гу*; къ чему бы нужно было подобное измѣненіе, если бы то былъ одинъ и тотъ же народъ? Вѣроятно, Чингисхану было не до того, чтобы исправлять орѳографію. Слово *Нюйчжи* писалось тѣми же іероглифами и при Цзиньцахъ, какъ и при Киданяхъ; *Татань*, точно такъ же, не измѣнило своего начертанія и понынѣ: но названіе, принятое Чингисханомъ, имѣло двоякій смыслъ: іероглифы имѣли значеніе, а звукъ напоминалъ народъ, нѣкогда враждебный Цзиньцамъ.

Подкрѣпленіе этихъ мыслей, кромѣ приводимаго ниже сказанія Мэнъ-хуна, мы находимъ въ «Да-цзинь-го-чжи», сокращеніе которой, помѣщенное въ одномъ изъ китайскихъ сборниковъ, мы также приведемъ здѣсь Вотъ подлинныя слова этой исторіи, написанной почти въ то самое время, о которомъ мы говоримъ:

Глава IX, листъ 2-й. «Первый годъ правленія Си-цзу-«на (1135). Сунскій князь[133] Цзунъ-пань напалъ на Манъ-«гу-цзы и разбилъ.»

[131] Титулъ «Сунскій князь» не значитъ здѣсь князь Сунскаго двора, это титулъ, данный чжурчженьскимъ императоромъ одному изъ своихъ подданныхъ.

Въ примѣчаніи, вставленномъ при этомъ въ текстѣ, сказано: «Цзиньское государство, при первомъ своемъ возвышеніи, ча-«сто занимало у нихъ войско; въ послѣдствіи, укрѣпившись, «оно не наградило ихъ по условію, почему между ними роди-«лось неудовольствіе; Цзунъ-пань напалъ на нихъ, когда они «не ожидали, и Цзиньцы лишились чрезъ это привязанности «Мангуцзы'евъ, всѣ поколѣнія (которыхъ) отложились отъ «нихъ въ душѣ.»

(Объ этомъ вовсе не упоминается въ оффиціяльной исторіи династіи Цзинь, даже и въ біографіи Цзунъ-паня (см. «Цзинь-ши», гл. LXXVI).

Глава X. «Въ первый годъ правленія Тяньцзюань (1138 г.), «государь Си-цзунъ отправилъ темника Хушаху противъ улу-«са Мэнъ-ву[134]; но у него истощился провіянтъ и онъ воро-«тился. Мэнъ-ву погнались за нимъ въ догоню, и настигнувъ «на сѣверо-западѣ отъ верхней столицы, разбили около Хай-«лина.»

Объ этомъ Хушаху вовсе не упоминается въ оффиціяльной исторіи «Цзинь-ши». Есть біографія Хушаху, но другаго, который жилъ послѣ.

Глава XII. «Пятый годъ правленія Хуанъ-тунъ (1145 г.)... «Въ это время Мэнъ-ву причиняли безпокойство

«Шестой годъ правленія Хуанъ-тунъ (1146 г.) Нюйчжень-«скій темникъ Хушаху напалъ на сѣверѣ на Манъ-гу-цзы; но «у него истощился провіянтъ и онъ возвратился; Манъ-гу-«цзы напали на него на сѣверо-востокѣ отъ Шанъ-цзина и «сильно разбили у Хайлина».[135]

---

[132] Іероглифы, которыми написано это слово, вовсе не похожи на тѣ, которыми переданы слова Манъ-гу-цзы.

[133] Это повтореніе одного и того же факта въ различное время, но гдѣ является одно и тоже дѣйствующее лицо (Хушаху), конечно можетъ возбудить сомнѣніе относительно точности сказанія «Цзинь-го-чжи», и мы не мо-

Примѣчаніе къ тексту: «Мангуцзы при Киданяхъ назва-«лись Мэнъ-гу[136]; этотъ народъ былъ ростомъ въ восемь фу-«товъ, питался сырымъ оленьимъ мясомъ; глаза ихъ видѣли «за нѣсколько десятковъ *ли* малѣйшіе предметы, потому что «не продымлялись, и притомъ (Мангуцзы) не ѣли горячаго «кушанья. Отъ Цзиньскаго царства ихъ отдѣляла рѣка, и они «часто переправляясь чрезъ нее на югъ, производили гра-«бежи.

«Седьмой годъ правленія Хуанъ-тунъ (1147). Въ этотъ «годъ заключили союзъ съ царствомъ Мэнъ-гу.»

Примѣчаніе къ тексту: «Сначала, когда Далай былъ каз-«ненъ, сынъ его, предводительствуя улусомъ, вступилъ въ «сношенія съ Мэнъ гу. Учжу, самъ предводительствуя 80,000 «войскомъ, отправился для наказанія его; но не успѣлъ (ни-«чего сдѣлать) въ нѣсколько лѣтъ. Въ 8-й лунѣ (настоящаго «года) императоръ опять отправилъ Сю-бао-шоу-ну заключить «съ ними трактатъ, по которому уступилъ имъ 27 редутовъ «на сѣверъ отъ рѣки Си-пинъ-хэ и согласился на ежегодную

жемъ утверждать положительно, чтобы сунскіе писатели имѣли самыя достовѣрныя свѣдѣнія о дѣлахъ ихъ сосѣдей. Но, съ другой стороны, эта же самая ошибка доказываетъ, что скорѣе въ редакцію книги вкралась какая нибудь неточность, чѣмъ вымыселъ небывалыхъ происшествій, потому что тогда выдумка не позволила бы себѣ такого грубаго промаха Сверхъ того, по внимательномъ разсмотрѣніи, оказывается, что въ одинаково разсказанномъ происшествіи въ два различныя времени говорится о двухъ различныхъ народахъ. Подъ 1138 годомъ упоминаются *Мэнъ-у*, а подъ 1146 г *Манъгу-цзы;* одни нападаютъ съ сѣверо-запада, а другія съ сѣверо-востока Шанъцзина, слѣдовательно, Мэнъ-у и Манъ-гу-цзы живутъ въ различныхъ мѣстностяхъ и нѣтъ необходимости, по сходству звуковъ, заключать, что это было одно племя или по крайней мѣрѣ одно владѣніе. Мы уже сказали выше, что Дилѣ носятъ также названіе *Мэнъ-гу:* это Мангуцзы, жившіе на востокѣ; а между тѣмъ на западѣ, между *Чжа*, является особое поколѣніе *Миньгу*

[136] Если перевести, то значитъ «широкія кости», не тѣ іероглифы, что въ *Мэнъ-гу* Чингисханова времени; однакожъ іероглифъ *гу* тотъ же, что и въ словѣ *Манъ-гу-цзы*; во всякомъ случаѣ, здѣсь идетъ рѣчь не о *Мэнъ-у*.

«дань коровами, баранами и хлѣбомъ; сверхъ того, пожало-«валъ ихъ старшину Аоло-бэцзилэ званіемъ государя Мэнъ-«фу. Но Аоло-бэцзилэ самъ принялъ титулъ Цзу-юань-Ху-«анди и далъ годамъ своего правленія названіе Тянь-синъ «Цзиньцы нѣсколько разъ сражались, но никакъ не могли «побѣдить и только отправили отборное войско для занятія «важныхъ мѣстъ (т. е проходовъ).»

По словамъ Мэнъ-хупа, царство, основанное Аоло-бэцзилэ, вскорѣ пало; но между тѣмъ имя *Мэнъ* (хотя нельзя навѣрно сказать, чтобы тутъ разумѣлись именно тѣже Мапъ-гуцзы) не исчезаетъ изъ «Цзинь-го-чжи»; мы находимъ упоминаніе о немъ подъ 1200 годомъ. Однакожъ мы видѣли и изъ самой «Цзинь-ши», что это названіе существовало, какъ названіе Чжа и какъ имя народа Дилѣ; но это не доказываетъ еще, чтобы Чингисханъ непремѣнно принадлежалъ къ тѣмъ или другимъ. Мы сейчасъ увидимъ, что «Цзинь-го-чжи», упоминающая о *Мэнъ-у*, *Мангу-цзы* и *Мэнъ* въ продолженіи 65 лѣтъ, затрудняется объяснить однакожъ происхожденіе имени *Мэнгу* въ названіи, появившемся со временъ Чингисхана. Если бы тутъ была какая-нибудь аналогія, то эта исторія конечно не замедлила бы воспользоваться ею и не забыла бы того имени, которое сама такъ часто упоминала.

Вотъ что говорится въ ней по случаю происхожденія Татаней.

«Предки Татаней съ Нюйчженьцами одного рода, потому что, какъ тѣ такъ и другіе, суть потомки Мохэ'сцевъ. Этотъ народъ во время династій Вэй, Ци и Чжоу (съ IV до VII столѣтія) назывался Уцзи, а при династіи Суй сталъ называться Мохэ. Земля его лежала въ 6000 ли на сѣверо-востокъ отъ Чанъаня (столицы Китая, въ провинціи Шэньси) и далѣе на востокъ простиралась до береговъ океана. Мохэ'сцы раздѣлялись на нѣсколько десятковъ поколѣній, каковы Чернорѣч-

ные, Бѣлогорные и проч. Бѣлогорные собственно зависѣли отъ Корейцевъ; но когда Танская династія уничтожила Корею, то они вошли въ составъ Бохайскихъ владѣній. Чернорѣчные же уцѣлѣли и сохранили силу (т. е. независимость). Во время могущества Бохайцевъ всѣ(?) Мохэсцы подчинялись имъ; когда же Кидане завоевали Бохай, то поколѣнія (Мохэскія) разсѣялись, и тѣ, которыя жили при верховьяхъ Кунь-тунъ-цзяна, въ первый разъ назвались Нюйчженями; они были потомки Чернорѣчныхъ Тѣ же, которые жили у горъ Иньшань, прозвались Датань, и были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Китаемъ при концѣ династіи Танъ и въ періодъ Пяти династій (Удай); они приходили даже изрѣдка съ данью и при началѣ династіи Сунъ Датаньскіе люди всѣ мужественны и искусны въ сраженіи; тѣ, которые жили по близости къ Китаю, назывались «образованными» (*жэ* «спѣлый») Датанями; они занимались хлѣбопашествомъ и приготовляли кушанье на огнѣ. Отдаленные же отъ (Китая) назывались «дикими» (*шэнъ* «сырой»), занимались только охотой, не имѣя никакой утвари; на стрѣлы употребляли кости, потому что въ ихъ землѣ не было желѣза. Киданьцы, хотя съ ними и торговали, но не пропускали къ нимъ желѣза. Когда же Цзиньцы завладѣли землями на востокъ отъ Хуанъ-хэ, желѣзо и мѣдь перешли къ Датанямъ и они надѣлали себѣ оружія. Когда Цзиньское царство было сильно, то Датане ежегодно приносили дань; когда же на (Цзиньскій) престолъ вступилъ Вэй-ванъ, то Датаньскій государь Тэмучэнь провозгласилъ себя императоромъ Чингисомъ».[137]

---

[135] Упоминаніе о чаньчжурскомъ происхожденіи Датаней находимъ и въ «Исторіи Пяти династій» («Удай ши цзи») кн. LXXIV, л 4 и 5): «Датань есть поколѣніе, происходящее отъ Мохэсцевъ, они жили собственно на востокъ отъ Киданей, но въ послѣдствіи, отъ нападеній послѣднихъ, ихъ (т. е. Мохэсцевъ?) поколѣнія разсѣялись. одни подчинились Киданямъ, другіе Бо-

Въ слѣдъ за этими словами «Цзинь-го-чжи» прибавляетъ: «Еще было государство Мэнъ-гу, находившееся на сѣверо-востокъ отъ Нюйчженей. При Танской династіи они назывались поколѣніемъ Мэнъ-у, Цзиньцы назывались Мэнъ-ву и Мэнъ-гу. Эти люди не ѣли кушанья свареннаго на огнѣ, могли видѣть ночью; они дѣлали латы изъ рыбьей шкуры, которую не могли пробивать стрѣлы. Съ годовъ правленія Тянь-цзюань (1138) они возмутились (противъ Цзинь); главнокомандующій Цзунь-би (тоже что Учжу) нѣсколько лѣтъ воевалъ съ ними, но не могъ усмирить и только долженъ былъ разставить войско по важнѣйшимъ проходамъ и удерживать ихъ богатыми подарками. Глава ихъ царства называлъ себя Цзу-юань Хуанди и постоянно производилъ безпокойства по границѣ. Если къ нимъ посылали рабовъ, драгоцѣнности, матеріи, то они располагались къ согласію и возвращались съ войскомъ назадъ. Когда Мэнскіе люди провозгласили у себя императора, то напавши на Цзиньцевъ, взяли въ плѣнъ киданьскихъ и китайскихъ дѣвицъ и переженившись на нихъ родили дѣтей, которые стали вовсе не похожи на прежнихъ

хайцамъ, но изъ нихъ одно отдѣльное (т. е отдѣлившееся?) поколѣніе, жившее у Ильшаня, прозвалось Датанями; это имя сдѣлалось извѣстно въ Китаѣ при концѣ Танской династіи. (Въ это время) были (между Датанями) Мѣй-сянъ-вэнь и Юй-юѣ-сянъ-вэнь (Сянъ-гунь?) Около 870 года они послѣдовали за (Шатосцемъ) Чжу-ѣ-син'емъ (который послѣ сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ Ли-го-чанъ) противъ (китайскаго бунтовщика) Панъсюня Въ послѣдствіи, когда Ли-го-чанъ и сынъ его Ликэюнъ были разбиваемы, то всегда убѣгали къ Датаніямъ, которые послѣ, когда Ли-кэ-юнъ сдѣлался независимымъ правителемъ въ Цзинь (Шаньси) послѣдовали за Ликэюномъ, разбили Хуанъ-чао и поселились между округами Юнь и Дай (на сѣверѣ Шаньси); они были искусны въ конной ѣздѣ и стрѣльбѣ, имѣли множество верблюдовъ и лошадей. Названія ихъ поколѣній и старшинъ остались неизвѣстны для исторіи, извѣстны только имена Чжаваньцу, Цзэгэ. При Минъ-цзунѣ (927—934), чтобы помѣшать Киданямъ подать помощь взбунтовавшемуся Вань-ду, императоръ подстрекнулъ Датаней вторгнуться въ Киданьскіе предѣлы, и подарилъ имъ захваченные у Киданей вещи и оружіе. При династіи Хоу-Танъ они находились подъ ея зависимостію.»

Мэнцевъ: (эти) сверхъ того мало-по-малу пріучились употреблять вареную пищу Теперь же великое государство (Чингисханово) прозвало себя (также) великимъ царствомъ Мэнъгу (Да Мэнъгу-го). Но оба государства расположены на двухъ противоположныхъ краяхъ: одно на востокѣ, другое на западѣ, въ разстояніи другъ отъ друга въ нѣсколькихъ тысячахъ ли; неизвѣстно, какимъ образомъ согласить, что у нихъ одно имя. При Цзиньской династіи, во время ея процвѣтанія, учреждена была сѣверо-восточная экспедиція (чжаотао-сы), для (надзора и) сопротивленія Мэнъ-гу и Корейцамъ, и юго-западная экспедиція, для завѣдыванія сѣверной стороной и царствомъ Ся. Мэн'цы занимали тѣ мѣста, которыя при Цзиньскомъ Тайцзунѣ составляли 27 остроговъ...»

Можно ли думать, чтобы подобный вопросъ могли задавать себѣ современники Чингисхана, еслибъ то были одни и тѣже Монголы? Впрочемъ, мы должны сознаться, что не считаемъ еще этотъ вопросъ рѣшеннымъ вполнѣ и удовлетворительно. Мы набросали лишь, въ общемъ обозрѣніи исторіи Средней Азіи, главныя данныя, которыя нѣобходимо имѣть передъ глазами при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ; а эти изслѣдованія пайдутъ для себя матеріялы во множествѣ другихъ источниковъ, которые мы оставляемъ нетронутыми.

ПРИЛОЖЕНІЕ

О КИДАНЯХЪ, ДЖУРДЖИТАХЪ И МОНГОЛО-ТАТАРАХЪ

Если въ предшествующемъ, сжатомъ очеркѣ исторіи и древностей Средней Азіи мы встрѣтили много вопросовъ, на которые не могли отыскать удовлетворительнаго объясненія въ имѣющихся у насъ источникахъ, за всѣмъ тѣмъ нельзя сказать, чтобы количество и объемъ этихъ источниковъ были незначительны. Мы говорили уже въ началѣ, какъ пространны однѣ оффиціяльныя исторіи династій *Ляо* (Киданьской), *Цзинь* (Чжурчженей) и *Юань* (Монголовъ); сверхъ того Сунскіе писатели, еще прежде, не преминули составить записки бо́льшаго или меньшаго объема, какъ о частныхъ событіяхъ, такъ и о всей исторіи своихъ сосѣдей. Однакожъ полный переводъ котораго бы то ни было изъ этихъ сочиненій не можетъ почесться, въ настоящее время, умѣстнымъ; подробности, сохранившіяся въ китайской литературѣ, еще не могутъ возбуждать того интереса, какой необходимо предполагать при изданіи подобнаго рода переводовъ. Сверхъ того, подробности эти по большей части касаются военныхъ и политическихъ столкновеній съ Китаемъ, біографій историческихъ лицъ, наконецъ законодательныхъ мѣръ и т. п. Мы же хотимъ именно знать ту сторону жизни этихъ народовъ, которая составляла ихъ своеобразность, не зависящую отъ китайскаго вліянія; видѣть ихъ у себя дома; прослѣдить отношенія ихъ къ другимъ инородцамъ для того, чтобы лучше усвоить ту вели-

кую эпоху, въ которую Средняя Азія произвела всемірное потрясеніе, поколебавъ порядокъ, существовавшій дотого, какъ на востокѣ, такъ и западѣ. Съ этой цѣлью и въ дополненіе предшествующаго очерка, мы почли не безполезнымъ присоединить здѣсь краткія статьи о Киданяхъ, Чжурчженяхъ и Монголахъ, помѣщенныя въ китайскомъ сборникѣ «Гу-цзинь-шо-хай». Сборникъ этотъ составленъ при Минской династіи, въ 1544 году, какимъ-то Лу-цзи, который соединилъ въ одно множество различныхъ сочиненій, выбравъ изъ нихъ все существенное, но не измѣнивъ ихъ порядка (см. «Сы-ку-цюань-шу», кн. CXXIII л. 24). Первыя двѣ: «Ляо-чжи» и «Цзинь-чжи» (т. е. «Свѣдѣнія о Киданяхъ» и «Извѣстія о Цзинь») принадлежатъ извѣстнымъ писателямъ Сунской династіи, Ѣ-лунъ-ли и Юй-вэнь-мао-чжао. Первый изъ нихъ составилъ въ 1179 году болѣе подробную «Исторію Киданей» подъ названіемъ «Ци-дань-го-чжи» (27 цзюней или главъ); второму приписывается «Да-цзинь-го-чжи» (т. е. «Исторія великаго Цзиньскаго царства», 40 главъ), составленная въ 1234 году, въ моментъ самаго паденія этой династіи. Настоящія, передаваемыя нами статьи суть не болѣе какъ выдержки или избранныя мѣста изъ этихъ сочиненій и именно выборъ тѣхъ свѣдѣній, которыя всего болѣе характеризуютъ обѣ династіи; нѣкоторыя болѣе замѣчательныя свѣдѣнія, которыя здѣсь опущены, мы выписали уже въ своемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ надѣемся, что предлагаемый переводъ (сдѣланный нами еще въ Пекинѣ) не лишенъ интереса, сколько этого можно требовать отъ краткой статьи. Сверхъ того, замѣтимъ еще одно обстоятельство: мы не имѣемъ подробнаго свѣдѣнія о томъ, какими средствами владѣли составители упомянутаго сборника; сокращали ли они сами для себя болѣе подробныя сочиненія, или напечатали уже готовыя, хотя бы и прежде ихъ сдѣланныя, сокращенія? Въ послѣднемъ случаѣ взглядъ на

предлагаемыя статьи будетъ совсѣмъ другой Китайская литература (см. «Сы-ку-цюань-шу-цзунъ-му», кн. XXI), разбирая два вышепомянутыя сочиненія («Цидань-го-чжи» и «Цзинь-го-чжи»), замѣчаетъ въ нихъ компиляцію различныхъ сочиненій, даже невыдержку единства, обличающую съ одной стороны, что эти исторіи не принадлежатъ каждая одному лицу, и съ другой, что они компилированы одной рукой; доказательства, приводимыя въ подтвержденіе этой мысли, несомнѣнны. Поэтому, если мы и не смѣемъ утверждать навѣрное, что приводимые нами переводы служили, можетъ быть, оригиналомъ для послѣдующихъ компиляцій, то по крайней мѣрѣ можно сказать, что въ этой самой выборкѣ передано то, что̀ Ѣлунъ-ли и Юй-вэнь-мао-чжао сказали новаго и своеобразнаго о Киданяхъ и Чжурчженяхъ.

Что же касается до послѣдней статьи, «Записки о Монголо-Татарахъ» («Мэнъ-да-бэй-лу»), помѣщенной въ томъ же сборникѣ, то напрасно мы перерыли весь каталогъ китайскихъ книгъ, чтобы найти свѣдѣніе объ этомъ сочиненіи, которое есть одно изъ первыхъ, которыя говорятъ о временахъ Чингисхана не только въ Китаѣ, но и во всемъ остальномъ мірѣ, потому что, по словамъ самаго текста, оно сочинено было въ 1221 году (см. гл. 2-ю). Авторъ ея, по имени Мэнъ-хунъ, конечно тотъ самый, который въ послѣдствіи соединился съ Монголами для окончательнаго уничтоженія царства Цзинь и осаждалъ съ Тациромъ Цай-чжоу. Первыя сношенія Сунскаго двора съ Монголами исторически относятся къ указанному времени, хотя мы и не имѣемъ о нихъ подробныхъ извѣстій. Но одинъ взглядъ на сочиненія Мэнъ-хуна показываетъ, что оно не могло быть поддѣльно; едва ли даже оно передано намъ здѣсь и въ сокращеніи, все что̀ разсказывается здѣсь есть то, что̀ только могъ сообщить китайскій чиновникъ, не бывшій при томъ, какъ видно, въ самой ордѣ,

а находившійся только въ Пекинѣ, при переговорахъ съ Мухури, и собиравшій свѣдѣнія по разсказамъ въ то короткое время, какъ длились переговоры.

I.

СВѢДѢНІЯ О КИДАНЯХЪ.

(*Ляо-чжи*).

I. Исторія.

Начало Киданей не внесено въ китайскія книги. Это отдаленные и неизвѣстные иностранцы Сами они не имѣютъ записокъ, по которымъ бы можно было получить свѣдѣнія объ ихъ историческихъ происшествіяхъ. Въ ихъ странѣ находятся двѣ рѣки. одна называется Ди-мѣ-ли мо-ли (мурэнъ), называемая также Тао-вэй-сы мо-ли; она вытекаетъ изъ горы Маюй, находящейся на западъ отъ средней столицы [138], и течетъ на сѣверо-востокъ. Это таже рѣка, что Китайцы зовутъ Тухэ. Другая называется Нго-ло-гу мурэнъ, иначе Нюй-гу, вытекаетъ изъ сосноваго лѣса (сунъ-линь), на равнинѣ, находящейся на юго-западъ отъ Жао-чжеу, и течетъ прямо на востокъ; по-китайски она называется Хуанъ-хэ. Обѣ рѣки [139]

---

[136] По Киданьской исторіи («Ляо-ши»), эта гора находится въ земляхъ, принадлежавшихъ къ Линь-хуанъ-фу. Можетъ быть, это было общее названіе хребта, тянувшагося по землямъ двухъ столицъ.

[137] Очевидно, что здѣсь подъ двумя рѣками разумѣются рѣки Ло-ха и Шира-мурэнь, соединяющіяся въ Аоханьскомъ аймакѣ Рѣка Лоха дѣйствительно выходитъ на западъ отъ Чао-янъ-сяня, бывшаго средней столицей при Киданяхъ, и Шира-мурэнь дѣйствительно течетъ на востокъ; слѣдовательно гора Му-ѣ, если вѣрить нынѣшнимъ картамъ, принадлежитъ къ той цѣпи, которая тянется на сѣверъ отъ сліянія, подъ именемъ Бардамъ-ула и пр

соединяются вмѣстѣ у горы Му-ѣ. Древнее преданіе говоритъ, что одинъ молодой человѣкъ, сѣвши на бѣлаго коня и плывя внизъ по теченію р. Ту-хэ, встрѣтился у горы Му-ѣ съ дѣвицей, которая въ свою очередь приплыла по рѣкѣ Хуанъ-хэ, на пѣгой коровѣ, женился на ней и сдѣлался праотцемъ Киданей. У него родилось восемь сыновей, которые поселились на отдѣльныхъ мѣстахъ; отъ этого и произошло названіе восьми (Наймань?) улусовъ (бу): 1) Цзу-цзѣ-ли, или Цзѣ-цзи-ли (Чучеры); 2) И-ши-юй-хо; 3) Ши-хо; 4) Навэй, 5) (Биньмо или) Дянь-мо, 6) Нэй-хой-цзи; 7) Цзимоу-цзѣ и 8) Си-вэнь. Кумиръ (праотцевъ?) поставленъ былъ на горѣ Му-ѣ; потомки, во время жертвоприношенія ему, непремѣнно закалали бѣлую лошадь и пѣгую корову, въ воспоминаніе животныхъ, которыя въ первый разъ привезли ихъ сюда. Въ послѣдствіи у нихъ былъ царь, по имени Най-хэ (Нохай?), который собственно былъ не что̀ иное, какъ скелетъ, скрываемый въ жилищѣ за войлокомъ, такъ что никто его не видалъ; когда же въ царствѣ случались важныя дѣла, то ему приносили въ жертву бѣлую лошадь и пѣгую корову, и онъ тогда только принималъ человѣческій образъ; по окончаніи же дѣла, онъ снова уходилъ въ комнату и превращался въ скелета; но когда кто-то украдкой посмотрѣлъ на него, то онъ изчезъ. Послѣ него былъ одинъ государь Кгэ-хэ (Гахай?), имѣвшій кабанью [140] голову и одѣвавшійся въ свиную шкуру. Онъ также, какъ и прежній, жилъ въ палаткѣ (затворникомъ),

---

По «Ляо-дунъ-чжи», приводимой въ «Удай-ши цзи-чжу» кн. LXXII, рѣка Димѣли названа Бэй-ѣ-гу, это происходитъ отъ смѣшенія трехъ сходныхъ по начертанію іероглифовъ, такъ что немудрено читать и Тао-лай-хэ, по-китайски названа она Юй-хэ. Въ «Удай-ши» сказано, что она вытекаетъ изъ горы Мэнъ, на юго-западъ отъ средней столицы Іероглифъ *юй* сходенъ по начертанію съ *ту* «земля», а *Мэнъ* сходенъ съ *юй* въ вышеприведеномъ названіи горы *Ма-юй*.

[140] Кабанъ или свинья нынѣ по-монгольски называется гахай.

являлся, когда было нужно, и скрывался по окончаніи дѣла. Послѣ, когда жена украла у него свиную шкуру, онъ также исчезъ. Еще былъ государь, Хуа-ли-хунь-хэ (Хоринь-хошинга, или Хорихонга?), у котораго всего было только 20 барановъ[141], каждый день съѣдалъ онъ по 19, оставляя одного, и на слѣдующій день опять являлось 20. Всѣ эти три государя пріобрѣли славу умѣнья управлять государствомъ. Прочіе не заслуживаютъ упоминанія. Какая странность! Костякъ, или нарисованный портретъ, находящійся въ палаткѣ, управляетъ дѣлами; имѣющій свиную голову и носящій свиную шкуру, неизвѣстно куда дѣвался; когда они удаляются въ свое жилище, то неизвѣстно кто государь и кто его помощникъ! Это все басни, которыя, передаваясь отъ одного къ другому, приняли видъ истины (т. е. получили достовѣрность); но мы не можемъ объяснить настоящаго смысла (который подалъ къ нимъ поводъ).

Въ послѣдствіи, у Киданей случился падежъ на коровъ и лошадей, начались и развились тяжбы и ссоры; къ этому присоединились бѣдствія отъ вѣтра, дождя, снѣга и инеевъ. Ихъ царство ослабѣло. Но потомъ начальники восьми поколѣній опять собрали немного войска и постановили, чтобы каждые три года собираться на сеймъ, въ которомъ избирали мужественнѣйшаго и мудрѣйшаго между всѣми и поставляли его своимъ государемъ, а прежній государь сходилъ съ престола. Это наблюдалось до избранія Абаоцзи (Амбагянь), который присоединилъ къ себѣ 7 поколѣній, истребивши ихъ начальниковъ. Царство все болѣе и болѣе усиливалось при

---

[139] Въ монгольскомъ языкѣ «двадцать» называется *хорин*, а «баранъ» *хонинь*; очевидно, что вышеупомянутое имя царя имѣетъ сродство съ этими словами; слѣдовательно монгольскій языкъ существовалъ здѣсь и до Чингисхана

А-ба-цзи и Ё-люй Дэ-гуанъ (преемникъ Абахая, 927 — 947 г.). Между тѣмъ, въ Китаѣ наступилъ періодъ Пяти династій (У-дай), въ который небу не надоѣли еще смуты, и въ чревѣ Ши-цзинъ-тана (основателя династіи Цзинь) зародилось то зло, которое принесло бѣдствія Китаю [142], разлило ядъ по четыремъ морямъ (т. е. по всей вселенной, или по Китаю) и погубило много городовъ. Въ то время ненасытные и безнравственные присвояли себѣ имя императоровъ, похищали корону, посѣвали превратное ученіе. Это былъ разгаръ междоусобныхъ браней. Наконецъ (Сунскій) императоръ Чжень-цзунъ (отъ 998 по 1023 г.), переломивъ себя, отказался отъ браней и не позволялъ выпустить ни одной стрѣлы ни противъ кого. Спокойствіе продолжалось болѣе ста лѣтъ. Со времени царствованія трехъ (Киданьскихъ) государей: Шэнъ-цзуна (983 — 1030 г.), Синъ-цзуна (1031 — 1054 г.) и Дао-цзуна (1055 — 1101 г.), небо образумило ихъ и направило ихъ сердце къ любви и расположенію къ справедливости. Они жаждали только однихъ годичныхъ подарковъ и заботились о сохраненіи трактатовъ; оружіе заржавѣло или сложено съ плечъ. Этотъ періодъ пользуется славою спокойствія Какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, забыты были брани; всѣ заботились только о сохраненіи своей власти внутри и объ уничтоженіи раздоровъ, происходящихъ отъ раздѣленія; старались выказать свои доблести въ привлеченіи иностранцевъ ласками и въ подражаніи качествамъ предковъ, которыхъ ставятъ въ разрядъ мудрыхъ (или «святыхъ», *шэнъ*). Можно сказать, что въ то время достигли до извѣстнаго совершенства. Какъ сильны

---

[140] Мы уже видѣли въ исторіи, что онъ уступилъ Киданьцамъ, въ вознагражденіе за помощь, ему оказанную, 16 провинцій, и тѣмъ далъ имъ возможность принять живое участіе въ судьбѣ Китая

были Кидане, когда они владѣли всей провинціей Янь и когда имъ покорствовали всѣ иностранцы! Какъ слабы оказались они при малолѣтнемъ и безумномъ государѣ Тянь-цзо (1101—1125 г.), когда Нючжисцы свободно проникли внутрь ихъ владѣній и отъ одного ихъ крика распалось зданіе ихъ монархіи! Не забудемъ однакожъ, что война есть злополучное орудіе и что промысломъ неба видно назначено, чтобы все переходило изъ одного состоянія въ другое; а когда дойдутъ до совершеннаго благополучія, то начинается періодъ умаленія: это общій законъ для всѣхъ. Такимъ образомъ, сколь громко было возвышеніе Киданей, столь же внезапно совершилось и ихъ паденіе. Какъ это жалко! Нынѣ забыты древнія преданія (Киданей), и мы, составляя ихъ исторію (бянь), хотя не можемъ объяснить встрѣчающіяся противорѣчія, однакожъ, не можетъ быть, чтобъ удалились отъ существеннаго, составляя (этотъ) общій очеркъ ихъ главнѣйшихъ происшествій. По запискамъ о ихъ знаменитыхъ государяхъ и преданныхъ государственныхъ мужахъ, мы можемъ отъ настоящаго обратиться къ древнему и отразить его какъ въ зеркалѣ.

II. Происхожденіе поколѣній.

Кидане не имѣли фамильныхъ названій для племени, рода или поколѣнія; они назывались по мѣсту жительства Въ бракахъ не разбиралась мѣстность до временъ Абао-цзи, потомки котораго стали называться Хэнъ-чжанъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣсту жительства, они носили названіе Ши-ли. Это имя страны, находящейся въ 200 миляхъ отъ верхней столицы. Сверхъ того, онъ далъ поколѣнію своей жены фамилію Сяо По ихъ постановленіямъ, царскій родъ могъ вступать въ браки только съ родомъ императрицы; другаго раз-

личія между благороднымъ и низкимъ не было. Эти два рода не могли родниться съ другими родами безъ позволенія сѣвернаго государя; другіе же роды не подвергались никакому ограниченію въ своихъ частныхъ бракахъ. Такимъ образомъ у сѣверныхъ сосѣдей (буквально Фаней) было только двѣ фамиліи: Ѣ-люй и Сяо.

III. Страна и обычаи.

Страна Киданей находилась на востокъ отъ Кумохи. При Танской династіи она называлась землей Мохэцевъ Черной рѣки (Хэй-шуй Мохэ). Они состояли изъ 72 родовъ, независимыхъ другъ отъ друга и преданныхъ разбоямъ и грабежамъ. Они считали неприличнымъ плакать по смерти родителей, а только клали ихъ трупъ на горахъ или на деревьяхъ, и черезъ три года, собравъ кости, сожигали; причемъ возливали вино, приговаривая: «Помогите мнѣ не голодать въ зимнее время, получить на охотѣ побольше кабановъ и оленей.» Они, еще болѣе чѣмъ другіе иностранцы, отличались неимѣніемъ никакихъ обрядовъ и сосудовъ. Нравы ихъ весьма сходствовали съ Кумохи и Мохэ. Когда Абао-цзи соединилъ подъ свою власть всѣ небольшія владѣнія и сталъ употреблять на службу много Китайцевъ, то эти, на мѣсто (употреблявшихся дотолѣ) бирокъ, составили для нихъ нѣсколько тысячъ іероглифовъ, на половину передѣланныхъ изъ китайскаго письма *ли* (употреблявшагося въ дѣлопроизводствѣ, форменнаго). Сверхъ-того, при немъ изданы были (вышесказанныя) постановленія касательно браковъ, постановлены чиновники и принято названіе императора (хуанди).

IV. Кочевья *(было?)*.

При Хуннахъ (Сюн-ну), Кидане, будучи разбиты, укрывались въ горахъ Сянь-би. При династіи Вэй (одной изъ вре-

менъ троецарствія), во время правленія Цинъ-лунъ (233—236 г.), ихъ старшина былъ убитъ Ванъ-ханомъ, а народъ киданьскій убѣжалъ въ страну, находящуюся на югъ отъ рѣки Хэнъ (Кэмъ?) и на сѣверъ отъ рѣки Хуанъ-лунъ («Желтый драконъ»). При династіи Юань-вэй (или домъ Тоба), онъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Киданей При Танской династіи, въ годы правленія Кай-юань (713—741 г.) и Тянь-бао (742—756 г.), они неоднократно присылали (въ Китай) дань; поэтому Фань-янь'скому правителю (цзѣ-ду) повелѣно вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывать Кумохами и Киданями. Подъ конецъ Танской династіи Кидане начали усиливаться.

V. Соединеніе родовъ подъ одну власть.

Сначала у восьми поколѣній киданьскихъ былъ глава, называвшійся да-хэ; въ послѣдствіи они раздѣлились на восемь родовъ, изъ которыхъ въ каждомъ былъ свой старшина, называвшійся «великимъ человѣкомъ» (да-жэнь, «вельможа», амбань?). Но они всегда избирали одного изъ нихъ царемъ, и въ знакъ власти его надъ восемью родами ставили знамя и барабанъ (передъ его палаткой) Черезъ каждые три года его смѣнялъ по порядку слѣдовавшій, а иногда, въ случаѣ появленія въ улусахъ бѣдствій и мора, наносившихъ ущербъ скотоводству восьми родовъ, смѣняли царя (и ранѣе), перенося знамя и барабанъ къ слѣдующему по очереди, смѣняемый, соблюдая условіе, не смѣлъ противорѣчить Когда же выбранъ былъ Абао-цзи, то подъ предлогомъ, что въ Китаѣ цари не смѣняются, онъ не соглашался на смѣну и, удерживая силою власть надъ всѣми родами, пробылъ правителемъ 9 лѣтъ. Наконецъ, будучи не въ силахъ остановить всеобщія укоризны и неудовольствія, онъ сказалъ прочимъ родамъ, передавая знамя и барабанъ: «я, въ продолженіе девятилѣтняго управленія, на-

бралъ множество Китайцевъ и потому хочу, отдѣлившись, составить независимый улусъ и построить китайскій городъ; можно ли мнѣ это сдѣлать?» Роды согласились, и китайскій городъ выстроенъ былъ на востокъ отъ горы Тань-шань, при рѣкѣ Лоань. Тутъ добывались соль и желѣзо; это тоже самое мѣсто, что при послѣдней Танской династіи городъ Хуаянь-сянь. Почва земли способна къ хлѣбопашеству. Абао-цзи началъ посредствомъ Китайцевъ распахивать землю, построилъ города, предмѣстья, селенія, открылъ рынки; словомъ, все было по образцу (китайской) провинціи Янь (нынѣ Чжили). Китайцы успокоились и не думали больше о возвращеніи на родину Абао-цзи, увѣренный, что можно положиться на свой народъ, воспользовался проектомъ своей жены Шу-люй и отправилъ посланца къ старѣйшинамъ прочихъ родовъ съ слѣдующими словами: «всѣ роды пользуются моею солью и желѣзомъ, умѣютъ только ѣсть соль, а не знаютъ, что у ней есть хозяинъ; вамъ бы слѣдовало придти ко мнѣ и угостить меня.» Роды согласились и явились у соленаго озера съ быками и виномъ. Абао-цзи поставилъ въ засадѣ войско, которое вышло, когда всѣ перепились, и перебило старѣйшинъ всѣхъ родовъ. Тогда Кидане снова соединились въ одно государство, а испуганные иноземцы, живущіе на сѣверо-востокѣ, всѣ покорились.

VI. Военныя учрежденія.

При концѣ династіи Цзинь (т. е. Ши-цзинь, во время У-дай), войско, принадлежащее киданьскому государю, называлось «войскомъ имѣющимъ кожаныя комнаты при большой палаткѣ» (да чжанъ ю пи ши бинъ, т. е. гвардія). Оно состояло изъ 30,000 конницы; это все были отборные воины, составлявшіе основаніе (буквально «кости и зубы») всей силы.

Войска въ вѣдомствѣ матери отечества Шу-люй назывались «поднавѣсными» (шу-пынъ) и состояли изъ 20,000; это были полуустарѣвшіе, прежніе ратники Абао-цзи. Всякій разъ, когда отправлялись противъ юга, изъ нихъ выбиралось по 5000 всадниковъ; но при Шу-люй постоянно оставлялось нѣсколько сотъ (?) войска для резерва и охраненія дома. Главные старѣйшины, какъ напримѣръ Юнъ-канъ (тай-цзы, «наслѣдный принцъ») и старшіе князья Чжао-ма, Дау-цзя, дѣти сѣвернаго и южнаго князей, и другіе, одни имѣли по 1000, а иные по нѣсколько сотъ всадниковъ, которые составляли ихъ частные отряды. Изъ другихъ племенъ было превосходное войско изъ Кумохи и Си, состоявшее изъ тысячи слишкомъ человѣкъ; при малолюдіи оно имѣло множество лошадей. Еще былъ предводитель бохайскій Да-шэли (и) Гао-мо. Китайцевъ въ пѣхотѣ и конницѣ было болѣе 10,000 слишкомъ человѣкъ; всѣ они ходили на киданьскій манеръ съ бритыми волосами, въ кафтанахъ, застегиваемыхъ на лѣвую полу. Пограничные Татары, Юй-цюэ-ли, Шивэй, Нючжисцы и Тангуты (Данъ-сянъ) также поступали на службу; но изъ каждаго рода было не болѣе 1000 человѣкъ Три поколѣнія. Духунь (Тогонь или Тугухунь?) составляли отрядъ въ 1000 слишкомъ человѣкъ, расположенный въ То-мо и Ю-чжоу, на сѣверъ отъ прохода Ямынь. Провинціяльныя войска (гарнизоны) простирались въ совокупности отъ 30 до 50,000. Они расположены были въ странѣ, отрѣзанной Киданямъ отъ Китая въ видѣ вознагражденія, при Ши-цзинъ-танѣ, основателѣ династіи Цзинь (во время У-дай). Изъ этого можно понять о количествѣ народонаселенія какъ китайскаго, такъ и иностраннаго (во владѣніяхъ Киданей). При вторженіи Киданей въ южныя страны, число ихъ никогда не превышало 100,000. Когда самъ государь вступалъ въ предѣлы, то пѣхота, конница и обозъ не слѣдовали по одной дорогѣ. Впере-

ди главнаго лагеря и съ правой и съ лѣвой стороны отправлялись три предводителя, каждый съ 10,000 конницы; они разсѣвались на пространствѣ ста или нѣсколькихъ десятковъ миль, осматривая и наблюдая надъ всѣмъ Это войско называлось «перилами» (хошунъ?). Когда начальникъ трубилъ въ рогъ, то это было знакомъ, чтобы всѣ останавливались и окружали его палатку, на близкомъ и далекомъ разстояніи(?). Сломанное дерево, обстроганное или искривленное, служило древкомъ для лука или дротика. Для обезопасенія себя они не ставили рогатокъ и не дѣлали рвовъ. Въ походѣ всѣ тотчасъ собирались по троекратномъ ударѣ въ барабанъ, не разбирая, день ли то, или ночь. Когда встрѣчались съ непріятелемъ, то не садились (тотчасъ) на боевую лошадь, но выждавъ приближенія, тогда вскакивали· это для того, чтобъ сохранить въ свѣжести силы лошади. По ихъ стратегическимъ правиламъ, они только выстраивались въ боевой порядокъ, но не нападали, а выжидали, когда непріятель отступитъ, и тогда бросались на него. По большей части прибѣгали они къ засадамъ, пресѣченію провіянта, ночнымъ нападеніямъ, сожженію непріятельскаго лагеря, пуская огонь по вѣтру. Они питались собранными припасами (фуражемъ); въ отступленіи и разбитіи не имѣли стыда; но, будучи разсѣяны, снова соединялись; во время холода они становились крѣпче (смѣлѣе), въ этомъ заключалось ихъ превосходство.

VII. Учрежденіе касательно должностей.

Всѣ другіе роды (фамиліи) почитались презрѣнными; дорожили только фамиліями Ё-люй и Сяо. Изъ присутственныхъ мѣстъ у нихъ были: киданьскій сенатъ (шу-ми-юань), походное и главное правленіе (синъ-гуань ду-цзунъ-гуань-сы), называвшіяся «сѣвернымъ лицомъ» (или «стороной», мянь),

потому что находились на сѣверѣ отъ ставки государевой (я-чжанъ-ордо?). Они управляли дѣлами природныхъ жителей (фаней); также были и китайскіе—сенатъ, министерство, походный лагерь и главное управленіе, называвшіяся «южной стороной», потому что стояли на югъ отъ палатки (дворца) и завѣдывали китайскими дѣлами. Ихъ «княжескій приказъ» (цзунъ-чжэнъ-сы) называли ти-инь (ноянь?), завѣдывающій правленіемъ министръ (цань-чжи-чжэнъ-ши) назывался и-ли би-цань, академикъ назывался линь-я; или-цзи значило правитель или губернаторъ (цы-ши-эльчи?). (Прочіе) столичные и провинціяльные чины по большой части введены были въ подражаніе Китаю. Изъ низшихъ чиновниковъ были би-ши-му-гу, сы-ну-гу, ду-ну-гу и ту-ну-гу, имѣвшія отдѣльныя должности. По управленію войскомъ были приказы военный, тѣлохранителей и охотничій. Были войска, приписанныя къ дворцовымъ управленіямъ князей (ванъ) сѣвернаго, южнаго, князя Ку-мо-хи (Си-ванъ-фу), войска западной и восточной провинцій и войска визиря (тай-ши). Сверхъ того находились правленія: государевыхъ дядей, экипажное, носилочное, платяное, были правители надъ южными и сѣверными кожаными палатками (пи-ши) и 20-ю родами; пять правленій надъ Китайцами, Бохайцами, Нючжисцами, (правленія) Бпнъ-би-ли, Цзю-кэ. У-чжи-хо завѣдывали 100, 600 и 900 семействами. Всякій подданный отъ 15 до 50 лѣтъ вписывался въ ряды. Когда наступала война, то закалывали пѣгую корову и бѣлую лошадь, и приносили ихъ въ жертву небу и землѣ и духу горы Му-ё-шань; отливали изъ золота приказы (или «значки», фу) съ заголовками въ видѣ рыбы, по которымъ командировались войска; для почты и передачи приказаній было 200 серебряныхъ пай-цзы[141]; на мѣстахъ остановки войска,

[141] О пай-цзахъ въ «Цидань-го чжи» говорится слѣдующее (кн. XXV,

посылали отрядъ для развѣдыванія (или дозора); они прислушивались ночью, нѣтъ ли гдѣ топота лошадей или человѣческаго говора (въ опасеніи непріятеля) Для завѣдыванія захватываемыми войскомъ людьми, лошадьми, деньгами, а также подносимымъ скотомъ и для наказанія виновныхъ, учреждалось особенное походное управленіе (синъ-инъ). Въ областяхъ и уѣздахъ постановлялись правители и имъ подчиненные чиновники. Когда умиралъ (государь?), то воздвигался большой храмъ, въ которомъ ставился отлитый изъ золота его кумиръ, которому приносились жертвы 1-го и 15-го числа мѣсяца; въ годовыя, третныя празднества и посты воздвигали алтарь, вышиной болѣе сажени (въ 10 китайскихъ футовъ), на которомъ, въ жертвенной чашѣ, сожигали пищу, что̀ называлось жечь кушанья.

VIII. Дворцовое управленіе.

(У киданьскихъ государей) было 10 дворцевъ, въ которыхъ были (особенныя) ворота для выхода (т. е. помѣщенія) войска. Дворецъ Абао-цзи назывался хунъ-и-гунъ («дворцомъ великой справедливости»); дворецъ Дэгуана (наслѣдника Абаоцзи, царствовавшаго съ 927—947 г.) назывался юнъ-синъ-гунъ («дворецъ вѣчнаго возвышенія»); дворецъ У-юй'я назывался цзи-цинь-гунъ («собраніе радости»), (дворецъ императрицы) Шулюй назывался янь-чанъ («привлекающій изящное»); дворецъ Минъ-цзи (т. е. Цзинъ-цзуна) — чжанъ-минь-гунъ («дворецъ искусства»); Ду-юй'я (Ши-цзунъ)—чанъ-нинъ-гунъ

л. 4) «серебряныя пай-цзы имѣютъ форму четырехъ-угольную, на лицевой «сторонѣ вырѣзано по киданьски: «должно скоро», посланный съ пай-цзой «проѣзжаетъ въ день по нѣсколько сотъ ли, куда онъ ни пріѣдетъ съ пай-«цзы, его встрѣчаютъ, какъ бы пріѣхалъ самъ государь, никто не осмѣли-«вается противиться его требованіямъ»

(«продолжительнаго спокойствія»); Янь-ян'я — чунъ-дэ-гунъ («возвышенныя доблести»); Лунъ-сюй'я — синъ-шэнъ-гунъ («возвышеніе мудрости»); Лунъ-циня (Сяо-вэнь-хуанди) — дунь мугунъ («дворецъ твердой любви»); Лунъ-юня — вэнь-чжунъ-гунъ («учености и преданности»). Сверхъ того были четыре башни: въ Верхней столицѣ называлась Западною, на горѣ Му-ѣ-шань — Южною, въ Хуа-чжоу — Восточною, а въ Танъ-чжоу — Сѣверною. Всякій разъ, когда жаловали кого дипломомъ, то собравъ костеръ, всходили на башню, и въ торжественномъ собраніи множества иноземцевъ, внизу башни зажигали дрова и читали молитву небу. Китайцы не могли участвовать въ этомъ обрядѣ. (При дворѣ) находилось 100 человѣкъ хористовъ, изъ которыхъ на ночь выбиралось по 50 человѣкъ, и они всю ночь пѣли пѣсни передъ (царской) палаткой, имѣя при себѣ 4 барабана; это называлось «безпокоить палатку». Всякій разъ, когда являлись (для жертвоприношенія) къ горѣ Му-ѣ, или когда совершалась облава, хористы шли впередъ съ варварскими (фань) пѣснями, акомпанируя на монгольскомъ цимбалѣ (ху-цинь); музыка прекращалась по окончаніи дѣла.

IX. Одѣянія.

Мать отечества и иностранные (т. е. киданьскіе) чиновники одѣвались въ монгольское (ху) платье, а государь съ китайскими чинами въ китайское. Природные чиновники носили войлочную шапку, верхушку которой украшали золотыми цвѣтами или жемчугомъ, яшмой, перьями *цуй*; это напоминаетъ шапку *бу-яо*, которую носили въ Ляо-дунѣ, при династіяхъ Ханьской и Вэйской (послѣдняя во время троецарствія[142]; на затылкѣ висѣлъ тканый узкій мѣшечикъ

[142] Слово *бу-яо* означало шапку на языкѣ Тобасцевъ Это напоминаетъ татарское *буюкъ*.

(буквально. поясъ), украшенный золотыми узорами, въ него вкладывался пучекъ съ волосами [143]. Платье было фіолетоваго (*цзы*) цвѣта и узкое; поясъ дѣлали изъ ремней желтаго или краснаго цвѣта, унизывая его золотомъ, яшмой, горнымъ хрусталемъ, бирюзой. Сверхъ того, была флеровая шапка, похожая на (китайскую) черную флеровую шапку; она была безъ козырька и не закрывала ушей; со лба впереди висѣлъ мѣшечикъ, вышитый золотыми цвѣтами, на концѣ котораго висѣлъ жемчугъ. Были еще фіолетовыя и черныя чалмы (фуцзинь), фіолетовые узкіе кафтаны, стянутые поясомъ, мущины носили зеленую чалму и зеленый шитый узкій кафтанъ безъ подкладки. Знатные носили соболью шубы, въ которыхъ уважался красно-черный цвѣтъ, просто-черный считался ниже; сверхъ того бывали и горностаи превосходной бѣлизны. Низшія лица носили собольи, бараньи, бѣличьи и лисьи (степныхъ лисицъ) мѣха. Тетивы на лукахъ дѣлались изъ кожи; стрѣлы (т. е. древки стрѣлъ) дѣлались изъ березы. Сбруя на лошадяхъ была весьма легкая и удобная къ быстрой ѣздѣ. Привѣска на поясницѣ дѣлалась изъ собольей или бѣличьей шкуры, или изъ гусиной шеи или утиной головы (?). Во время царствованія Сунскаго императора Чжень-цзуна (998 — 1023 г.), въ годы правленія Цзинъ-дэ (1004 — 1007 г.), для поздравленія киданьскаго государя со днемъ рожденія, отправлены были (отъ Сунскаго двора) секретарь (бо-ши) палаты Тай-чанъ-сы («жертвоприношеній»), Ванъ-шу и начальникъ отдѣленія (юань-вай-ланъ) въ министерствѣ финансовъ, Ли-вэй. По возвращеніи оттуда, они разсказывали, что тамошній государь принялъ посланника въ пограничномъ (цзянъ) платьѣ и шапкѣ, а по окончаніи представленія пере-

[143] То есть, если тогда и не заплетали волоса, какъ нынѣ въ косу, то брили голову кругомъ, оставляя оселедецъ

моніи, надѣвъ чалму (фу-цзинь) и кафтанъ, выѣхалъ съ туземцами (фань) верхомъ въ поле для охоты.[144]

X. Время охоты и рыбной ловли.

Каждый годъ въ первой лунѣ, въ первые десять дней, (императоръ) отправлялся на облаву, на которой проводилъ 60 дней, послѣ этого отъѣзжалъ на рѣку Да-лу (Дарокъ), гдѣ прорубали ледъ и удили рыбу. Когда ледъ расходился, то спускали соколовъ и кречетовъ, для ловли гусей и утокъ. (Императоръ) проводилъ лѣто на горѣ Тань-шань или въ Верхней столицѣ, чтобы уклониться отъ жаровъ. Въ первыхъ десяти числахъ 7-й лупы снова выѣзжали на охоту за оленями, въ полночь, охотники звуками роговъ сгоняли оленей въ одно мѣсто, гдѣ по нихъ и стрѣляли Посланные отъ Сунскаго императора Чжень-цзуна для поздравленія киданьскаго императора со днемъ рожденія, разсказывали, что какъ скоро они достигли до длиннаго озера, на которомъ было множество гусей и утокъ, то государь, послѣ (нѣсколькихъ) выстрѣловъ, приказалъ сопровождавшимъ его всадникамъ объѣхать озеро съ небольшими барабанами, чтобъ спугнуть птицъ, и какъ скоро они взлетѣли, то спустилъ кречетовъ (хай-дунъ цинъ), а по нѣкоторымъ и самъ стрѣлялъ. У государя былъ привѣшенъ кинжалъ (буквально. шило или вертелъ?), сдѣланный изъ золота и яшмы и носившій названіе кинжала, для умерщвленія гусей и закаланія утокъ, на него втыкалась первая поймашная птица, у которой тотчасъ же выщипывали перья. Государь сидѣлъ на барабанѣ и пилъ до-

---

144 Въ «Цидань-го-чжи» (кн XXV, л. 4) сказано: «сѣверныя женщины вымазываютъ лицо желтой краской, какъ золотомъ, и это называется притираніемъ Будды (Фо-чжуанъ)».

пьяна съ сопровождающими его, это почиталось удовольствіемъ. Сверхъ того, Кидане были искусны въ убиваніи зайцевъ кистенями, сдѣланными изъ камня или мѣди. Осенью, на охотѣ за оленями, носили войлочное (т. е. шерстяное) одѣяніе; лѣтомъ холщевое. Они проводили (лѣто) въ юртахъ, въ игрѣ въ мячъ и шахматы, въ борьбѣ, въ обмываніи въ глубокихъ ручьяхъ соколовъ (съ соколами?)

XI. Правила для экзаменовъ.

Во время возвышенія Тайцзу (Амбагянь), когда вся страна Шамо была съ оружіемъ въ рукахъ, не было опредѣленнаго правила для экзаменовъ. Они открыты только въ послѣдствіи, когда настало продолжительное спокойствіе. Опредѣлено было: черезъ три года производить испытаніе въ уѣздахъ (сянь), департаментахъ (фу) и провинціяхъ; оказавшійся способнымъ въ первомъ испытаніи, назывался уѣзднымъ студентомъ (сянъ-сянь), во второмъ—департаментскимъ (фу-цзѣ), въ третьемъ—достигшимъ степени (цзи-ди). Когда въ провинціяхъ открывались люди съ блестящими дарованіями (сю-цай), не желавшіе являться на экзамены, то о такихъ мѣстное начальство непремѣнно должно было доносить. Испытаніе состояло въ двухъ предметахъ: въ стихахъ и классическихъ книгахъ. Черезъ три года производился экзаменъ на доктора; получившему эту степень экзаменаторскій приказъ выдавалъ билетъ въ два вершка, на которомъ писались его имя и фамилія; онъ назывался «радостнымъ билетомъ» (си-тѣ); на другой день (по выдержаніи экзамена) выходили изъ воротъ, при звукахъ музыки, ударяли 12 разъ въ барабанъ, въ прообразованіе грома и молніи. Придворное испытаніе (дянь-ши, т. е. окончательное, дѣлаемое докторомъ во дворцѣ) производилось въ опредѣленный срокъ, по указу. Первому между докторами да-

валась исключительно должность вельможи-академика, обязаннаго исправлять слогъ получаемыхъ (отъ императора) бумагъ; вторый и третій, какъ и прочіе, производились только въ дѣлопроизводители (цунъ-ши-ланъ). Во время Шэнъ-цзуна (983—1030), испытаніе на доктора производилось только изъ стиховъ и законодательства, изъ которыхъ первый предметъ почитался главнымъ, а послѣдній смѣшаннымъ. Что же касается до дѣтей (знатныхъ, потомковъ) должностныхъ лицъ, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, то и они, по докладу государю, поступали въ число чиновниковъ.

XII Календарные замѣтки.

1. Первое число новаго года. Въ первое число первой луны государь дѣлалъ катышки величиной съ кулакъ изъ рисовой каши, смѣшанной съ мозгомъ изъ костей бѣлаго барана, и разбрасывалъ ихъ по палаткѣ, всего числомъ сорокъ девять; когда наступала пятая стража, то государь и прочіе выбрасывали катышки въ окно изъ палатки Если при этомъ оказывалось четное число, то тотчасъ, ночью, начинала играть туземная музыка и начиналось пиршество, но если выходило непарное число, то музыка не играла, а призывали 12 человѣкъ шамановъ (у), которые обходили извнѣ кругомъ палатки, потрясая колокольчиками, держа въ рукахъ стрѣлы и крича во все горло; а въ палаткѣ, во всѣ камины бросали соль, а также обжигали землю, спугивали мышей, какъ бы прогоная демоновъ. Живущіе въ палаткѣ выходили изъ нея только на 7-й день Это не что̀ иное, какъ обрядъ избавленія отъ напасти; на сѣверѣ онъ называется Ми-да-ли, что̀, какъ Китайцы говорятъ, значитъ въ переводѣ· *ми* «гвоздь», а *да-ли* (эдуръ?) «день».

2 Начало весны. Въ день, въ который начиналась

весна, женщины подносили (мужьямъ) новые весенніе картины (чунь-шу), которыя подклеивались тафтой желтаго (по другому тексту: чернаго) цвѣта и украшены были рѣзнымъ изображеніемъ дракона или жабы.

3. Человѣческій день (*жэнь-жи*)[145]. Въ этотъ день, въ киданьской столицѣ, всѣ ѣли жареные пироги, по срединѣ залы (тинъ), что̀ называлось «прокуривать небо». Неизвѣстно, откуда взялся этотъ обычай.

4. Празднество согласія (*чжунъ-хо*)[146]. Перваго числа 2-й луны, принадлежавшіе къ знатной фамиліи Сяо (къ которой принадлежала императрица) приглашали къ себѣ на угощеніе фамилію Ѣ-люй. Это празднество (цзѣ) называлось (по-киданьски) Ся-ли-по (*сарилъ* нынѣ по-монгольски значитъ «угощеніе»). Китайцы говорятъ, что *ся-ли* значитъ въ переводѣ «просить» (цзалаху?), а *по* «время» (маньчжурское *фонь*?).

5. Праздникъ Шанъ-и[147]. Третьяго числа 3-й луны,

---

145 Такъ называется 7-е число первой луны, въ которое варятъ супъ изъ семи родовъ овощей. Въ этотъ день въ Китаѣ вырѣзывали изъ шелковой матеріи, или отливали изъ золота фигуру человѣка и наклеивали ее на щитѣ, или загородкѣ, ставимой предъ воротами. Эта фигура имѣла накладные волосы и проображала измѣненіе и обновленіе человѣка, со вступленіемъ въ новый годъ.

146 Такъ называется первое число 2-й луны Празднество это, какъ кажется, установлено при Танской династіи, когда Ли-ми предложилъ императору перенести въ этотъ день празднество послѣдняго числа первой луны. Въ этотъ день приносятся жертвы солнцу въ храмѣ, стоящемъ въ восточномъ предмѣстіи и прежніе императоры угощали своихъ вельможей и награждали ихъ деньгами

147 *И* значитъ здѣсь «прекращать навожденія», а *шанъ* «верхній». Въ этотъ день, для отогнанія всѣхъ злополучій, могшихъ случиться въ году, мылись въ водѣ По книгѣ «Учрежденія династіи Чжоу» (Чжоу-ли), это должно было производить чрезъ женщинъ-колдуней. Давали празднества, гадали о сборѣ шелку, касательно послѣдняго, всего лучше, если въ этотъ день не было видно солнца, но и не шелъ дождь Этотъ праздникъ былъ 3-го числа 3-й луны.

народъ, разсѣявшись партіями (или попарно), стрѣлялъ на скаку въ зайца, вырѣзаннаго изъ дерева; кто прежде попадалъ, тотъ считался побѣдителемъ; побѣжденный слѣзалъ съ лошади и, стоя на колѣняхъ, подносилъ вино побѣдителю, который пилъ его, сидя на лошади. Это празднество называется по-сѣверному (т. е. по-киданьски) Тао-ли-хуа. Китайцы говорятъ, что *тао-ли*, въ переводѣ, значитъ «заяцъ» (нынѣ по-монгольски. тао-лай), а *хуа* «стрѣлять» (нынѣ по-монгольски. харбуху).

6. Праздникъ дня рожденія Будды. Восьмаго числа 4-й луны, какъ въ столицѣ, такъ и во всѣхъ губернскихъ, областныхъ и уѣздныхъ городахъ, носили по городскимъ стѣнамъ вырѣзанный изъ дерева кумиръ принца Си-да[148]. Хэшаны и Хэшашки, Даосы и простой народъ гуляли по стѣнѣ и проводили весь день въ увеселеніяхъ.

7. Празднество Дуань-ву[149]. Пятаго числа пятой луны въ полдень (у), государь надѣвалъ платье семи дѣлъ (ци-ши), на подкладкѣ изъ смѣси листьевъ артемизіи съ шелковой ватой. Китайскимъ и туземнымъ чиновникамъ каждому раздавалось по три (такихъ) платья изъ артемизіи (т. е. съ такой подкладкой?). Во время пира государя съ чиновниками, бохайскій поваръ подавалъ отваръ артемизіи и его подливалъ всякій въ похлебку изъ ревеня (?). На сѣверѣ это время на-

---

[148] То есть Сидд'арты. такъ назывался Шакьямуни въ свѣтскомъ званіи, когда былъ еще принцемъ

[149] Пятое число 5-й луны одно изъ трехъ главныхъ годовыхъ временъ (цзѣ-ци), въ которыя Китай представляетъ нѣчто похожее на наши празднества. По китайскимъ понятіямъ, въ этотъ день *Инь* и *Янъ* вполнѣ сливаются другъ съ другомъ, или теченіе годоваго времени (собственно неба) находится въ самой срединѣ, слова *дуань* значитъ «прямой», а *ду* «полдень». Въ этотъ день собираютъ лекарства, потому что это время усиленія жизни; на воротахъ вѣшаютъ артемизію для отогнанія всякаго зла; въ народѣ и понынѣ приготовляютъ кашу, завертываемую въ листья камыша, въ видѣ треугольника, въ знакъ того, что Инь и Янъ не разсѣяны

зывалось Тао-сай-ли. Сверхъ того сплетали веревку радости изъ разноцвѣтныхъ нитокъ, или изъ зеленыхъ и обертывали вокругъ плечъ; женщины подавали веревку долгоденствія и съ шутками опоясывали всѣхъ.

8. Праздникъ явленія ко двору — Въ день лѣтняго поворота (ся-чжи), женщины подносили вѣеры и мѣшечки съ румянами и бѣлилами (или для румянъ и бѣлилъ?), что̀ называлось празднествомъ представленія ко двору.

9. Песьи дни *(сань-фу)* — Восемнадцатаго числа шестой луны, принадлежащіе къ знатной фамиліи Ё-люй приглашали къ себѣ фамилію Сяо, что̀ также называется Ся-ли-по.

10 Чжунъ-юань[150].—Ночью 13-го числа 7-й луны государь уѣзжалъ за тридцать миль на западъ изъ своего дворца, гдѣ заранѣе приготовлялись палатки со столами, наполненными кушаньемъ и винами. Съ наступленіемъ 14-го числа онъ пировалъ, съ сопровождающими его войсками и народомъ, при звукахъ туземной музыки Съ наступленіемъ вечера онъ возвращался въ свой дворецъ. Это называлось встрѣчать праздникъ (цзѣ). 15-го числа играла китайская музыка и давалось большое угощеніе. Рано по утру 16-го числа (государь) снова отправлялся на западъ и приказывалъ сопровождавшимъ войскамъ прокричать изъ всей силы три раза: это называлось

---

150 Названіе 15-го числа 7-й луны — праздникъ, введенный собственно буддистами, потому что основаніемъ его служитъ легенда о Монгальяни, избавившемъ въ этотъ день свою мать, которая переродилась въ аду. И понынѣ, въ Китаѣ, Хэшанки отправляютъ въ это время церемонію подъ именемъ Юй-лань пынъ, причемъ всѣ набожные принимаютъ участіе въ молитвѣ за своихъ родителей Очевидно, что и Дао-сы заимствовали свое толкованіе на этотъ день отъ буддистовъ, они говорятъ, что въ этотъ день чиновникъ, завѣдывающій землей, отмѣчаетъ людей, отличаетъ дурныхъ отъ хорошихъ, и Дао-сы могутъ своими молитвами въ этотъ день насытить всѣхъ Прэта и возвратить ихъ въ состояніе людей

проводами[151] празднества, которое называется сай-ли-ши, что̀ въ переводѣ значитъ «хорошая луна», отъ словъ: *сайли* «луна» (нынѣ по-монгольски *сара*) и *ши* «хорошій» (по-монг. *сайнь*).

11. Средина осени (*чжунъ-цзо*)[152]. — Восьмаго числа 8-й луны государь убивалъ бѣлую собаку, которой голову зарывали въ семи шагахъ отъ палатки на югъ, выставляя зубы. Черезъ семь дней палатку ставили на томъ мѣстѣ, гдѣ была зарыта собачья голова. Этотъ праздникъ называется на сѣверѣ дань-хэ-ми. Китайцы переводятъ *дань-хэ* (по-монгольски нохай) «собака» и *ми* «голова» (?).

12. Двойное девять (*чунъ-цзю*)[153]. — Девятаго числа 9-й луны государь дѣлалъ облаву на тигра. Кто застрѣливалъ меньше, тотъ штрафовался, т. е. долженъ былъ приготовить угощеніе въ этотъ день. По окончаніи стрѣльбы ставили палатку и столы на возвышеніи, и туда входилъ государь съ китайскими и туземными чиновниками; пили вино, настоянное на астрахъ, ѣли заячью печень, смѣшанную съ сырымъ оленьимъ языкомъ. Этотъ праздникъ по-сѣверному назывался би-ли-си-ли, что̀ Китайцы переводятъ 9-мъ чи-

---

151 Въ подлинникѣ стоитъ «встрѣчей», но, вѣроятно, здѣсь опечатка, такъ какъ слова *инъ* «встрѣча» и *сунъ* «проводы» представляютъ небольшое сходство въ начертаніи.

152 Это собственно праздникъ 15-го числа 8-й луны, въ который вечеромъ приносятся жертвы лунѣ. Въ народѣ, въ семействахъ стараются провести вечеръ на открытомъ воздухѣ за столомъ, въ жертву лунѣ сожигаютъ рисунки, на которыхъ главное мѣсто занимаетъ заяцъ (ту-эръ, «толкущій въ ступѣ», патронъ медиковъ), его выдѣлываютъ также и изъ глины, украшая золотомъ и красками, приготовляютъ особенный родъ лепешекъ, называемыхъ «лунными» (юэ-бинъ), ихъ складываютъ ярусами одна на другую, верхніе меньше нижнихъ.

153 То есть 9-е число 9-й луны. Въ просторѣчіи называется нынѣ дэнъгао «восхожденіе на высоту», потому что праздные люди взбираются на террасы или въ полѣ на холмы, валы и проч., и пьютъ вино. Введеніе этого обычая приписываютъ воспоминанію объ избавленіи отъ несчастія (потопа или землетрясенія), потому въ воротахъ втыкаютъ траву.

сломъ 9-й луны (?) Также кропили двери вином, настоянным на растеніи чжу-юй, чтобы прогнать всякое наваждение. Есть также люди, которые пьютъ это вино, прибавляя немного соли. Говорятъ также, что если мущина, собравъ два, а женщина одинъ девятокъ зеренъ (этой травы?), проглотитъ ихъ съ виномъ, то удалитъ отъ себя въ высшей степени зло.

13. Малая весна[154]. — Въ десятой лунѣ, изъ пяти столицъ подносили (государю) сдѣланныя изъ бумаги въ маломъ размѣрѣ платья, латы, а также пики, сабли и другіе военные снаряды, каждаго сорта по 10,000 штукъ. 15-го числа окончательно подносили цѣль (?). Государь, взявъ съ собой туземныхъ вельможъ, тайно отправлялся на гору Му-ѣ, гдѣ возливалъ вино, чинилъ поклоны, и потомъ сожигали все это вмѣстѣ съ молитвой (или докладомъ), написанной туземными буквами (фань-цзы), (какъ бы) отдавая на сохраненіе духу горы Му-ѣ-шань. По-сѣверному это время называется Дай-бань; *дай* значитъ «жечь», а *бань* «латы» (?).

14. Зимній поворотъ (*дунъ-чжи*). — Въ день зимняго поворота закалывали бѣлую лошадь, бѣлаго барана и гуся, и смѣшивали ихъ свѣжую кровь съ виномъ. Государь, обратясь на сѣверъ, кланялся Черной горѣ, приносилъ жертву, возливая вино, духу этой горы, которому, говорятъ, достаются въ завѣдываніе души умершихъ Киданьцевъ, не исключая и богатыхъ: такимъ образомъ, Черная гора у Киданьцевъ играла такую же роль, какъ у Китайцевъ гора Дай-ю, потому что, по преданію, души всѣхъ сѣверныхъ жителей по смерти поселяются на этой горѣ. Каждый годъ пять столицъ достав-

---

[154] Сяо-чунь, такъ называется 10-я луна, потому что погода бываетъ въ это время теплая и благорастворенная, какъ и весной.

ляли по 10,000 людей, лошадей и латъ[155], склеенныхъ изъ бумаги; ихъ сожигали въ жертву этой горѣ и обрядъ соблюдался весьма строго; безъ принесенія жертвы не смѣли подойти къ горѣ.

15. Двѣнадцатая луна (*Ла-юэ*)[156]. (Съ наступленіемъ) 12-й луны государь одѣвался въ военные доспѣхи и вмѣстѣ со всѣми чинами, какъ китайскими, такъ и туземными, одѣтыми также въ военное платье, по пятикратномъ возліяніи садился на тронъ и пировалъ при звукахъ музыки. По окончаніи; дарили по порядку присутствующимъ императорскіе латы, бараны и лошади. Этотъ праздникъ по-сѣверному назывался ша-ли-по; Китайцы переводятъ слово *ша-ли* «сражаться», а *по* «время», потому что это время веденія войны.

16. Указъ о ворáхъ. Съ 13-го числа 5-й луны позволяется народу на три дня быть ворами; но если кто награбитъ свыше десяти связокъ (чоховъ, въ каждой по 500 мѣдныхъ монетъ), тотъ судился по закону. На сѣверѣ это называли гу-ли-по; Китайцы переводятъ слова *гу-ли* «воровство» (нынѣ по-монгольски хулагай, а по-маньчжурски хулха), а *по* «время».

17. О (времени) похода войскъ. Кидане не избирали дня для выступленія въ походъ; но взявъ артемизію, смѣшанную съ конскимъ пометомъ, зажигали ее на бедрѣ (пипа-гу) бѣлаго барана; когда кость отъ горѣнія растрескивалась, то отправлялись, а если нѣтъ, то не выступали

---

[155] По буквальному значенію текста 10,000 латъ для людей и лошадей; но едва ли это такъ, потому что въ Китаѣ и теперь покойникамъ сожигаютъ дома, экипажи, лошадей и рабовъ, сдѣланныя изъ бумаги.

[156] Такъ называется даже и въ разговорѣ послѣдняя 12-я луна въ году Слово *ла* одни толкуютъ охотой, потому что будто прежде охотились въ этомъ мѣстѣ за звѣрьми, которыхъ приносили въ жертву предкамъ, другіе принимаютъ слово *ла* въ смыслѣ *связи* между новымъ и старымъ.

18. День подъ циклическимъ знакомъ У. Кидане, когда выступленіе въ походъ случалось въ день *у*, равно какъ, если отправлялись въ этотъ день и не на войну, всегда обращались къ западу и дѣлали три сильныхъ крика. Они говорили, что это день великаго царя (ихъ) сѣверной династіи.

XIII. Вихрь.

Когда Кидане встрѣчались съ вихремъ, то, защуривъ глаза, дѣлали по воздуху 49 ударовъ плетью; если въ ротъ набивалась пыль, то не откашливались по семи разъ(?).

XIV. Шэ-ли[157].

Въ Киданьскомъ царствѣ богатыя и знатныя лица, желавшія обертывать голову платкомъ (т. е. носить чалму?) платили (въ казну?) по 10 коровъ и верблюдовъ и 100 лошадей. Кидане называли такихъ людей шэ-ли (шерифъ?).

XV. (Образъ) поклоненія и привѣтствія.

Мущины и женщины раскланивались одинакимъ образомъ, ихъ наклоненіе на одно колѣно состояло въ томъ, что ставъ на землю однимъ колѣномъ, дѣлали три или четыре размаха(?) рукой; стоять на колѣняхъ, по ихъ, говорится нѣ-гудди(?) (по-монг. сугутку, по маньч. някурамби).

XVI. Чанъ-бо-шань (Длинныя Бѣлыя горы, изъ которыхъ выводятъ себя и настоящіе Маньчжуры).

Горы Чанъ-бо-шань находятся въ 1000 слишкомъ миляхъ

---

[157] Этимъ словомъ называются буддійскія останки Шарира; но здѣсь, сколько позволяетъ заключать смыслъ текста, вовсе нейдетъ о нихъ рѣчь.

на юго-востокъ отъ горы Лынъ-шань; это мѣстопребываніе Авалокитешвары (Гуань-инь), носящаго бѣлое платье. Птицы и звѣри, здѣсь водящіеся, также всѣ бѣлы. Люди не смѣютъ зайти сюда, боясь ихъ осквернить, а также и подвергнуться укушенію змѣй. Отсюда вытекаетъ Черная рѣка (Хэй-шуй-сахаліянь), въ древности называвшаяся Сумо-хэ (Сунгари) и переименованная (киданьскимъ) Тай-цзуномъ, по разбитіи имъ Цзинь-цевъ (династія пятицарствія), въ Хунь-тунъ-цзянъ. Тутъ употребляютъ лодки длиною въ 8 дюймовъ, выдолбленныя изъ (одного) дерева, видомъ похожія на челнокъ, потому и называемыя челнокомъ; управляютъ ими однимъ весломъ и употребляютъ только для рыбной ловли; когда же надобно перевезти экипажъ, то соединяютъ двѣ или три лодки.

XVII. Камышъ.

Около Западной башни растетъ тростникъ (пу), листья котораго похожи на ивняныя, длиной (высотой) не будетъ и сажени; его употребляютъ на стрѣлы безъ всякой обдѣлки: это упоминаемый въ Цзо-чжу-анѣ (или Чуньцю) тростникъ изъ пруда Дунъ.

XVIII. Уйгурскій горохъ (*Хой-хой-доу*).

Уйгурскій горохъ вышиною около двухъ футовъ; стебель его прямой, съ листьями; но нѣтъ побочныхъ вѣтвей; стручки (цзе) длиной въ два дюйма, но въ каждомъ стручкѣ всего только двѣ горошины; на одномъ корнѣ (т. е. стеблѣ) бываетъ не болѣе 6 или 7 стручковъ; цвѣтъ (ихъ или гороха?) желтоватый, вкусомъ похожи на пшено (или, можетъ быть въ текстѣ опечатка и нужно читать: каштанъ?).

XIX. Раки (*панъ-сѣ*).

Бохайскіе раки краснаго цвѣта и величиной съ тарелку,

хвостъ большой и толстый, клешни его похожи на хвостъ китайскаго скорпіона; они страшны. Тамъ водятся также различные сорты рыбъ.

Сочинялъ Ё-лунъ-ли[158].

II.

ИЗВѢСТІЯ О ЦЗИНЬ.

(*Цзинь-чжи*).

I. Обзоръ происхожденія и усиленія.

Народъ Цзинь собственно называется Чжу-ли-чжень (Чжурчжиты у Монголовъ и мусульманскихъ писателей). это слово искажено (Китайцами и отнюдь не другими народами) въ Нюй-чжэнь, у нѣкоторыхъ даже въ Лу-чжэнь; ихъ называютъ (скорѣе пишутъ) еще Нюй-чжи, въ избѣжаніе (буквы чжэнь, встрѣчающейся въ) имени киданьскаго государя Синъ-цзуна[159]. Это потомки народа Сушэнь (упоминаемаго въ древнихъ китайскихъ книгахъ; однакожъ это производство основано только на приблизительной мѣстности) и отдѣльное поколѣніе Бо-

---

[158] Этотъ ученый жилъ при Сунской династіи и составилъ «Исторію Киданей», подъ названіемъ *Цидань-го-чжи*, въ 1179 году.

[159] Царств. 1031 — 1054 г. Онъ назывался Цзунъ-чжэнь. Извѣстно правило Китайцевъ перемѣнять буквы, напоминающія имена государей династіи: когда нельзя совсѣмъ выбросить іероглифа, то измѣняютъ его начертаніе; по большей части отбрасываются нѣкоторыя черты Такимъ образомъ, буква *чжэнь* перемѣнена въ *чжи*, сходную по начертанію, но собственно ея не слѣдовало бы читать *чжи*, но также *чжэнь*, потому что измѣненіе не касается звуковъ

хайцевъ. Нѣкоторые говорятъ, что въ ихъ земляхъ жила (прежде) весьма презрѣнная и малосильная фамилія И-на, происходившая отъ поколѣнія Чэнь-хань[160]. Когда, при Танской династіи, въ правленіе Чжэнь-гуанъ (627 — 649) Мохэсцы пришли (съ данью) въ Китай, то въ первый разъ сдѣлалось извѣстнымъ имя Ню-чжень'цевъ. Они изъ рода въ родъ жили на востокъ отъ рѣки Хунь-тунъ-цзяна (Сунгари), у подошвы горъ Чанъ-бо-шань (Длинныхъ и Бѣлыхъ). Эти горы служатъ источникомъ рѣки Я-лу (цзяна); на югѣ къ нимъ прилежатъ Корейцы, на сѣверѣ (племя) Ши-вэй, на западѣ (поколѣнія) Бо-хай (и) Тѣ-ли, на востокъ же граничатъ съ моремъ. Нынѣ это та самая страна, которая въ исторіи троецарствія называлась Бао-лоу (т. е. И-лоу), при династіи Юань-вэй (домъ Тоба)—Цзюй-цзи (т. е. Вэ-цзи), а при Танской—землею Мо-хэсцевъ Черной воды. Они раздѣлялись (тогда) на 6 поколѣній (бу). Поколѣніе (жившее на) Черной водѣ (Хэй-шуй), есть то же, что нынѣшніе Ню-чжень'цы. Если взять воду (этой рѣки) въ пригоршню, то цвѣтъ ея кажется нѣсколько чернымъ, отчего Кидане и назвали ее Хунь-тунъ-цзянъ; глубина ея въ 20 слишкомъ саженъ(?); ширина въ узкихъ мѣстахъ отъ 60 до 70, а на раздольѣ до 100 шаговъ (въ одной китайской сажени считается 2 шага). Живущіе на югъ отъ рѣки назывались покорными Чжурчженями, потому что зависѣли отъ Киданей; жившіе на сѣверѣ, назывались непокорными[161], но и они также подчинялись Киданьцамъ. Въ послѣдствіи у нихъ явился сильный старшина, который

---

160 Одного изъ трехъ родовъ Хань. Въ послѣднее время Ханьской династіи Китайцамъ сдѣлались извѣстны въ нынѣшней Маньчжуріи три рода, раздѣлившіеся еще на многочисленные улусы: Ма-хань, Чэнь-хань и Бянь-ханъ

161 Слова покорный и непокорный, въ китайскомъ языкѣ, буквально значатъ: спѣлый и сырой.

ставъ въ главѣ ихъ, принялъ названіе Тай-ши и построилъ крѣпостцу въ 80 миляхъ на сѣверъ отъ Хунь-тунъ-цзяна, по дорогѣ къ киданьскому городу Бинь-чжоу[162]. Еще разсказываютъ, что Кидане, воспользовавшись упадкомъ Танской династіи, покорили себѣ всѣхъ варваровъ (фаней), въ числѣ которыхъ были и 3 рода Гу (Сань-гу) и 6 поколѣній Чжурчженей. Опасаясь, что Чжурчжени будутъ ихъ безпокоить, они заманили къ себѣ нѣсколько тысячъ самыхъ сильныхъ семействъ, и поселивъ ихъ на югъ отъ Ляо-яна, внесли въ списки (т. е. обложили податью); раздѣливъ ихъ силы, они не позволяли имъ сноситься съ соотечественниками. Они (т. е. эти-то переселенцы) называются Хэ-су-куань, имъ отведены были земли на сѣверо-востокъ отъ Сянь-чжоу и вмѣнено въ обязанность доставлять ко двору прислугу. Нючженьцы же, живущіе около Су-цзяна (Сунгари), всѣ принадлежатъ къ Бинъма сы (палатѣ, завѣдывающей военными лошадьми); имъ не запрещено сноситься съ родиной; они называются Хой-ба (Хойфа, упоминаемые и въ исторіи нынѣшнихъ Маньчжуровъ?) Ди-линъ (Тѣ-ли?). Тѣ, которые жили въ дикомъ состояніи (т. е. въ независимости отъ Киданей), назывались желтоголовыми (Сартаголы, у Санана?) Чжурчженями. Еще были жившіе на сѣверъ отъ рѣки Су-мо-цзяна, въ странѣ, простирающейся на 1000 слишкомъ миль, гдѣ народонаселеніе простиралось не болѣе какъ до 100,000 семействъ, но не имѣло главнаго (общаго) начальника; равнымъ образомъ не было и имени народа (или странѣ); роды разсѣянно жили въ горахъ и

---

162 «Шэнъ цзинъ тунъ чжи», 11 12 Бинь-чжоу лежала на западъ отъ Хой-нинъ-фу, по дорогѣ къ Хуанъ-лунъ-фу. Названіе Бинь-чжоу является еще во время Бохайскаго царства, въ 999 году Кидане переселили сюда семейства Ушэ или Вэнь-чже (Ушечжэнь), которые упоминаются даже и во время Агуды, вмѣстѣ съ поколѣніемъ Чэгерсу и Тѣли. Она находилась на берегахъ Хунь-тунъ-цзяна или Сунгари. Кидане въ 80 ли отъ нея построили острогъ для наблюденія за Чжурчженями.

долинахъ и выбирали сами себѣ старѣйшинъ, изъ которыхъ небольшіе завѣдывали тысячью, а сильные нѣсколькими тысячами семействъ. Это одинъ изъ 72 улусовъ[163]. Они отклонились отъ Киданей въ сѣверо-восточный уголъ и болѣе ста лѣтъ находились въ ихъ подданствѣ; надъ ними поставлены были наслѣдственные цзѣ-ду-ши (управляющіе), власть которыхъ переходила отъ старшаго брата къ младшему; когда перемирали всѣ братья, то званіе цзѣ-ду-ши по очереди занимали дѣти старшаго. Нѣкоторые говорятъ еще, что первый ихъ старшина былъ Синь-ло'сецъ (изъ Кореи), по прозванію Вань-янь, что̀ значитъ будто тоже, что китайское слово ванъ (князь). Чжурчжени женили его на своей женщинѣ и у него родились два сына, изъ которыхъ старшій былъ Хулай-ѣ-ци; отъ него прошло три поколѣнія до Агуды, который, такъ какъ въ его царствѣ добывалось золото и получала начало рѣка Цзинь (золотая), и далъ своему царству названіе Великая Цзинь (золото, по-маньчжурски айжинь).

II. Качества земли на первоначальной родинѣ.

Чжурчженьская земля, находясь въ сѣверо-восточномъ углу отъ Киданьской, весьма обильна горами и лѣсами; почва способна къ воздѣлыванію конопля и посѣву хлѣба; страна производитъ корень жэнь-жэнь, медъ, жемчугъ, самородное (шэнъ, сырое) золото, тонкое полотно(?), кедровые орѣхи, бо-фу-цзы (rad. aroideae?); изъ птицъ водятся породы соколовъ, ястребовъ и кречетовъ (хай-дунъ-цинъ); изъ животныхъ много коровъ, лошадей, кабарды, оленей, дикихъ собакъ(?), бѣлыхъ свиней, черной бѣлки и соболей. Обитатели ея были мужественны, но коварны, жадны, не сносили обидъ(?), они были

163 Въ исторіи сказано, что Мохэсцы раздѣлялись на 72 поколѣнія.

искусны въ стрѣльбѣ, любили (не?) хлѣбопашество, рыбную ловлю и охоту; всякій разъ, какъ кому попадется слѣдъ звѣря, онъ слѣдитъ за нимъ и отыщетъ гдѣ скрывается; кромѣ того, они дѣлали рогъ (трубу) изъ коры березы и, подражая на ней звукамъ оленей, скликали ихъ къ себѣ и стрѣляли. Они жили, по большей части, держась горныхъ долинъ, срубали изъ деревьевъ заборъ (заграждавшій входъ въ долину?), который нѣкоторые закрывали досками съ древесной корой березъ; стѣны въ жилищахъ строили также изъ дерева. Такъ какъ здѣсь зима весьма холодна, то жилища имѣли въ высоту не болѣе нѣсколькихъ футовъ, и въ нихъ продѣлывалась одна только дверь съ юго-восточной стороны; когда она затворялась, то еще окутывалась травой и хлопками. На полу сбивался изъ земли родъ печи, нагрѣваемой снизу; на ней спали, ѣли и жили. Платье дѣлалось изъ пушистаго мѣха и скидывалось только по входѣ въ жилище; если платье и сапоги бывали хоть немного неплотны, то отмораживали пальцы и тѣло растрескивалось отъ холода Самое жаркое лѣто походило здѣсь на китайское начало зимы. Характеръ ихъ мужественный и отважный; они любили брань, выносили голодъ и жажду, не боялись трудностей верховой ѣзды; поднимались на утесы и спускались съ нихъ, какъ бы летая; переправлялись чрезъ рѣки безъ лодокъ и паромовъ, но вплавь на лошади. Музыка ихъ состояла изъ барабана и флейты; всѣ пѣсни ихъ, по напѣву своему, уподоблялись звукамъ птицы шу-гу (куропатки?). Въ случаѣ болѣзни не знали ни лекарей, ни лекарствъ, но призывали колдуновъ (шамановъ); больной убивалъ для принесенія въ жертву свинью или собаку. Иногда больнаго клали въ телегу и отвозили въ глубокія горныя долины, чтобъ отъ него избавиться. Когда умирали родственники или друзья, то изрѣзывали (себѣ) лобъ ножемъ и мѣшали падающія слезы съ кровью, что̀ называлось слезными и кровавыми проводами.

Умершаго зарывали въ землю, но безъ гроба; для знатныхъ сожигали въ жертву живыми ихъ любимыхъ слугъ и служанокъ, а также и осѣдланныхъ лощадей. Всякое кушанье и питіе, приносимое въ жертву, все сожигалось; это значило, по ихъ выраженію, варить кашу (для покойниковъ). По дорогамъ у нихъ не было постоялыхъ дворовъ, но путешественники останавливались въ домахъ жителей; хозяинъ сначала не пускалъ, но когда прогоняемый не отходилъ, не смотря на это, прочь, то принималъ его и угощалъ. На рынкахъ (т. е. въ торговлѣ) у нихъ не употреблялись деньги, но производилась мѣна на вещи. По большей части, всякій для себя умѣлъ построить жилище, сдѣлать повозку, палатку. Въ церемоніяхъ, въ знакъ вѣжливаго привѣтствія, нагибались тѣломъ, сложивши руки; въ поклонахъ (къ высшимъ) становились на лѣвое колѣно и поджавъ правое, шевелили локтемъ, имѣя сложенныя руки. Что касается до годовыхъ праздниковъ, то въ первое число новаго года поклонялись солнцу и поздравляли другъ друга; въ день чунъ-у (5 числа 5-й луны) приносили жертву небу. Податей опредѣленныхъ не было, но собирали сколько понадобится. Языкъ ихъ не сходствовалъ съ киданьскимъ; не было письменъ. Стрѣльба изъ лука замѣняла экзамены; въ спорныхъ случаяхъ стрѣляли до трехъ разъ Тяжести большею частію перевозили на быкахъ и мулахъ Когда случался дождь, то разстилали для защиты половину кожи; спокойное время проводили на охотѣ, бурное въ войнѣ. Принадлежавшіе къ царскому роду назывались ланъ-цзюнь (нынѣ уксунь): они завѣдывали, какъ большими, такъ и малыми дѣлами.

III. Одѣяніе мущинъ и женщинъ.

Цзиньцы обыкновенно любили носить платье бѣлаго цвѣта; волоса ихъ спускались на плеча и въ этомъ они не сход-

ствовали съ Киданями; на затылкѣ висѣлъ (для волосъ) золотой мѣшокъ (буквально: замокъ), волоса связывали (или перевивали) цвѣтной веревкой, а богатые украшали ихъ жемчугомъ и золотомъ. Женщины заплетали волоса въ косички, обвиваемыя кругомъ головы; онѣ не носили шапокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ уничтоживъ Киданей, Чжурчжени начали вторгаться въ Сунскіе предѣлы, къ нимъ мало по малу пробралось изящество (мода): женщины то стали носить головной уборъ сяояо, то обвивать голову платкомъ, смотря потому, что имъ нравилось. Но что касается до самаго платья, то въ немъ соблюдаются старые обычаи. такъ какъ въ землѣ ихъ не было шелководства, а только ткали много холста, то платье знатныхъ и низкихъ различалось топкостью холста; сверхъ того, такъ какъ въ непросвѣщенныхъ и дикихъ странахъ невозможно защититься отъ холода безъ мѣховаго платья, то его носили всѣ, какъ богатые, такъ и бѣдные. Богатые дѣлали по большей части на весну и лѣто платье, прошитое на шелковой ватѣ, а иногда употребляли и легкій мѣхъ или тонкое полотно, а на зиму шили платья изъ соболей, черной бѣлки, лисицъ, иногда изъ барана и даже изъ шелковыхъ матерій на подкладкѣ. Бѣдные люди весной и лѣтомъ всѣ ходили въ курткахъ и исподницѣ, а осенью и зимой также одѣвались въ коровьи, лошадиныя, свиныя[164], бараньи, кошачьи, собачьи, рыбьи и змѣиныя(?) кожи, или дѣлали рубашки (куртки), штаны и чулки изъ оленей и кабардиной шкуры. Женское платье называлось большимъ кафтаномъ и было безъ воротника, какъ у мущинъ; шаманское платье называлось парчевой юбкой (цзинь-цюнь): это была юбка, не достававшая справа и слѣва на два почти фута (кругомъ до полу?); она дѣлалась изъ желѣз-

---

[164] Въ Китаѣ давно извѣстна выдѣлка свиной кожи, употребляемая на чемоданы, огнивы и пр

ныхъ колецъ, прикрывалась сверху матеріями и продолжалась (внизъ?) простой безподкладной юбкой.

IV. Браки.

Цзиньцы имѣютъ старинный обычай по большей части заключать браки, когда дѣти только еще зачнутся[165]; когда же подростутъ, то не нарушаютъ этого условія даже тогда, когда сочетаваемыя лица далеко разнятся по званію. Когда наступаетъ заранѣе условленный день принесенія подарковъ (калымъ), зять является съ поклономъ у воротъ невѣсты; его сопровождаютъ родственники съ напитками и кушаньями, нагружешыми у недостаточныхъ больше чѣмъ на десяти повозкахъ, а у богатыхъ вдесятеро противъ этого болѣе. При угощеніи гостей лучшее вино наливается въ золотые и серебряные сосуды, а средственное въ глиняные, и все это выставляется впереди въ огромномъ количествѣ; потомъ садятся ѣсть. Сперва наливаютъ пить въ чару золотую или серебряную подъ чернятью (или съ насѣчками), а у бѣдныхъ (просто) въ деревянную; когда обнесутъ вино три раза, то подаютъ каждому по блюду сала (вкусомъ похожаго на) китайскій бульонъ, съ медомъ подаваемый зимой; это называется закуской. По окончаніи угощенія богатые наливаютъ чай (минъ) и предлагаютъ его знатнымъ гостямъ, а попроще (т. е бѣдные) варятъ молоко. Женщины, какъ большія, такъ и малыя сидятъ (во время пиршества) на нарахъ (родъ печки), а свита женихова ухаживаетъ съ поклонами вокругъ ихъ, что̀ и называется уваженіемъ мущинъ къ женщинамъ (нянь ся нюй) По окончаніи церемоніи женихъ выводитъ лошадей сто или по

---

165 Разумѣется, это нѣсколько утрировано, но дѣйствительно и нынѣ у Маньчжуровъ часто случается подобное.

меньшей мѣрѣ десять и располагаетъ ихъ передъ жилищемъ; отецъ невѣсты выбираетъ лучшихъ лошадей и оставляетъ ихъ у себя, другихъ отсылаетъ. Число оставленныхъ обыкновенно не бываетъ свыше 12 или 13; но иногда не допускается никакого выбора, а принимается въ счетъ все, даже и лошадь, на которой пріѣхалъ женихъ, потому что, по большей части, небольшое количество лошадей почитается стыдомъ. Домъ невѣсты отдариваетъ, смотря по числу принятыхъ лошадей: за каждую дается по одному прибору платья, а женихъ принимаетъ все это самъ. По окончаніи (свадьбы) зять остается въ домѣ невѣсты слугой и работникомъ; онъ самъ подаетъ вино и кушанье. Только по прошествіи трехъ уже лѣтъ уводитъ онъ къ себѣ свою жену, ведя въ приданое за ней нѣсколько десятковъ семействъ рабовъ и стада лошадей и коровъ; въ каждомъ стадѣ считается по 109 самокъ и одному самцу; мужъ называетъ жену лунъ-лунъ, а жена мужа—ай-гэнь (нынѣ мужъ называется эй-гэнь). Нѣкоторые говорятъ, что богатые даютъ въ приданое лошадей и коровъ, а бѣдные, видя, что дѣвкѣ настала пора замужества, посылаютъ ее ходить по дорогамъ (улицамъ), распѣвая пѣснь, въ которой восхваляются прелести женщины и семейнаго быта: это намекъ на то, что она ищетъ дружка. Услышавшій, если онъ намѣренъ жениться и хочетъ ее взять, ведетъ ее къ себѣ и, по окончаніи уже брачной церемоніи, ведетъ ее въ домъ родныхъ, чтобъ они знали.

Когда умретъ отецъ, то женятся на матери[166]; по смерти брата берутъ за себя его жену: тоже дѣлаютъ и племянники по смерти своихъ дядей. У одного человѣка (всегда) бываетъ много женъ, не разбирая, знатный ли онъ или незначительное лицо.

---

[166] Т. е очевидно, на мачихахъ, которыя въ глазахъ Китайца должны быть уважаемы также, какъ матери.

V. Пища и питье.

Пища и питье у нихъ весьма отвратительны и грязны: дѣлаютъ соусы изъ гороха, ѣдятъ полусырое пшено въ видѣ кашицы, подливая въ нее сырую собачью кровь и приправляя чеснокомъ. Умѣютъ гнать вино. Когда напьются, то въ нихъ пробуждается страсть къ убійству; поэтому, заранѣе связываютъ пьянаго до тѣхъ поръ пока онъ протрезвится, для того чтобы не допустить до убійства.

V Приказные (или сторожа при присутственныхъ мѣстахъ).

Въ приказные поступаютъ даже потомки знатныхъ людей; ихъ званіе весьма уважается. Есть окружные, областные и столичные приказные, званія цзянъ-ши-лановъ[167], лу-ши, панъ-гуаней, сы-ту, сы-пань, ши-чэнъ и прочія, даже ученыхъ, также наслѣдственныя. Когда въ какомъ министерствѣ (бу) откроется ваканція на званіе приказнаго, то предписываютъ городамъ и уѣздамъ избрать и прислать достойныхъ. Когда они прослужатъ 10 лѣтъ безпорочно, то имъ даютъ мѣста чжао-синь, цзяо-вэй или начальниковъ низшихъ уѣздовъ, а иногда лу-ши. Служа мало-по-малу они могутъ получать званіе окружныхъ помощниковъ (чжоу-тукъ-чжи)[168].

VII Буддизмъ.

Въ буддійскіе монахи и монахини по большей части поступаютъ изъ знатныхъ фамилій; они большей частію зани-

---

[167] Чиновъ 9-й степени.

[168] Китайскій писатель говоритъ о производствѣ приказныхъ въ чиновники, какъ о неестественномъ явленіи, потому что онъ сроднился съ мыслію, что порядочнымъ человѣкомъ, достойнымъ уваженія гражданиномъ, тѣмъ болѣе представителемъ правительства, можетъ быть только учившійся и доказавшій познанія по экзамену

маются созерцаніемъ; постановленія же нравственныя (Виная) мало соблюдаются. Глава духовенства въ столицѣ называется го-ши (государственнымъ учителемъ); завѣдывающій дѣлами въ провинціяльномъ городѣ (фу) называется сэнъ-лу (и) сэнъ-чженъ, въ областяхъ ду-ганъ, а въ уѣздахъ вэй-на. По одѣянію, бритью волосъ и наружности они представляютъ сходство съ монахами (въ Китаѣ, подъ владѣніемъ нашей) южной Сунской династіи. Титулы, которыми ихъ жалуютъ, суть: да-ши (великій учитель) и да-дэ (великія достоинства); награждаютъ также позволеніемъ носить платье коричневаго (цзы) цвѣта. Го-ши (государственный учитель) есть самое старшее и почетнѣйшее лицо въ столицѣ; онъ пользуется почестями, какъ князь (ванъ); случается, что самъ государь предъ нимъ кланяется; платье его пурпуроваго цвѣта. Церемоніи касательно вступленія въ храмъ, предлагаемыхъ вопросовъ, истолкованія священнаго писанія, такія же, какъ и въ южномъ Китаѣ. Въ званіе провинціяльнаго сэнъ-лу-сэнъ-чжэна избирается тотъ, кто выше всѣхъ стоитъ по своимъ поступкамъ; онъ отправляетъ эту должность только три года. По прошествіи этого срока избирается новый; отъ него зависитъ рѣшеніе тяжбъ между монахами и монахинями въ той провинціи, которой управляетъ онъ; также носитъ коричневое (цзы) платье (ця-со). Ду-ганъ есть званіе начальника надъ духовными въ области; онъ также опредѣляется на три года; когда онъ имѣетъ титулъ учителя, то носитъ коричневое платье, а безъ того одѣвается, какъ и прочіе духовные. Вэй-на есть званіе завѣдывающаго духовными дѣлами въ уѣздѣ; отъ него зависитъ рѣшеніе споровъ между духовными только такихъ дѣлъ, по которымъ они приговариваются къ высѣченію и прочая, а всѣ дѣла свыше битья батогами препровождаются въ сэнъ-лу-сы (духовное провинціяльное управленіе) и ду-ганъ-сы (областное духовное управленіе).

VIII. Даосизмъ.

Въ Цзиньскомъ царствѣ ученіе дао'совъ уважается наравнѣ съ буддизмомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Цзиньцы овладѣли китайскими землями, оно находится, какъ на сѣверѣ, такъ и югѣ отъ Янь (Пекина). Должности дао'скія слѣдующія: въ столицѣ и провинціяхъ постановлены консисторіи (сы), главный начальникъ въ которыхъ (сы-чжэнъ) называется даолу, а помощникъ его дао-чжэнъ. Эти должности даются самымъ свѣдущимъ въ ихъ законѣ, но (также) на три года, по прошествіи которыхъ выбираютъ другаго. Въ послѣдствіи, при Си-цзунѣ (1135—1148 г.), учреждены 6 даоскихъ степеней или классовъ, какъ напримѣръ. прислуживающій созвѣздіямъ (ши-чэнь), преподающій ученіе, и проч. Знатные и богатые люди, налагая на себя постъ, жертвовали иногда заразъ по 1000 связокъ (чоховъ): отъ этого даоское ученіе распространилось.

IX. Уголовныя постановленія.

Законы въ Цзиньскомъ царствѣ весьма строги. За смертоубійство и грабежъ предаютъ смерти, раскалывая черепъ, описываютъ имѣніе и домашнихъ отдаютъ въ рабство; послѣднихъ позволяется однакожъ выкупать ихъ родственникамъ и шесть частей выкупа отдаются обиженному, а четыре поступаютъ въ казну. За легкія вины сѣкутъ розгами, а за тяжкія (хотя и) откупаются отъ смертной казни; однакожъ, при этомъ отрѣзываютъ уши и носъ. Ихъ тюрьмы состоятъ изъ ямы, вырытой глубиною въ нѣсколько саженъ, куда опускаютъ преступника. За всякое (среднее) ни тяжкое, ни легкое преступленіе полагается сѣченіе по спинѣ, и къ этому наказанію могутъ приговаривать, какъ областные, такъ и уѣздные

начальники. При самомъ началѣ государства уголовные законы основывались на киданьскихъ учрежденіяхъ. Кромѣ обыкновенныхъ пытокъ есть еще одна вещь, называемая песчанымъ мѣшкомъ: въ кожаный мѣшокъ накладываютъ песокъ или камни, привязываютъ къ концу палки и бьютъ ими по спинѣ провинившагося; это вообще тоже, что (китайская) палка, которою колотятъ по спинамъ, но число ударовъ бываетъ болѣе. Только со вступленіемъ на престолъ Си-цзуна (въ уголовныхъ законахъ) послѣдовало измѣненіе, и прежде всего отмѣненъ песочный мѣшокъ. Въ годы правленія Хуанъ-туна (при томъ же Си-цзунѣ, 1141—1148) приказано было разобрать постановленія и обнародовать ихъ въ государствѣ (Тянь-ся) подъ названіемъ Хуанъ-тунъ синь-чжи (новыя постановленія правленія Хуанъ-тунъ): они состояли приблизительно изъ тысячи слишкомъ статей. При вступленіи на престоль Хай-лина (1149 — 1161) отмѣнено также и наказаніе палкой по спинѣ, потому что ею били неподалеку отъ сердца. Смертная казнь (отрубленіе головы, чжань-синь) производится сходно съ уложеніями высочайшей древности; преданіе смерти (чу-сы — это другой родъ смертной казни, почитаемый слабѣе предъидущаго) состояло только въ удавленіи, не прибѣгая къ жестокимъ (предъ тѣмъ) побоямъ. Ссылка (лю) касалась только самого преступника, а не его семейства. Приговоръ къ работамъ (ту) не сопровождается побоями по спинѣ палкой, а самъ по себѣ заключается въ исправленіи работъ. Каторга назначается только на 5 лѣтъ; свыше этого будетъ преступленіе, заслуживающее смерть. Приговоренный къ каторгѣ на 5 лѣтъ получаетъ 200 палокъ, на 4 года 180, на три—160, на два—140 и на одинъ годъ 20 палокъ; величина палки во всѣхъ случаяхъ одинаковая; она дѣлается изъ терновника по обломкѣ его колючекъ. Мѣстомъ работъ (каторги) служатъ всѣ провинціи, въ которыхъ есть ра-

бочіе домы (ду-дзо-юань). Заключаемые въ нихъ принуждены или ковать латы, или производить трудныя земляныя работы; на ноги ихъ накладываются кандалы, которыхъ у неважнаго преступника по одной, а у тяжкихъ по двѣ; онѣ носятся съ утра до вечера (т. е. несмѣнно?). По истеченіи назначеннаго срока преступники выпускаются на волю, но имъ не позволяется попрежнему сдѣлаться гражданами (бо-синъ). (Вообще) уголовные законы недалеко отступили отъ древнихъ (китайскихъ); только буддисты какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, за прелюбодѣяніе и разбой, не разбирая (въ послѣднемъ случаѣ) досталось ли что̀ или нѣтъ, подвергаются смерти (чусы); изнасилованіе также наказывается смертью. Это представляетъ (небольшое) несходство съ древними (постановленіями).

*

X. Милостивые манифесты (амнистія).

Цзиньцы почитаютъ амнистію великимъ дѣломъ. При перемѣнѣ названія годовъ правленія, при рожденіи сына (принца), при пожалованіи кого (цэ-фынъ, т. е. въ княжеское достоинство или въ вассалы государя), при перенесеніи столицы или по случаю бѣдствія, прощаются всѣ преступленія совершенно, а не понижая степени наказанія При всякой амнистіи непремѣнно изливаются милости какъ на большихъ, такъ и на малыхъ столичныхъ и провинціяльныхъ чиновниковъ, военныхъ и гражданскихъ, и производятся большія перемѣщенія и вспомоществованія. Когда Си-цзунъ вступилъ въ зрѣлый возрастъ, то въ одинъ этотъ годъ было двѣ амнистіи. Вступившій на престолъ Хай-линъ-ванъ постоянно говорилъ, что амнистія не есть непреложное требованіе для блага государственнаго; если оказывать милость къ бездѣльникамъ, то это значитъ притѣснять честныхъ людей, поэтому онъ издалъ по им-

періи указъ, чтобы впредь не было болѣе толковъ объ амнистіи. Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ онъ самъ нарушилъ это; послѣ была еще великая амнистія, (какъ знакъ) исправленія. Со вступленіемъ Ши-цзуна (царствов. 1161), въ продолженіи нѣсколькихъ (только) лѣтъ, было (уже) три амнистіи; а между тѣмъ, въ запискахъ Хунъ-чжунъ-сюаня, подъ названіемъ «Сунъ-мо-цзи-вэнь», говорится: «сѣверная держава жалѣетъ амнистій и не изливаетъ милостей! Я (т. е. сочинитель этой статьи), проведя у нихъ по царскому повелѣнію 15 лѣтъ, видѣлъ всего только двѣ амнистіи: одну по случаю бунта Шэ-ду-гу, а другую по случаю рожденія императорскаго сына.» Но какимъ образомъ (можетъ статься), чтобы въ то время, въ годы правленія Тянь-хой (1123—1138)[169], жалѣли амнистій, а послѣ не жалѣли.

XI. Поселенія.

Учрежденіе поселеній относится къ отдаленной древности; но въ Цзиньскомъ царствѣ устройство ихъ еще ничтожнѣе того времени. Послѣ того какъ низвели Лю-юй'я, правительство, безпокоясь, какъ бы Китай не отложился отъ него, завело въ немъ военныя поселенія, въ которыхъ находились не только Нючжисцы, но и Кидане и Си'сцы. По переселеніи изъ улусовъ инородцевъ въ Китай, поселили ихъ смѣшанно съ народомъ, давъ имъ, соразмѣрно съ числомъ семействъ и душъ, казенныя пашни, для того, чтобы они ихъ сами обрабатывали для своего пропитанія. Весной и осенью давали по соразмѣрности одѣянія; когда случалась война, то на каждый мѣсяцъ отпускалось жалованье и крупа, денегъ давали (впрочемъ) не болѣе нѣсколькихъ тысячъ монетъ (чоховъ), а кру-

[169] Т. е. при началѣ царства.

пы не болѣе 10 доу; старики и малолѣтніе оставались дома и по-прежнему занимались хлѣбопашествомъ; нельзя сказать, чтобъ и тутъ не было ропота на недостатокъ. Въ настоящее время военныя поселенія находятся въ Да-линъ-фу (въ Чжили), въ провинціяхъ Шань-дунѣ, Хэ-бэй и Гуань-си (на западъ отъ прохода, т. е. въ Шэнь-си), и во всѣхъ (вообще) провинціяхъ (лу, дорогахъ). Они состоятъ всего изъ 130 слишкомъ цянь-ху (тысячничествъ); но въ каждомъ цянь-ху считается не болѣе 300 или 400 человѣкъ. Отведенныя мѣста находятся не въ городахъ, но расположены по заставамъ и деревнямъ; самыя присутственныя мѣста (гуань-фу) для цянь-ху и бо-ху расположены тамъ же[170].

XII. Облава.

Цзиньцы весьма любятъ облаву. Прежде (когда столица была въ) Хой-нинъ-фу, въ каждое изъ четырехъ временъ года производили облаву. Когда же Хай-линъ перенесъ столицу въ Янь (Пекинъ), то такъ какъ за городомъ всѣ поля принадлежали народу, то нельзя было охотиться три времени года, по недостатку мѣста, а дожидались зимы, и тогда уже, выступивъ, проводятъ болѣе мѣсяца на облавѣ, въ которой принимаютъ участіе даже императрица, царицы, князья и приближенные чиновники. При всякой облавѣ, слѣдующія за императоромъ войска разставляются тайно со всѣхъ сторонъ въ кругъ, который называется вэй-чанъ (кит. слово *вэй* «окружность», *чанъ* «площадь, арена»), и въ него загоняютъ лисицъ, зайцевъ, кабановъ(?), кабарду, оленей. Государь пер-

---

170 Слова *цянь-ху* и *бо-ху* китайскія и значатъ тоже что тысячникъ и сотникъ, т. е. соотвѣтствуетъ маньчжурскимъ словамъ *мингань* и *мукунь*, которыя мы видѣли выше Званія цянь-ху и бо-ху существуютъ и нынѣ въ китайскомъ языкѣ для инородцевъ въ Амдо.

вый дѣлаетъ выстрѣлъ или пускаетъ сокола; затѣмъ слѣдуютъ принцы и приближенные вельможи; когда (императоръ и свита?) оставляютъ кругъ облавы, тогда только позволяется охотиться прочимъ. Напитки подаются гдѣ встрѣтится; иногда принцы и приближенные къ императору чиновники вмѣстѣ дѣлаютъ ему угощеніе Ночь проводятъ или въ городахъ или въ полѣ. Когда 12-лѣтній Гуанъ-ханъ, сынъ Хай-лина, поймалъ кабарду, то этотъ государь объявилъ объ этомъ (т. е. принесъ жертву) въ Тай-мяо (храмъ предковъ). Си-цзунъ еще болѣе дорожилъ охотой; онъ запретилъ своимъ чиновникамъ увѣщавать его касательно трехъ предметовъ· музыки (или удовольствій?), прокормленія духовенства и облавы; такъ уважается послѣдняя.

XIII. Воинныя учрежденія.

Въ Цзиньскомъ царствѣ, при всякомъ походѣ войска, дается угощеніе, какъ главнокомандующему (да-юань-шуай), десятитысячникамъ (вань-ху), такъ и цянь-ху и бо-ху. Тутъ ни малѣйше не разбирается родство, изъ опасенія, чтобы отцы и дѣти, или братья, по частнымъ привязанностямъ, не прикрывали другъ друга, или высшіе не попускали жалобъ низшихъ. Когда въ государствѣ случается важное дѣло, то выходятъ для совѣщанія въ поле, обводятъ углемъ мѣсто и садятся; низшіе, первые подаютъ голосъ; по окончаніи же совѣщанія, кругъ уничтожается, чтобъ никто не слыхалъ человѣческаго голоса. Предъ самымъ вступленіемъ въ походъ дѣлается большое угощеніе, на которомъ всякій можетъ представлять свои проекты, которые выслушиваетъ самъ государь, выбирающій, что̀ ему покажется приличнымъ, и назначающій къ исключительному выполненію того, кто подалъ проектъ. По возвращеніи войска съ побѣдой снова дѣлается угощеніе, на

которомъ государь распрашиваетъ о заслугахъ и награждаетъ, соразмѣрно съ ними, дѣлая повышенія или похвалы при всѣхъ; когда же награда покажется кому недостаточной, то дѣлается прибавка.

XIV. Знамена и значки.

Такъ какъ Цзиньская династія царствуетъ (въ аллегорич. смыслѣ) на свойствахъ, приписываемыхъ водѣ[171], то въ походахъ войскъ на знаменахъ преимущественно господствуетъ черный цвѣтъ, онъ остается даже главнымъ, хотя бы знамя было и пятицвѣтное (т. е. разноцвѣтное, потому что счетъ «пять» не есть необходимый, но можетъ быть больше и меньше цвѣтовъ). Когда императоръ ѣдетъ въ колесницѣ за-просто, то предъ нимъ несется одно знамя солнца; если съ нимъ ѣдетъ императрица, то прибавляются два знамени луны, располагаемыхъ спереди и сзади (знамени солнца). Свита же состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ или даже тысячи слишкомъ человѣкъ. Знамя солнца состоитъ въ томъ, что на знамени желтаго цвѣта приклеивается вырѣзанное изъ красной тафты солнце, а знамя луны въ томъ, что изъ простой (т. е. бѣлой) матеріи вырѣзанная луна прикалывается къ красному солнцу. Вокругъ императорскихъ носилокъ еще несутъ два большихъ знамени, на которыхъ вышиты изображенія солнца и луны. При великихъ (т. е. торжественныхъ) церемоніяхъ, (какъ напримѣръ) при принесеніи жертвы (небу и землѣ), при пожалованіи патентовъ (княжескихъ, цэ-фынъ), во всемъ наблюдаются древнія учрежденія и сохраняются всѣ, какъ большія,

---

[171] Каждая династія принимаетъ себѣ символомъ какую-нибудь изъ пяти китайскихъ стихій, обыкновенно въ порядкѣ стихій, сообразно съ перемѣнами династій

такъ и малыя знамена; однакожъ (въ этихъ случаяхъ), кромѣ (знамени и значковъ съ изображеніями) пяти странъ свѣта (считая и средину), пяти звѣздъ (планетъ), пяти горъ, чернаго дракона, бѣлаго тигра, краснаго павлина, темнаго духа войны (сюань-ву-шэнь) и феникса (знаменъ, предписываемыхъ древностію), несутся еще вокругъ императора одно знамя съ нанизанными изъ жемчуга пятью созвѣздіями, одно съ изображеніемъ солнца и луны вмѣстѣ, два съ изображеніями слоновъ, два съ небесными царями (махараджи?), два съ морской лошадью (гиппопотамъ?), два съ соколами, три знамени совершенно бѣлыхъ (съ изображеніемъ созвѣздія Тай-бо?). Сверхъ того, распускаютъ еще одно большое и весьма широкое знамя, къ которому привязываютъ священные (или которымъ приписываютъ магическую силу) предметы; его держитъ самый сильный человѣкъ, по бокамъ котораго стоятъ для охраны нѣсколько десятковъ человѣкъ, придерживающіе знамя за веревки, чтобы защитить отъ порывовъ вѣтра. Это знамя называлось гай-тянь («покрывающимъ небо», китайскія слова).

XV. Экипажи и зонты.

Императрица и королевы (фэй) равно употребляютъ парадныя кареты (носилки), которыя имѣютъ форму пятицвѣтной башни (у-хуа-ло). Они покрываются сверху парчей (или?) чернымъ сукномъ (буквал.: войлокомъ); по четыремъ сторонамъ висятъ занавѣски (или гардины, лянь-цзы) изъ бамбука, осенью и зимой (на нихъ) употребляютъ и войлокъ. Золотыя украшенія употребляются всюду; по колоннамъ, периламъ, карнизамъ, чехламъ (всюду) блестятъ золото и нефритъ. Повозки бываютъ о четырехъ или двухъ колесахъ, всегда красныхъ, на четырехъ углахъ повозки императрицы ставятся золотые фениксы, а у королевъ золотые павлины; у дамъ 1-го и 2-го класса на четырехъ

углахъ повозки выставляются серебряныя головы безрогихъ драконовъ. Зонты, носимые надъ императоромъ, неодинаковы: желтые или красные; верхушка (палки у) зонта представляетъ золотаго дракона, у императрицы золотаго феникса, у наслѣдника (тай-цзы, или вообще императорскаго сына) золотаго дракона (онъ могъ отличаться отъ императорскаго лапами); у королевъ зонтъ коричневаго цвѣта (цзы) и на верхушкѣ имѣетъ форму павлина; у дамъ или у чиновниковъ 1-го класса зонтъ чернаго цвѣта, а верхушка имѣетъ серебряную головку (фоу-ту, субурга, пирамида), которая у 2-го и 3-го классовъ красная, а у 4-го черная.

XVI. Цвѣтъ платья.

Цвѣты (форма) платья раздѣлены по классамъ. напримѣръ (только) чиновникъ 5-го класса можетъ носить платье 5-го разряда. Всѣ военные чиновники отъ 4-го класса (и выше) носятъ за поясомъ мечъ, а гражданскіе рыбу, не дожидаясь награды (т. е. позволенія носить ихъ). Императорское платье при парадныхъ выходахъ состоитъ изъ шапки (короны) изъ сычуаньской парчи (или флера), изъ краснаго кафтана съ узкими рукавами, яшмоваго пояса и желтаго круглаго воротника. Когда встрѣчается жертвоприношеніе или пожалованіе патентовъ, явленіе въ храмъ предковъ, надѣвается корона съ висульками и форменное платье (т. е. какъ слѣдуетъ по китайскимъ предписаніямъ въ этихъ случаяхъ). Въ обыкновенной жизни государь носитъ черную шапку и разнообразное платье, не различаясь отъ прочихъ чиновниковъ.

Сочинялъ Юй-вэнь Мяо-чжао.

III

ЗАПИСКА О МОНГОЛО-ТАТАРАХЪ.

(*Мэнъ-Да-бэй-лу*)[172].

I. Основаніе государства.

Земля, въ которой въ первый разъ являются Татары, лежитъ на сѣверо-западъ отъ Киданей. Ихъ поколѣніе происходитъ отъ Шато'сцевъ и составляетъ особенный родъ, а потому и не было извѣстно при прежнихъ династіяхъ. Они раздѣляются на три вида: черныхъ, бѣлыхъ и непокорныхъ (дикихъ). Бѣлые Татары болѣе красивой наружности; почтительны и вѣжливы; знаютъ почтительность къ родителямъ; когда случится смерть отца или матери, изрѣзываютъ себѣ лицо и плачутъ. Находясь между ними, я часто, встрѣтивъ человѣка недурной наружности, но съ рубцами на щекахъ, всегда на вопросъ· не Бѣлый ли это Татаринъ? получалъ утвердительный отвѣтъ. Они получили образованіе отъ захваченныхъ въ плѣнъ китайскихъ мущинъ и женщинъ, съ которыми вступали въ бракъ, и отъ того въ обращеніи съ другими выказываютъ мягкость; ихъ провинція управляется (нынѣ) Би-цзи, дочерью (гунъ-чжу) повелителя татарскаго Чингисхана. Въ послѣднее время, при заключеніи трактата (Мон-

---

[172] Іероглифы *Мэнъ* и *Да* тѣ самые, которые употребляются первый въ имени Монголовъ (по-китайски *Мэнъ*-гу), а второй въ названіи *Да* тань, сокращеніе же, здѣсь встрѣчаемое въ этихъ собственныхъ именахъ, принадлежитъ къ свойствамъ китайскаго языка.

головъ) съ нашей Сунской династіей, вторымъ посланникомъ былъ Субухань (т. е. князь Субутай), происходившій изъ Бѣлыхъ Татаръ. Во время сношеній, Су-бу-хань никогда не обращался грубо, а былъ внимателенъ, вѣжливъ, благодаренъ за услуги и ничего не жалѣлъ.

Непокорные Татары весьма бѣдны, грубы и ни къ чему неспособны, только и умѣютъ ѣздить на лошади въ свитѣ другихъ. Нынѣшній императоръ Чингисъ, его полководцы, министры и главнѣйшіе чиновники, всѣ принадлежатъ къ Чернымъ Татарамъ (Харачинь?). Татарская нація по большей части не великорослa: самый высокій человѣкъ не выше пяти футовъ съ двумя или тремя вершками; также нѣтъ между ними толстыхъ и жирныхъ. Лицо у нихъ широкое, плоское и четвероугольное съ выдавшимися скулами; глаза безъ верхнихъ рѣсницъ; волосъ на бородѣ и усахъ весьма мало; ихъ наружность весьма отвратительна. Только нынѣшній татарскій повелитель Тэмучжень огромнаго роста, съ широкимъ лбомъ, длинной бородой; онъ отличается мужествомъ. Чингисъ—сынъ прежняго пай-цзы-тоу *Цзѣ-лоу* (Ѣсукей). Пай-цзы-тоу, въ ихъ земляхъ, есть начальникъ десяти человѣкъ. Теперь онъ государь, основатель царства, величаемый въ переводахъ: Чингисъ Хуанъ-ди. Воюя съ востокомъ и западомъ, онъ усилилъ и увеличилъ свое государство.

II. Происхожденіе татарскаго повелителя.

Нынѣшній императоръ Чингисъ родился въ 1154 году. По тамошнему обычаю, сначала не было циклическаго счисленія; но нынѣ, на основаніи ихъ словъ, легко опредѣлить ихъ годы. По ихъ обычаю, годъ считается по выростанію травы· когда спрашиваютъ у кого, сколько ему лѣтъ? то отвѣчаютъ· сколько травъ. Мнѣ нѣсколько разъ случалось

спрашивать у нихъ число мѣсяца, и они съ усмѣшкой отвѣчали, что не знаютъ. Они не умѣютъ даже различать весны отъ осени (!). Когда увидятъ, что луна округлилась, то считаютъ мѣсяцъ; когда замѣтятъ, что трава нескоро зеленѣетъ, заключаютъ, что въ этотъ годъ высокосная луна.

Чингисханъ, въ малолѣтствѣ, попался въ плѣнъ Цзинь цамъ (т. е. Нючжисцамъ), провелъ у нихъ въ рабствѣ болѣе десяти лѣтъ и потомъ убѣжалъ. Отъ этого онъ вполнѣ узналъ состояніе и дѣла Цзиньскаго царства. Это человѣкъ мужественный, сильный, сообразительный; привлекаетъ къ себѣ всѣхъ; чтитъ небо и землю; весьма уважаетъ справедливость. Всѣмъ извѣстное има Тэмучжень есть не что̀ иное, какъ его кличка (сяо-минъ).

Сначала у нихъ не было фамильныхъ названій, да и имя не запрещалось произносить; но въ послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ употреблять на службу взбунтовавшихся (измѣнившихъ) и убѣжавшихъ нючжискихъ чиновниковъ, онъ принялъ названіе императора Чингисъ. Нѣкоторые говорятъ, что Чингисъ есть исковерканное слово (изъ двухъ китайскихъ буквъ) Тянь-цы («пожалованный небомъ»).

III. Названіе династіи и правленія.

Въ сосѣдствѣ съ владѣніями татарскими находились на югѣ племена Чжа[173], а на востокѣ и западѣ Шато'сцы и другіе улусы. Въ древности былъ народъ Монголы (Мон-гу), которые, при цзиньскомъ правленіи Тянь-хой (годы царствованія Укимая, брата Угуды, отъ 1123—1135), часто нападали на разбойниковъ[174] Цзиньцевъ и ихъ безпокоили. Цзиньцы

[173] Т. е. инородческія племена, которыя были подъ зависимостью Цзиньцевъ и охраняли ихъ границу

[174] Такъ какъ это пишетъ Китаецъ, принадлежавшій Сунской династіи, то онъ и называетъ Чжурчженей разбойниками

постоянно вели съ ними войну и наконецъ заключили миръ, давъ множество денегъ и вещей. Въ запискахъ Ли-ляпа о походѣ противъ Монголовъ («Чженъ-мэнъ-цзи») говорится слѣдующее. «Монгольскій государь далъ годамъ своего правленія названіе Тянь-синъ и самъ принялъ титло Тай-цзу Юань-минъ Хуанъ-ди. Но нынѣшніе Татары весьма просты и дики и не имѣютъ ни малѣйшаго устройства. Разспрашивая ихъ, я узналъ, что Монголы уже давно истреблены и исчезли, потому что на сѣверѣ царства то простираются на тысячу, то на сто миль (ли), то усиливаются, то падаютъ, и гибнутъ безъ всякаго постоянства.

При началѣ возвышенія Татаръ, у нихъ не было вовсе письменъ; всякій разъ, когда надобно что̀ повелѣть, отправляютъ туда и сюда посланца и ему даютъ на-память только вырѣзанный приказъ (?); но посланный не смѣетъ ни прибавить, ни убавить ни одной буквы: таковъ обычай этого народа; такъ просты ихъ нравы. Въ сосѣдствѣ съ ними находятся Уйгуры (Хой-гу), которые перепродаютъ имъ то, что̀ вымѣниваютъ (у насъ) на обѣихъ рѣкахъ. Понынѣ еще, во всякой перепискѣ съ другими государствами, (Татары) употребляютъ уйгурскія письмена, похожія на китайскія ноты для флейты. Но теперь уже два года, какъ цзиньскіе измѣнники и поддавшіеся чиновники, не имѣвшіе пристанища, желая быть для нихъ полезными, научили ихъ письменамъ (т. е. китайскимъ) и въ перепискѣ съ Цзиньскимъ царствомъ они употребляютъ китайскія буквы. Въ прошломъ году весной, просматривая ихъ бумаги, я во всѣхъ встрѣчалъ, что они называютъ себя великой династіей (Да-чао). Года означаютъ именами животныхъ: годъ зайца, дракона, и только съ прошлаго года перемѣнили на циклическіе знаки[175] и прошлый годъ пи-

[175] По китайскому обычаю, 12-лѣтній и 60-лѣтній циклы имѣютъ осо-

сали годъ гэнь чэнь (1220), а нынѣшній синъ-и (1221). Сверхъ того, по привязанности къ Монголамъ, какъ къ мужественной націи, дали своему царству названіе Великаго Монгольскаго Царства. и этому также научили ихъ перебѣжавшіе Нючжисцы. Я самъ, при свиданіи съ ихъ регентомъ, императорскимъ намѣстникомъ, великимъ княземъ (го-ванъ) Мо-хоу (Мухури), слышалъ, какъ онъ называлъ себя всякій разъ татарскимъ человѣкомъ, да и всѣ ихъ вельможи и главнокомандующіе называли себя «я» (*би*)[1]; они вовсе не знали, откуда взялось названіе Монголовъ и что̀ такое названіе династіи и лѣтъ правленія. Отправляемыя нынѣ бумаги всѣ пишутся перебѣжавшими чиновниками, знающими письмена, которые насильно учатъ (Монголовъ) какъ вести дѣла. Въ «Описаніи перенесенія (столицы Сунской династіи) на югъ» («Нань-цянь-лу») написано, что Татары, въ бумагѣ къ Цзиньскому царству, подписали: девятый годъ правленія лунъ-ху (драконъ и барсъ); но этого вовсе не было. Однакожъ, по моему глупому разумѣнію, на-вѣрно черезъ нѣсколько лѣтъ, перебѣжавшіе Цзиньскіе чиновники непремѣнно научатъ ихъ сочинять свой календарь и непремѣнно перемѣнятъ года и дадутъ прозваніе государству.

IV. Императорскіе дѣти и князья.

У императора Чингиса всего три брата: Чингисъ старше всѣхъ; первый императорскій братъ давно уже погибъ въ сраженіи, второй называется Бянь-гу-дэ на-цзянь (Бэлгэтэй-

---

бенные знаки, хотя и соотвѣтствующіе названіямъ животныхъ, но сами не имѣющіе этого смысла

[1] Авторъ даетъ ему титулъ цюань-хуанди («имѣющій власть императора»), тогда какъ Юаньская исторія говоритъ, что онъ былъ пожалованъ только ваномъ.

ноянь) и живетъ въ ордѣ, третій, Тэ-мо-га-чжэнь, владѣетъ большей частью собственными людьми и лошадьми, искусенъ въ сраженіи и отличился подвигами. У Чингиса весьма много дѣтей. старшій сынъ, Би (инь), убитъ при осадѣ западной Цзиньской столицы Юнь-чжунъ, во время нападенія на это царство. Нынѣшній старшій императорскій сынъ, Ю-чжи (Чучи), есть уже второй сынъ; третій называется А-дай (Угэдэй? Чаганьтай?), четвертый Тяпь-лоу (Ту-лэй); пятый Лунь-сунь (?). Всѣ они рождены отъ настоящей императрицы. Сверхъ того, еще есть до 10 человѣкъ дѣтей, рожденныхъ отъ наложницъ. Дочерей семь; старшая принцесса (гунъ-чжу), по имени А-ци-би-сэ, нынѣ выдана за-мужъ за Бао-ду Фума; вторая Ао-ли-хэй ба-инь (бэгинь?), по просту называемая Би-цзи Хатунь (Фу-жень); она была выдана за бѣглаго цзиньскаго чиновника Бо-сы-бу, и, по смерти его, живетъ вдовой и нынѣ управляетъ Бѣлыми Татарами. Она каждый день сама все осматриваетъ; ей прислуживаютъ нѣсколько тысячъ женщинъ; всѣ распоряженія касательно походовъ и казней выходятъ отъ нея самой. Третья принцесса называется А-у, выдана за сына министра Гоцзё (императорскаго дяди). Имена прочихъ дочерей мнѣ неизвѣстны Впуковъ (у Чингисхана) весьма много.

V. Знаменитые полководцы.

Самый первый по заслугамъ есть тай-ши и великій князь Мо-хэй-ли. это его кличка; Китайцы зовутъ его Ма-хоу-ло; въ бумагахъ пишутъ: Моу-хэ-ли,—все это отъ исковерканности южнаго и сѣвернаго нарѣчія. Онъ пожалованъ главнокомандующимъ (да-юань-шуай) всѣхъ войскъ во вселенной (т. е въ китайскихъ владѣніяхъ), канцлеромъ (тай-ши) всѣхъ провинцій, великимъ княземъ; онъ Черный Татаринъ (по про-

исхожденію). Въ послѣдніе десять лѣтъ всѣ великія войны на востокѣ и западѣ, потрясшія и поразившія какъ Китай, такъ и варваровъ, произведены по его рѣшенію; потому его и зовутъ временнымъ императоромъ (намѣстникомъ). Въ платьѣ и церемоніяхъ онъ пользуется правами императорскими. У него есть старшій братъ, по имени Цзи-ли-гэ-на; но онъ не завѣдываетъ дѣлами, и у него только есть тысяча всадниковъ.

Второй по старшинству (братъ Мухури) называется Мигэ и теперь служитъ тѣлохранителемъ (ху-вэй) Чингиса. За нимъ идетъ (князь) Дай-сунь-гуй (ванъ), постоянно слѣдующій (за императоромъ) Великій князь постоянно наказываетъ своимъ войскамъ называть его братьевъ только по имени, а не величать князьями. У него только одинъ сынъ, Па-о, красивой наружности; не брѣется, ходитъ въ чалмѣ, носитъ узкое платье, умѣетъ говорить на различныхъ языкахъ.

Второй (по Мухури?) называется Ту-хуарлъ; онъ имѣетъ званіе тай-фу и графа (го-гунъ); извѣстность его наравнѣ съ самимъ Мухури. Есть еще сановникъ Чже-бо (Чэпэ); онъ лично слѣдуетъ за Чингисомъ и управляетъ главными войсками. За нимъ слѣдуетъ министръ (шанъ-шу-линъ) Ань-чи-на-я; это младшій братъ главной императрицы; подъ его вѣдомствомъ 100 слишкомъ тысячъ конницы; подчиненные его строго соблюдаютъ законы. Сами Татары говорятъ, что приверженцы великаго князя все негодяи, а окружающіе министра хорошіе люди.

За нимъ Лю-бо-линь: это (Китаецъ) уроженецъ округа Юньнэй (въ облакахъ), въ странѣ Янь (нынѣшняя провинція Чжили). Онъ сначала былъ начальникомъ войска у Цзиньцевъ; но потомъ передался татарскому повелителю. У него есть весьма храбрый сынъ, женатый на женѣ старшаго Тэмучженева сына, погибшаго въ сраженіи. Онъ, вмѣстѣ съ Тата-

рами, участвовалъ при осадѣ столицы (въ провинціи) Янь (т. е. Пекина) и другихъ мѣстъ, и весьма отличился. Лю-бо-линь недавно пожалованъ княземъ (ваномъ), но теперь оставилъ службу и живетъ въ бездѣйствіи, дома; его же сынъ нынѣ комендантомъ западной столицы.

За нимъ слѣдуетъ графъ Да-гэ-сянъ; онъ изъ фамиліи Цзи (іероглифъ *цзи* похожъ на *чжа*) и теперь комендантомъ Яньской столицы (Пекина) За нимъ слѣдуетъ Чжа-па· онъ Уйгурецъ, .теперь уже старъ и также управляетъ вмѣстѣ (съ предыдущимъ) Яньскоій столицей и другими мѣстами. Сверхъ того, между значительными лицами, должно упомянуть о полководцахъ Чжи-тань-эръ (Шитяньни?), У-ши-ши, полководцѣ Лю и множествѣ другихъ, у которыхъ есть свои корпуса конницы. Всѣ они находятся подъ начальствомъ царя Мухури.

VI. Министры и правители.

Главный визирь (цзай-сянъ), То-хэ-тай-ши, старшій братъ Тухуа-тай-фу, по происхожденію своему Нючжисецъ, весьма хитеръ. Оба брата передались татарскому владѣтелю и сдѣлались министрами и военачальниками. За нимъ слѣдуетъ татарскій визирь Цзу-лэ-до-хэ. Сверхъ того, есть еще нючжискій визирь Ци-цзинь (Цэценъ?). Именъ прочихъ я не знаю; но, по большей части, всѣ они перебѣжавшіе нючжискіе чиновники. Прежде были извѣстны Бо-цянъ[177] и Ли-цзао, какъ министры; но нынѣ я нахожу только въ одномъ мѣстѣ (бумагѣ) подпись: Бо-лунь приходилъ сюда съ войскомъ; не знаю также, живъ ли онъ теперь Въ Яньской столицѣ

[177] Но ниже имя это пишется Бо лунь.

встрѣтился я съ однимъ Киданьцемъ, И-цы-цзинемъ, который завѣдываетъ перепиской придворной канцеляріи. Сверхъ того, есть Янъ-бяо, министръ чиновнической палаты, и Янъ-цзао, комендантъ сѣверной столицы. При мнѣ, передъ царемъ (Мухури) стояли два Ланчжуна изъ Цзо-ю-сы (праваго и лѣваго приказа), которые вдвоемъ переводили слова посланниковъ; это были прежніе цзиньскіе правители, Нючжисцы по происхожденію.

VII. Военное управленіе.

Татары родятся и вырастаютъ на сѣдлѣ и на лошади; они сами собой научаются сражаться, потому что вся ихъ жизнь круглый годъ проводится на охотѣ. Отъ того у нихъ нѣтъ пѣхоты, а все конница; войска у нихъ можетъ набраться нѣсколько сотъ тысячъ. Письменныхъ дѣлъ у нихъ (по военной части) почти нѣтъ; но всѣ, начиная отъ главнокомандующаго до тысячника, сотника и десятника (пай-цзы-тоу; см. объ этомъ выше), командуютъ лично. Всякій разъ, когда они хотятъ взять большой городъ, то сначала нападаютъ на малыя мѣста, берутъ въ плѣнъ тамошнихъ жителей и гонятъ ихъ на осаду. Для этого они отдаютъ повелѣніе, чтобы каждый конный солдатъ захватилъ десятерыхъ человѣкъ; когда это число вполнѣ набрано, то всякимъ человѣкомъ берется извѣстное количество травы, или дровъ, земли, камней, ихъ гонятъ день и ночь, убивая отсталыхъ; пригнавъ, немедленно заравниваютъ каналы и канавы (вокругъ городскихъ стѣнъ, притащенными матеріялами). (При осадѣ) употребляютъ еще также подкопы, батареи (пао-цзо) и проч ; при этомъ не жалѣютъ десятковъ тысячъ народа, и отъ того города всегда бываютъ взяты. По занятіи ихъ убиваютъ безъ всякой пощады всѣхъ, не разбирая ни старыхъ ни малыхъ, красавцевъ и безобразныхъ, бѣд-

ныхъ и богатыхъ, противящихся и покорныхъ; никакое знаменитое лицо не избѣгнетъ смертной казни, если оно, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, окажетъ сопротивленіе. По завладѣніи городомъ, добычу дѣлятъ на пропорціональныя части между высшими и низшими. Велика ли, мала ли эта добыча, всегда оставляютъ одну долю[178] для поднесенія императору Чингису; всему остальному составляется роспись. Министры и другіе, находящіеся въ Шамо и не имѣвшіе дѣла съ непріятелемъ, имѣютъ также свой участокъ. Всякое совѣщаніе о войнѣ производится въ 3-й или 4-й лунѣ; вѣсть о рѣшеніи разсылается повсюду; потомъ 5-го числа 5-й луны вторично разсуждается о томъ, куда направиться осенью настоящаго года, послѣ чего, по случаю лѣтнихъ жаровъ, всякій расходится по своимъ владѣніямъ къ пастбищамъ; въ 8-й лунѣ всѣ собираются въ Яньской столицѣ, а послѣ этого начинается походъ.

VIII. Конное управленіе.

Татарская страна богата водой и травой и способна для воспитанія барановъ и лошадей. Лошадей, черезъ годъ или два по рожденіи, пріучаютъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ, къ вынесенію трудностей ѣзды· тогда только употребляютъ ихъ въ дѣло; первоначальное обученіе нужно для того, чтобъ они не лягались и не кусались. Тысяча лошадей составляетъ табунъ и въ немъ не заржетъ ни одна лошадь; когда слѣзаютъ съ нея, то не нужно привязи. она и безъ того не уйдетъ. Качества лошади превосходны: весь день она не ѣстъ, и только ночью пускаютъ ее пастись въ поле, не разбирая. попалось ли мѣсто, покрытое зеленью или изсохшее, на расвѣтѣ (снова)

[178] Это можно принять въ значеніи десятой части всей добычи.

сѣдлаютъ; (для корма лошадей) вовсе незнакомы съ горохомъ или просомъ. У каждаго человѣка, по выступленіи въ походъ, бываетъ нѣсколько лошадей, на которыхъ онъ ѣдетъ поочередно, по одному дню; отъ этого лошади не изнуряются и не гибнутъ.

IX. Провіянтъ.

Татарская земля, изобилуя водами и травами, пригодна для лошадей и овецъ, которыя составляютъ источникъ пропитанія: такъ что одно кобылье молоко (кумысъ) достаточно для утоленія голода и жажды; молока одной кобылы достаточно для насыщенія трехъ человѣкъ(?). Отправляясь въ дорогу или возвращаясь домой, только и знаютъ, что пьютъ кобылье молоко, или убиваютъ барана. Въ той странѣ на одну лошадь приходится 6 или 7 барановъ, т. е. у кого 100 лошадей, у того стадо изъ 600 или 700 барановъ. Если, въ походъ на Китай(?), у нихъ выходятъ бараны, то они стрѣляютъ зайцевъ, оленей, кабановъ. Поэтому войско, состоящее хотябы изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ, когда располагается лагеремъ, то въ немъ не видно ни огня, ни дыму. Въ послѣдніе годы, такъ какъ они увели въ рабство Китайцевъ, которые насыщаются только хлѣбной пищей, они стали захватывать хлѣбъ; отъ того, на стоянкахъ и заставахъ, нынѣ варятъ и ѣдятъ кашицу. Въ ихъ странѣ также родится, въ нѣкоторыхъ (буквально: въ одномъ или двухъ) мѣстахъ, черное просо, которое также варятъ для кашицы.

X. Завоеванія.

Въ то время, когда Татары не вышли еще изъ своихъ предѣловъ, въ годы правленія Да-динъ (т. е. отъ 1161—1189 г.),

при разбойнической Цзиньской династіи, въ Яньской столицѣ и Киданьской странѣ разнеслось предсказаніе, что настоящее правительство, тѣснимое Татарами, не найдетъ себѣ убѣжища. Глава[179] Цзиньскій, Юнъ (это кличка Ши-цзуна Цзиньской династіи вышесказанныхъ годовъ правленія Да-динъ), услыхавъ объ этомъ стороной, съ испугомъ воскликнулъ: Татары непремѣнно будутъ (въ послѣдствіи) причиной безпокойства для нашего царства! Поэтому онъ отдалъ приказаніе немедленно выступить въ походъ противъ ихъ отдаленной и пустынной страны. И чрезъ каждые три года отправлялись войска на сѣверъ для истребленія и грабежа: это называлось наборомъ (цзянь динъ, что̀ буквально значитъ «уменьшеніе рабовъ, или слугъ, рекрутовъ») и истребленіемъ людей. Понынѣ еще въ Китаѣ всѣ помнятъ, что за двадцать лѣтъ предъ этимъ, въ Шань-дунѣ и Хэ-бэй, въ чьемъ домѣ не было куплено въ рабство татарскихъ дѣвочекъ и мальчиковъ: это были все захваченные въ плѣнъ войсками. Тѣ, которые въ настоящее время у Татаръ вельможами, тогда, по большей части, были уведены въ плѣнъ и жили въ Цзиньскихъ владѣніяхъ. Притомъ, каждый годъ изъ ихъ страны платили дань; ее принимали за границей, отсылая назадъ посланныхъ, не допуская ихъ такимъ образомъ вступать въ Цзиньскіе предѣлы. Татары убѣжали въ Шамо и мщеніе проникло въ ихъ кости и мозгъ. Когда ложный[180] Чжанъ-цзунъ вступилъ на престолъ, то въ годы его правленія Минъ-чанъ (отъ 1190—1196) запрещено было убивать и грабить: чрезъ это Татары мало-по-малу возвратились на родину; число народа увеличилось. Это

---

[179] То есть императоръ Названіе «глава» умышленно употреблено здѣсь авторомъ съ намѣреніемъ оскорбить

[180] Императоръ или самозванецъ; но это тоже ругательный эпитетъ со стороны Китайца Сунской династіи, въ глазахъ котораго одинъ только его царь имѣлъ право на званіе императора.

снова обезпокоило Чжанъ-цзуна и онъ воздвигнулъ новую Великую стѣну (чанъ-чэнъ) на сѣверъ отъ Цзинъ-чжоу и охраненіе ея поручилъ Тангу-чжа. Когда Тангу-чжа взбунтовались, то вмѣстѣ съ ними взбунтовались И-ла-ду-чжа (въ Цзиньской исторіи: Ѣ-ла-ду), Мудянь-чжа, Моу-чжа, Хоудянь-чжа (въ Цзиньской исторіи: Гудунь), и прочіе. Цзиньцы отправили противъ нихъ войска и усмирили; разсѣянные Чжа'сцы передались Татарамъ. (Между тѣмъ) въ это время, между Уйгурами былъ нѣкто по фамиліи Тянь, весьма богатый и ведшій торговлю на огромныя суммы; онъ часто посѣщалъ Хэбэй и Шань-дунъ; вмѣстѣ съ Чжа'сцами онъ началъ разсказывать Татарамъ о богатствѣ жителей этихъ странъ, подстрекая ихъ къ собранію войска и вторженію (въ Цзиньскіе предѣлы). И Темучинь, который уже питалъ неудовольствіе за притѣсненія, вступилъ въ предѣлы и, завоевавъ, истребилъ всѣ пограничныя мѣста. У Татаръ, какъ старые, такъ и молодые, и теперь всѣ припоминаютъ слова Яньскихъ разбойниковъ (т е. Нючжисцевъ), какъ они имъ говорили. «наше царство подобно морю, а ваше горсти песку куда же вамъ съ нами справляться!» Только тогда уже, когда взята была западная столица, вздрогнули какъ царь, такъ и вельможи разбойниковъ; они собрали всѣ отборныя войска своего государства, въ числѣ 500,000 человѣкъ пѣхоты и конницы и отправили ихъ навстрѣчу подъ начальствомъ Ху-ша-ху; но они потерпѣли великое пораженіе. Вторично составлено было новое войско, набранное въ Шань-дунѣ, Хэбэй и другихъ мѣстахъ; къ нему присоединена была гвардія тѣлохранителей императоскихъ и проч.; въ немъ считалось 300 тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ Гао-ци Это войско было разбито подъ стѣнами Яньской столицы, когда Татары приступили къ этому городу; тутъ сокрушены были силы разбойниковъ Цзиньцевъ, увеличивавшіяся въ продолженіи столѣтія,

войско разсѣялось и было истреблено, отъ этого царство (Цзинь ское) пришло въ упадокъ Всякій разъ, когда Татары осаждали города въ Хэбэй, Шаньдунѣ и Янь-бэй (на сѣверъ отъ Пекина), разбойники не смѣли противиться ихъ оружію.

XI. Должности.

Татары, подражая цзиньскимъ разбойникамъ, также ввели у себя звания линъ-лу шанъ-шу (министровъ), линъ-цзо-ю-сянъ (главноуправляющихъ), праваго и лѣваго пинъ-чжанъ (директоровъ) и другія должности. Они также поставили визирей (тай-ши), главнокомандующихъ (юань-шуай) и др., которые носятъ при себѣ (въ знакъ достоинства) золотыя пайцзы. Первостепенные знаменитые вельможи носятъ изображеніе двухъ тигровъ, или такъ называемую прежде, ху-доу («дерущіеся тигры»). На золотой пайцзѣ находится китайская надпись: «святая воля, ниспосланнаго небомъ, императора Чингиса должна по возможности (съ благоговѣніемъ) исполнятся»[181]. За ней слѣдуетъ простая (т. е. безъ тигровъ) пай-цзы, съ надписью. «святая воля ниспосланнаго небомъ императора Чингиса да немедленно (исполнится)»[182]. За ней слѣдуетъ серебряная пай-цзы, съ одинаковой надписью, какъ и въ предъидущей. Чингисъ издаетъ также указы (чжао), приказанія (чи) и другія бумаги. Этому всему научили передавшіеся

---

[181] *Тянь-цы Чэнъ-цы-сы Хуанъ-ди Шэнъ-чжи данъ бянь и синъ ши.* Здѣсь слова *Тянь-цы*, съ одной стороны, напоминаютъ извѣстную на найденной пай-цзѣ монгольскую надпись *Тегріинъ-кучунъ-доръ*, а съ другой представляютъ тѣ самые іероглифы, изъ которыхъ, по словамъ автора, производили слово Чингисъ.

[182] Т. е. вмѣсто предъидущей фразы *Шэнъ чжи данъ бянь и синь ши*, писались только слова *чжи цзи, чжи* значитъ «воля, приказаніе», а *цзи* «скоро, немедленно». Впрочемъ, можетъ быть, авторъ и позволилъ себѣ окращеніе.

цзиньскіе вельможи. Тѣ указы, которые издаются для народа, бываютъ четырехъ формъ, именно: объявленія (сюань) и нарядъ (чай)[183]. Чиновники, управляющіе провинціями (чжоу), называются цзѣ-ши. Тѣ богатыри, которые предстоятъ по обѣимъ сторонамъ (Чингисхана) съ луками и стрѣлами и знаками достоинства, называются хувэй (*ху* «охраняющіе» и *вэй* «окружающіе», гвардія).

XII. Нравы.

Татары презираютъ старость и уважаютъ бодрость; у нихъ не въ обычаѣ частныя ссоры и драки. Перваго числа первой луны они непремѣнно поклоняются небу. Въ праздникъ Чунъ-у бываетъ тоже, все это однакожъ ввелось отъ долговременнаго пребыванія въ странѣ Янь и заимствовано отъ Цзиньцевъ. Они любятъ угощенія. Всякій разъ, какъ царь Мухури возвращался съ сраженія, онъ нѣсколько дней сряду пировалъ (попеременно) у своихъ женъ; тоже дѣлаютъ и низшіе противъ него. Татары, по большей части, имѣютъ обычай не мыть рукъ и хватаются ими (во время стола) за рыбу и мясо; когда жиръ пристаетъ къ рукамъ, то обтираютъ ихъ о свои кафтаны. Платье ихъ не снимается (т. е. не перемѣняется) и не моется до тѣхъ поръ, пока не износится. Женщины иногда намазываютъ себѣ шею (или лобъ, но здѣсь, очевидно, лицо) желтыми бѣлилами; онѣ ходятъ донынѣ безъ перемѣны въ старинномъ китайскомъ костюмѣ. Всѣ, начиная отъ Чингиса до простолюдина, брѣютъ, подобно какъ у ки-

---

[183] Здѣсь есть пропускъ, или, такъ какъ авторъ не перечисляетъ всѣхъ четырехъ видовъ, то надобно понимать: они извѣстны подъ общимъ именемъ *сюань чай* «объявленіе, нарядъ» Но для насъ важнѣе всего то, что названіе *сюань*, встрѣчаемое на извѣстной пайцзѣ, породившей споръ между нашими учеными, было уже извѣстно при Чингисханѣ.

тайскихъ дѣтей, окружность головы, оставляя три пучка, изъ которыхъ тотъ, который виситъ надъ лбомъ, подстригаютъ тотчасъ какъ нѣсколько подростетъ, другіе же два по бокамъ свиваютъ въ два небольшіе рога и спускаютъ на плечи.

XIII. Военныя принадлежности и оружіе.

Въ знакъ присутствія Чингиса распускаютъ большое знамя, все бѣлое: кромѣ этого нѣтъ другихъ знаменъ и хоругвей; но также бываетъ и зонтъ: онъ дѣлается изъ желтой или красной матеріи. Тономъ служитъ монгольскій диванъ (хучуанъ), съ драконовыми заголовками, обложенный золотомъ. Царь (го-ванъ, Мухури) иногда употребляетъ серебряный стулъ (чу, «мѣсто»), что̀ и служитъ отличіемъ (его отъ прочихъ?); сѣдло и подпруга (сбруя), также какъ и у царя, украшаются золотомъ и фигурами свернувшагося дракона. Нынѣ царь (Чингисханъ) употребляетъ только одно бѣлое знамя о 9 хвостахъ: въ срединѣ его изображена черная луна; оно распускается, когда отправляются въ походъ. Говорятъ, что, кромѣ его, только у однихъ главнокомандующихъ бываетъ по одному знамени. Только у одного царя употребляется барабанъ, въ который бьютъ, когда вступаютъ въ сраженіе. Сѣдло дѣлается изъ дерева; оно весьма легко и искусно сдѣлано. Луки всегда бываютъ свыше одной силы, на стрѣлы употребляютъ песчаную иву; сабли весьма легки и тонки. онѣ выгнуты.

XIV. Посланники.

Ихъ посланники (т. е. командируемые куда-нибудь) называются сюань-чай (т. е. отряжаемые для разглашенія)[184]. Тѣ,

[184] Не *цзамчи* ли? отъ монгольскаго слова *цзамъ* «дорога» Нынѣ по-монгольски посланецъ и простой гонецъ называются *эльчи*; невозможно, чтобы

которые посылаются отъ императора или царя, при проѣздѣ своемъ по губерніямъ и уѣздамъ или мѣстамъ жительства офицеровъ, бываютъ встрѣчаемы съ почтеніемъ. Не разбирая, имѣетъ ли онъ высшій или нисшій чинъ, всѣ наперерывъ ему кланяются, ставятъ почетный караулъ у воротъ, сажаютъ на высшее мѣсто; правители сами чинятъ колѣнопреклоненіе и оказываютъ всевозможное усердіе. Посланникъ останавливается въ желтой палаткѣ, въ которой производятся дѣла; встрѣчаютъ его внѣ предмѣстія, провожаютъ съ барабаннымъ боемъ, распущенными знаменами и музыкой. При всякой встрѣчѣ перемѣняютъ лошадей; сопровождающіе посланца дѣлаютъ тоже Это называется ѣхать на почтовыхъ (чэнъ-бу-ма); это также напоминаетъ древній (китайскій) образъ ѣзды. Въ послѣднее время, когда (нашъ) посланникъ прибылъ въ мѣстопребываніе ихъ царя, при свиданіи было весьма мало церемоній, а слова весьма прямы; при этомъ говорили: «твой великій добрый Сунскій императоръ (или) твой добрый визирь!» Вообще, ихъ характеръ, по большей части простой, и въ немъ отражается неиспорченность древности. Какъ жаль, что у нихъ наставниками перебѣжавшіе цзиньскіе чиновники! Нынѣ они уже выходятъ изъ хаоса (простоты), разрушаютъ естественное (буквально: настоящее) небесное ученіе и прибѣгаютъ къ низкимъ хитростямъ! О, это гадко!

XV. Жертвоприношенія (религія).

Всякій разъ, какъ гадаютъ о счастіи или несчастіи, о какомъ-нибудь предпріятіи или военномъ нападеніи, употребля-

---

Монголы не имѣли своего названія въ то время для посланцевъ, но въ бумагахъ, писавшихся на китайскомъ языкѣ, очень легко, можетъ быть, употреблялось слово *сюань-чай*.

ютъ баранью лопатку; разламываютъ ее или желѣзнымъ молоткомъ, или въ огнѣ, и по излому и трещинамъ заключаютъ объ успѣхѣ. Это похоже на (китайское) гаданіе на черепашьемъ черепѣ. Всякій разъ, какъ пьютъ вино, сперва подчиваютъ (другъ друга). Они обыкновенно весьма чтутъ небо и землю; во всякомъ дѣлѣ упоминаютъ о небѣ (т. е. призываютъ небо въ свидѣтели); услышавъ громъ весьма пугаются и не смѣютъ итти съ войскомъ, говоря, что такова воля неба.

XVI. Женщины.

По ихъ обычаю, при выступленіи въ походъ, какъ богатые, такъ и бѣдные берутъ съ собой, по большей части, и женщинъ; они сами говорятъ, что онѣ нужны для присмотра за багажемъ (постелью), платьемъ, вещами и деньгами. На женщинахъ лежитъ исключительная обязанность ставить юрты, принимать лошадей, сѣдлать ихъ, присматривать за скарбомъ, верблюдами и проч. Онѣ весьма искусны въ ѣздѣ; платье у нихъ похоже на то, которое носятъ китайскіе дао-сы. Жены старѣйшинъ (т. е. князей) носятъ шапку гу-гу, сплетаемую изъ проволоки; она имѣетъ форму бамбука (?), высотой около трехъ футовъ; ее украшаютъ фіолетовой парчей или золотомъ и жемчугомъ; надъ ней еще торчитъ палка, украшенная фіолетовымъ (хунъ-цинъ) бархатомъ. Еще носятъ платья съ вышитыми рукавами, похожія на китайское хо̀-чанъ (платье изъ перьевъ?). оно широкое и длинное, такъ что волочится по землѣ, и когда идутъ, то двѣ невольницы несутъ (шлейфъ). Мущины и женщины садятся безъ всякаго разбора и безъ всякаго запрета, подчуютъ другъ друга. Когда (нашъ) посланникъ, отправленный на сѣверъ, представился ихъ царю, то, по окончаніи (церемоніи) встрѣчи, ему велѣно было сѣсть пить вино вмѣстѣ съ его женой, царевной Лай-мань и во-

семью наложницами, которыхъ величали дамами; при всякомъ угощеніи и послѣ онѣ также присутствовали. Эти наложницы ослѣпительной бѣлизны и красивой наружности; четыре изъ нихъ суть княгини (гуй-пинь) цзиньскія, а четыре другія были женами Татаръ; онѣ весьма красивы и пользуются чрезмѣрной любовью. Всѣ онѣ были одѣты въ монгольское платье и носили монгольскую шапку (ху).

XVII. Пиршества, музыка и мимика.

Когда царь выступаетъ въ походъ, за нимъ слѣдуетъ женскій оркестръ, состоящій изъ 17 или 18 красавицъ, весьма искусныхъ въ игрѣ. Онѣ играютъ по большей части на четырнадцати-струнномъ инструментѣ. Главныхъ регентовъ четверо. Въ знакъ каданса бьютъ въ ладоши; музыка весьма низка. Мимика (т. е. пляска) ихъ весьма странна (или отличается отъ нашей китайской). По татарскимъ обычаямъ, когда хозяинъ подноситъ бокалъ съ виномъ гостю, то если этотъ хоть каплю оставитъ недопитою, хозяинъ ужъ больше не станетъ подносить. Когда же видятъ, что вино выпито до дна, то бываютъ весьма рады. Когда у нихъ играютъ въ мячъ(?), то въ этомъ участвуютъ не болѣе двадцати всадниковъ, потому что не любятъ при этомъ шума. (Однажды), по окончаніи такой игры, (царь) послалъ за нашимъ посланникомъ и когда онъ пришелъ, то сказалъ ему: нынче играли въ мячъ, почему же ты не приходилъ? Тотъ отвѣчалъ, что его не приглашали и потому онъ не смѣлъ придти. Тогда царь возразилъ: ты по прибытіи въ мое царство сдѣлался домашнимъ человѣкомъ; приходи всякій разъ веселиться съ нами, когда бываетъ пиршество, игра въ мячъ или облава; къ чему еще дожидаться зову? Послѣ этого онъ захохоталъ, оштрафовалъ (посланника) шестью бокалами и отпустилъ его къ вечеру,

когда онъ ужъ чрезвычайно опьянѣлъ. Кромѣ того, по ихъ обычаю, всякій разъ какъ пьютъ вино, сосѣди мѣняются другъ съ другомъ (рюмками?) или отвѣдываютъ одинъ у другаго. Если сосѣдъ держитъ бокалъ одной рукой, то это значитъ, что мнѣ нужно хлебнуть изъ него, и тогда уже онъ имѣетъ право пить; если же держитъ обѣими руками, то значитъ, онъ хочетъ со мной помѣняться бокалами и я долженъ выпить до дна его вино, а потомъ наливши подчивать его; отъ этого легко напиваются. Всякій разъ, когда постороннему гостю случится, напившись, шумѣть или нарушать правила благопристойности, когда съ нимъ дѣлается рвота или онъ ляжетъ (спать), то въ восторгѣ говорятъ. гость напился, значитъ онъ со мной душа въ душу. Когда нашъ посланникъ прощался, то царь наказывалъ провожатому: «въ каждомъ хорошемъ городѣ останавливай его на нѣсколько дней, давай лучшаго вина, чаю, пищи, чтобы хорошіе мальчики музыканты играли для него на флейтѣ, а красавицы бряцали на инструментѣ». Подъ именемъ хорошихъ городовъ разумѣлись лучшіе областные (чжоу) и уѣздные (янь) города.

Сочинялъ Мэнъ-хунъ,
при Сунской династіи.